

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Любеева Светлана Васильевна

ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ К. ИСИГУРО

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(английская литература)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, доцент
Меркулова Майя Геннадиевна

Москва – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. АСПЕКТЫ РЕЦЕПЦИИ ПРОБЛЕМЫ ПОКОЛЕНИЙ	16
В КРИТИКЕ II ПОЛ. XX ВЕКА	16
1.1 Социологический аспект рецепции проблемы поколения	16
1.2 Психологическое обоснование проблемы поколений	29
1.3 Литературоведческий анализ проблемы поколений	44
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	60
ГЛАВА 2. ПОРТРЕТЫ ПОКОЛЕНИЙ И ВНУТРИПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ К. ИСИГУРО	63
2.1 «Величайшее» и «молчаливое» поколения I пол. XX в.	65
2.2 Поколения «бумеры» и «миллениалы» II пол. XX в.	87
2.3 «Цифровое» поколение конца XX – начала XXI в.	103
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	113
3. КОНФЛИКТ КАК ИСТОЧНИК МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ИСИГУРО	118
3.1 Характер антагонизма величайшего и молчаливого поколений	120
3.2 Специфика конфликта и проблем между молчаливым поколением и бумерами	135
3.3 Противостояние миллениалов и цифрового поколения	150
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	167

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено анализу проблемы поколений в творчестве К. Исигуро. Проблема поколений является сквозной в мировой художественной литературе и актуальной своим вечным звучанием. Её разработкой и осмыслением занимались авторы многих эпох в различных жанрах литературы, выделяя такие особенности, как различие взглядов представителей противоположных поколений на важнейшие вопросы жизни, среди которых пути решения общественных проблем, роль искусства и науки, отношение к природе и окружающему миру, любовь и человеческая сущность в целом. Художественная литература предлагает собственные пути решения проблемы поколений в ее полном и разностороннем освещении.

К. Исигуро (1954 г.р.) – современный британский романист японского происхождения, лауреат Букеровской премии (1989), член Королевского литературного общества, наряду с Питером Акройдом и Мюриэл Спарк. Кроме того, писатель является офицером почетного ордена Британской империи, а в 2019 г. он был посвящен в рыцари. Широкий интерес к творчеству К. Исигуро был вызван вручением ему Нобелевской премии по литературе в 2017 г. В формулировке Нобелевского Комитета делался акцент на эмоциональной силе произведений К. Исигуро («in novels of great emotional force, [he] has uncovered the abyss beneath our illusory sense of connection with the world») [The Noble Prize 2017]. В своей нобелевской речи автор подчеркнул неопределенность современного мира и созидательный мотив своего литературного творчества («The world is in a very uncertain moment and I would hope all the Nobel Prizes would be a force for something positive in the world as it is at the moment. I'll be deeply moved if I could in some way be part of some sort of climate this year in contributing to some sort of positive atmosphere at a very uncertain time») [The Noble Prize 2017]. Литературная карьера К. Исигуро, как и многих других писателей, началась с написания малой прозы. В 1981 г. в

сборнике «Знакомство: 7 Рассказов новых писателей» (Introduction 7 Stories by New Writers, 1981) публикуются рассказы «Странная, порой приходящая грусть» (A Strange and Sometimes Sadness), «Отравление» (Getting Poisoned), «В ожидании Джея» (Waiting for J), являющиеся, наряду с рассказом «Семейный ужин» («A Family Supper», который впервые появился в журнале «Firebird 2» 1983), дебютными произведениями автора. Рассказ «Деревня после заката» (A Village After Dark) вышел в газете «The New Yorker» в 2001 г. после первой публикации во Франции на французском языке. Несмотря на то, что «Деревня после заката» многими критиками воспринимается как зарисовка к более зрелому и завершённому роману «Безутешные» (The Unconsoled, 1995), данная работа представляет определенный интерес для нашего исследования, как и другие дебютные работы автора. В малой прозе К. Исигуро заложены основы для понимания проблематики и эмоционально-ценностной ориентации творчества автора в целом, в том числе проблемы поколений. Сборник новелл 2009 г. «Ноктюрны: пять историй о музыке и сумерках» (Nocturnes: Five Stories of Music and Nightfall) представляет собой не просто цикл историй о музыке и музыкантах, но является творческим симбиозом музыкальных и социальных мотивов одиночества, жертвенности, поиска себя и смены идеалов и ценностей. Следует отметить, что темы, мотивы и образы, сформировавшиеся в малой прозе К. Исигуро, получили свое дальнейшее развитие в последующих романах писателя.

На сегодняшний день К. Исигуро является автором ряда рассказов, нескольких телевизионных сценариев и восьми романов, многие из которых были удостоены престижных литературных премий. «Там, где в дымке холмы» (A Pale View of Hills, 1982) – премия Уинфред Холтби, «Художник зыбкого мира» (An Artist of the Floating World, 1986) – премия «Уитбрэд», «Остаток дня» (The Remains of the Day, 1989) – премия «Букер», «Безутешные» (The Unconsoled, 1995) – вошел в шорт-лист премии Коста (Уитбрэдовская премия), «Когда мы были сиротами» (When We Were Orphans, 2000) –

номинарован на премию «Букер», «Не отпускай меня» (Never Let Me Go, 2005) – включен в 100 лучших английских романов всех времен по версии журнала «Тайм», «Погребенный великан» (The Buried Giant, 2015) – номинарован на Всемирную премию фэнтези за лучший роман (2016) и последний (на сегодняшний день) роман, вышедший в марте 2021 г., «Клара и Солнце» (Klara and the Sun). Произведения писателя переведены на многие языки, а появление каждого нового романа привлекает как активный читательский интерес, так и пристальное внимание критики. Романы «Остаток дня» в 1993 г. и «Не отпускай меня» в 2010 г. были экранизированы и получили широкий зрительский успех и немалое число престижных премий. Художественный фильм «На исходе дня» (The Remains of the Day, 2010) с Энтони Хопкинсом (*Anthony Hopkins*) в главной роли только на премию «Оскар» был представлен по восьми номинациям.

Таким образом, **материалом данного исследования** послужили восемь указанных романов К. Исигуро на языке оригинала, а также рассказы: «A Family Supper» (1983), «A Village After Dark» (2001), «Come Rain or Come Shine» (2009), «Cellists» (2009), «Malvern Hills» (2009), в том числе не переведенные на русский язык дебютные рассказы 1981 г. «A Strange and Sometimes Sadness» и «Getting Poisoned».

При изучении данного художественного материала мы, прежде всего, обращаем внимание на мотивно-тематические комплексы, сущность конфликта и художественные средства, способствующие выражению внутриспоколенческой и межпоколенческой проблематики поколений в творчестве автора. С целью всестороннего и комплексного анализа проблематики каждого поколенческого цикла в творчестве К. Исигуро мы предлагаем использовать понятия «внутриспоколенческая» и «межпоколенческая» применительно к проблематике, опираясь на определение конфликта, предложенное социологами В.И. Добреньковым и А.И. Кравченко. Под внутриспоколенческой проблематикой предлагается

понимать совокупность проблем, с которыми сталкивается определенное поколение на своем жизненном пути. Межпоколенческая проблематика – это совокупность проблем и противоречий между представителями разных поколений. При этом внутр поколенческие и межпоколенческие проблемы могут иметь как универсальный (общечеловеческий) характер и затрагивать любой поколенческий цикл/циклы, так и специфический, составляя отличительную черту поколения/поколений на конкретном историческом этапе.

Предметом исследования выступает внутр поколенческая и межпоколенческая проблематика в творчестве К. Исигуро.

Объектом изучения является творческая рецепция представленных в творчестве К. Исигуро пяти поколений по классификации Хоува-Штрауса: G.I. – «величайшее» (1901–1924), Silent – «молчаливое» (1925–1942), Boom – «бумеры» (1943–1960), Millennial – «миллениалы» (1982–2002), Z – «цифровое» (2003 – по наст. вр.).

Актуальность исследования обусловлена тем, что, во-первых, проблема поколений не теряет своей значимости и остроты, что подтверждено постоянным обращением к данной проблематике в мировой литературе; во-вторых, несмотря на то, что вручение К. Исигуро Нобелевской премии по литературе (2017) вызвало значительный интерес к творчеству писателя в современной отечественной и зарубежной англистике, осмысление проблемы поколений в его произведениях остается на периферии исследовательского внимания и требует детального рассмотрения.

Таким образом, **научная новизна** диссертации заключается в том, что в отечественном литературоведении впервые предпринимается попытка всестороннего анализа внутр поколенческих и межпоколенческих проблем поколений на материале творчества К. Исигуро.

Степень изученности проблемы. Творчеству К. Исигуро посвящено большое количество работ в современном отечественном и зарубежном

литературоведении. Зарубежные исследователи творчества К. Исигуро Б. Шеффер [Shaffer 1998], С. Вонг [Wong 2000], Б. Льюис [Lewis 2000], Ю. Тео [Тео 2014] прежде всего изучали повествовательные стратегии автора, в частности, образ «ненадежного повествователя» и тесно связанную с этим проблему памяти.

Среди представителей отечественного литературоведения, изучающих творчество К. Исигуро, хотелось бы выделить Е.Н. Белову, Ю.С. Нестеренко, О.А. Павлову, С.П. Толкачеву, рассматривавших творчество автора в контексте мультикультурной литературы; О.А. Джумайло, обращающуюся к освещению основных сюжетобразующих мотивов произведений автора, а также О.Г. Сидорову, Я.В. Погребную, Л.Ф. Хабибуллину и Т.Л. Селитрину, которые исследовали различные аспекты творчества К. Исигуро.

Е.Н. Белова в кандидатской диссертации «Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» [Белова 2012] анализирует роман «Не отпускай меня» в контексте проблем литературной глобализации и мультикультурализма.

Ю.С. Нестеренко в кандидатской диссертации «Национальная картина мира в романах Кадзуо Исигуро» [Нестеренко 2019] делает акцент на выявлении и освещении национальных концептов культур Англии и Японии, получивших в художественном мире романов К. Исигуро нерасторжимое воплощение.

О.А. Павлова в исследовании «Категории «история» и «память» в контексте постколониального дискурса (на примере творчества Дж.М. Кутзее и К. Исигуро» [Павлова 2012] анализирует категории *история* и *память*, нашедшие свое отражение в творчестве Дж. М. Кутзее и К. Исигуро.

С.П. Толкачев в докторской диссертации «Мультикультурный контекст современного английского романа» [Толкачев 2003] проводит масштабный анализ творчества английских писателей-мультикультуралистов, среди которых К. Исигуро. С.П. Толкачев отмечает преобладание романной формы

в творчестве писателей гибридной идентичности, считая ее наиболее свойственной и репрезентативной для мультикультурной литературы.

О.А. Джумайло в монографии «Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг.» [Джумайло 2014] выделяет такие художественные приемы исповедальности в текстах К. Исигуро как монтаж, лейтмотив и ненадежный рассказчик, которые характерны как для творчества современных британских авторов (И. Макьюэн, Дж. Барнс, М. Эмис, Г. Свифт), так и для постмодернистской прозы в целом.

О.Г. Сидорова в докторской диссертации «Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании» [Сидорова 2005] обращает внимание на гибридный характер творчества К. Исигуро и на особую роль темы детства в романе «Когда мы были сиротами».

Я.В. Погребная в работе «Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Погребенный великан»: европейский интертекст и японский подтекст» [Погребная 2018] приходит к выводу, что интертекст романа образуется европейскими средневековыми романами и архаическими эпосами, в то время как в подтексте к осмыслению событий, развивающихся в Британии, адаптируются принципы японской эстетики, почерпнутые из синтоизма.

Л.Ф. Хабибуллина в статье «“Японский” контекст романа К. Исигуро “Остаток дня”» [Хабибуллина 2012] приходит к выводу о том, что роман «Остаток дня», который критика называет «самым английским» произведением К. Исигуро, в действительности содержит смыслы, раскрываемые только через сопоставление текста романа с японской культурой. В статье «Вторая мировая война в современной литературе» [Хабибуллина 2015] Л.Ф. Хабибуллина отмечает, что построение романов К. Исигуро указывает прежде всего на «масштабность и «неизлечимость»

травмы, нанесенной героям произведений опытом войны» [Хабибуллина 2015: 267].

Т.Л. Селитрина в статье «Повествовательные стратегии Кадзуо Исигуро» обращает внимание на усложненную манеру письма автора в романе «Безутешные» (1995), несвойственную его предыдущим произведениям, а в работе «Память и нарратив в романе К. Исигуро “Остаток дня”» [Селитрина 2018] литературовед на материале романа «Остаток дня» исследует, как память и нарратив пересекаются в организации и осмыслении жизненного опыта, оформляя его в словесный рассказ главного героя. В статье «Фантазия мифа и правда истории в романе К. Исигуро “Погребенный великан”» [Селитрина 2017] Т.Л. Селитрина отмечает, что роман К. Исигуро «Погребенный великан» (2015) может быть прочитан как один из вариантов современной мифологизации истории.

Сложность изучения взаимоотношений поколений определяет мультидисциплинарность исследований: изучением поколений занимаются социология, демография, генеалогия, педагогика, этнография, психология. Каждая из конкретных наук решает данную проблему в своём контексте.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют труды зарубежных и отечественных ученых, раскрывающие различные подходы к пониманию проблемы поколений. Наиболее важные в контексте данной работы социологические теории поколений: ортеговская, («Вокруг Галилея (схема кризисов)» 1933 г.), социального местоположения Мангейма («Проблема поколений» 1928 г.), конфликта поколений Фойера («Поколенческий манифест» 1969 г.), кризиса поколений Манделя («Кризис поколений» 1969 г.), межпоколенческой вражды Лоренца («Вражда между поколениями и ее возможные этологические причины» 1970 г.), антропологической преемственности Мид («Культура и сопричастность» 1970 г.) и архетипов когорты Хоува-Штрауса («Поколения» 1991 г.). Значимые психологические подходы в рамках данного исследования следующие:

концепции о межпоколенческой передаче психических травм (М. Боуэн, Ф. Дольто, Н. Абрахам, И. Бузормени-Надь, М. Терек), влиянии ПТСР на память, диссоциации (Б. Ван дер Колк, О. ван дер Харт), адаптации после взрыва атомной бомбы (Дж. Лифтон), коллективном чувстве вины (Р. Браун, Ф. Терони, Б. Дусже), материнстве (Ю. Кристева). Теория архетипов когорты Хоува-Штрауса послужит методологической основой нашего исследования, так как в полной мере позволяет понять художественные образы, относящиеся к различным поколенческим циклам.

Социологический, психологический и литературоведческий аспекты изучения проблемы поколений представлены в теоретической главе нашей работы. Учитывая охватываемый автором исторический контекст и биографические сведения, данные в текстах о персонажах-представителях отдельных поколений, объектом для анализа послужат представители поколений I пол. XX в. – начала XXI в.

Цель исследования: изучить художественное своеобразие внутрипоколенческой и межпоколенческой проблематики в творчестве К. Исигуро.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

1) обозначить и проанализировать ведущие для изучения творчества К. Исигуро аспекты рецепции проблемы поколений в критике II пол. XX в.: социологический, психологический, литературоведческий;

2) охарактеризовать портреты и определить внутрипоколенческую проблематику представителей пяти поколений I пол. XX в. – начала XXI в. (величайшее, молчаливое, бумеры, миллениалы и цифровое поколения) в творчестве К. Исигуро;

3) проанализировать характер антагонизма величайшего и молчаливого поколений в произведениях К. Исигуро;

- 4) определить специфику конфликта и проблем между молчаливым поколением и бумерами в произведениях К. Исигуро;
- 5) изучить особенности противостояния миллениалов и цифрового поколения в произведениях К. Исигуро;
- 6) установить своеобразие художественного воплощения проблемы поколений в творчестве К. Исигуро.

В работе использован системный методологический подход, основанный на сочетании следующих методов изучения литературных произведений: биографический, культурно-исторический, сопоставительный, структурный.

Теоретическая значимость работы заключается в выделении для изучения творчества К. Исигуро внутр поколенческих и межпоколенческих проблем, интерпретации особенностей художественного воплощения универсальных и специфических проблем поколений в произведениях К. Исигуро.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении как творчества писателя, так и проблемы поколений в литературе, а также в вузовской практике при подготовке курсов по зарубежной литературе, спецкурсов и спецсеминаров, посвященных истории современной британской литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Созданные К. Исигуро образы имеют архетипические портретные характеристики, которые позволяют рассматривать персонажей в рамках определенных поколенческих циклов по классификации Хоува-Штрауса: величайшее поколение (1901–1924), молчаливое поколение (1925–1942), бумеры (1943–1960), миллениалы (1982–2002) и цифровое поколение (2003– по наст. вр.).

2. Каждое поколение в творчестве К. Исигуро в процессе своего жизненного цикла сталкивается с определенным кругом *внутрипоколенческих* и *межпоколенческих* проблем, которые обусловлены культурно-историческим контекстом, личностными и психологическими особенностями представителей поколений. При этом *внутрипоколенческая* и *межпоколенческая* проблематика может иметь как универсальный (общечеловеческий) характер и затрагивать любой поколенческий цикл, так и специфический, составляя отличительную черту данного поколения (поколенческих пар) на определенном историческом этапе.

3. К превалирующим универсальным внутрипоколенческим проблемам в творчестве К. Исигуро относятся: безотцовщина, изменение общественного и материального статуса; эскапизм; распад семьи и утрата корней; жестокость; кризис идентичности; разделение общества; профессиональная самозабвенность; отчуждающее отношение к материнству; восприятие экзистенциальных границ человека.

4. Специфическая внутрипоколенческая проблематика в творчестве К. Исигуро выражается в следующих аспектах: слепое служение долгу, самообман (величайшее поколение); травма войны, конформизм (молчаливое поколение); паралич воли (бумеры); проблема «черного ящика», высокий темп жизни и конкуренция (миллениалы); стремление к стадности, некоммуникабельность, дефицит живого общения, нерациональное потребление, дегуманизация (цифровое поколение).

5. К универсальным межпоколенческим проблемам в произведениях К. Исигуро можно отнести: безотцовщина, столкновение традиционных и демократических взглядов, утрата близости, потеря коллективной памяти, пренебрежение родителями детей.

6. Специфическими межпоколенческими проблемами в исследуемых поколенческих парах являются: обвинение поколения «отцов» в том, что они привели мир к войне, противоречия между учеником и учителем (лидером и

последователем), непомерные ожидания родителей (величайшее поколение-молчаливое поколение); повторение дисфункционального сценария семейных отношений, парадокс нежелательной свободы (молчаливое поколение-бумеры); конфликт отцов и детей в отношении выбора детьми своего будущего: форсировать/ не форсировать интеллект детей; (миллениалы-цифровое поколение).

Апробация работы. Апробация настоящей исследовательской работы осуществлялась в ходе обсуждения отдельных аспектов диссертации на следующих научных конференциях: V Международный научно-образовательный форум молодых переводчиков «Языковая личность и перевод», посвященный 100-летию Белорусского государственного университета (Минск, 12-13 ноября 2020 г.); студенческая открытая онлайн-конференция «#ScienceJuice2020» ИИЯ ГАОУ ВО МГПУ (Москва, 22 ноября 2020 г.); международный коллоквиум «Время и культура в лингвистических и литературоведческих исследованиях» (Time and culture in linguistic and literary discourse) ИИЯ ГАОУ ВО МГПУ (Москва, 17 декабря 2020 г.); студенческая открытая онлайн-конференция «#ScienceJuice2021» ИИЯ ГАОУ ВО МГПУ (Москва, 25 ноября 2021 г.), а также в ряде публикаций:

Любеева С.В. Особенности перевода языка коммуникации отцов и детей в рассказе К. Исигуро «A Strange And Sometimes Sadness» // Языковая личность и перевод: материалы V Международного научно-образовательного форума молодых переводчиков, посвященного 100-летию Белорусского государственного университета. Минск. 2020. С. 235–239.

Любеева С.В. Проблема отцов и детей в рассказе К. Исигуро «A Strange And Sometimes Sadness» // #ScienceJuice2020/ Сборник статей и тезисов. Московский городской педагогический университет. Москва. 2021. С. 37–45.

Merkulova M.G., Kiryaeva O.I., Lyubeeva S. Englishness of K. Ishiguro's novel "The Remains of the Day" // Время и культура в лингвистике и литературоведении = Time and Culture in linguistic and literary

discourse. Материалы I Международного коллоквиума. Москва, 2021. С. 97–102.

Любеева С.В. Внутренний слой макроконцепта "английскость" в романе К. Исигуро "Остаток дня" // Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук. сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению. Московский городской педагогический университет. Москва, 2021. С. 103–108.

Любеева С.В. Портрет поколения "The Silent" в романах К. Исигуро «Там, где в дымке холмы» и «Художник зыбкого мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Москва. 2021. Т. 14. № 11. С. 3349–3352. (издание **ВАК**).

Любеева С.В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы в дебютных произведениях К. Исигуро. // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021.(2). С. 122–128. (издание **ВАК**).

Любеева С.В. Характер конфликта между поколениями "Silent" и "Boomer" в творчестве К. Исигуро // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Москва. 2022. Т. 15. Выпуск 2. С. 341–345. (издание **ВАК**).

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, включающего 190 позиций. Общий объем диссертации составляет 195 страниц.

Во **Введении** обоснованы актуальность темы и научная новизна исследования, указаны его объект и предмет, показана степень изученности проблемы, сформулированы цель и задачи исследования, пояснены его теоретическая значимость и практическая ценность, описаны применяемые методы, перечислены выносимые на защиту положения.

В **Главе 1** «Аспекты рецепции проблемы поколений в критике II пол. XX в.» рассматриваются различные подходы в осмыслении проблемы поколений в критической литературе II пол. XX в. Представлены

социологический, психологический и литературоведческие аспекты изучения проблемы поколений.

В **Главе 2** «Портреты поколений и внутрипоколенческая проблематика в творчестве К. Исигуро» особое внимание уделяется портретной характеристике поколений I пол. XX в. – начала XXI в. (величайшее, молчаливое, бумеры, миллениалы и цифровое поколения) и их внутрипоколенческой проблематике.

Глава 3 «Конфликт как источник межпоколенческой проблематики в произведениях К. Исигуро» посвящена анализу проблем и противоречий между представителями величайшего и молчаливого поколений, молчаливого поколения и бумеров, миллениалов и цифрового поколений.

В **Заключении** описаны результаты выполненного исследования, сформулированы основные выводы о художественном своеобразии внутрипоколенческой и межпоколенческой проблематики в творчестве К. Исигуро.

ГЛАВА 1. АСПЕКТЫ РЕЦЕПЦИИ ПРОБЛЕМЫ ПОКОЛЕНИЙ В КРИТИКЕ II ПОЛ. XX ВЕКА

1.1 Социологический аспект рецепции проблемы поколения

Предметом нашего размышления в данном параграфе станут известные социологические теории рецепции проблемы поколений в критике II пол. XX века, важные для изучения творчества К. Исигуро, литературная деятельность которого началась в 1981 году.

Социологическая основа теории поколений II пол. XX века была заложена в фундаментальном труде знаменитого испанского историка Х. Ортеги-и-Гассета (*José Ortega y Gasset*) «Вокруг Галилея (схема кризисов)» (1933 г.). Ученый подчеркивал, что каждое новое поколение «впитывает» культуру предыдущего поколения. Основой для его исследования служил экзистенциализм — значимое направление философии XX в [Ортега-и-Гассет 2000: 258].

Экзистенциализм рассматривал прошлую и настоящую жизнь человека или общества, находящуюся в постоянном изменении, как драму. Творцом мира он признавал индивида, который создает и «преобразует<...>структуру жизненной драмы» [Ортега-и-Гассет 2000: 257], сам постоянно при этом меняясь. Жизненная драма «переплетена с жизнями других, а те, в свою очередь — еще с чьими-то жизнями; иначе говоря, каждая жизнь ввергнута в определенные обстоятельства коллективной жизни» [Ортега-и-Гассет 2000: 258]. Таким образом, это воздействует и на личность, которая впитывает идеи эпохи и дух своего времени. Поколение, в свою очередь, является носителем этих идей. Поколение он понимал как «общность сосуществующих в одном кругу сверстников» [Ортега-и-Гассет 2000: 261]. При этом для поколения характерно «единство возраста и наличие жизненных контактов» [Ортега-и-Гассет 2000: 261]. В этом, по мнению философа, и кроется причина

исторической драмы. Разные люди должны быть «одним и тем же «сегодня» и данный факт «с избытком выражает драматизм, конфликт и борьбу, характеризующее само содержание истории и любого современного существования» [Ортега-и-Гассет 2000: 260].

Х. Ортега-и-Гассет отмечал особую роль социального начала по сравнению с биологическим, так как способность заниматься «позитивной исторической деятельностью» [Ортега-и-Гассет 2000: 272] для человека не совпадает с порой физического расцвета сил человека. Он полагал, что облик жизни и смена поколений происходит каждые 15 лет. При этом наиболее творческим и продуктивным возрастом человека философ считал период между 30 и 60 годами. В возрасте от 30 до 45 лет человек обретает новое мышление и у него закладывается индивидуальное мировоззрение, а от 45 до 60 лет развитие идей в научной и политической сфере.

В трудах Х. Ортеги-и-Гассета метод поколений находит и практическое применение. Философ выделял поколения 1626 г. — Декарта, 1611 г. — Гоббса и Г. Гроция, 1596 г. — Галилея, Кеплера и Бэкона, 1581 г. — Дж. Бруно и Сервантеса, 1566 г. — Монтеня, затем — 1551 г. Для этого подбирались харизматичные исторические фигуры, которые бы наилучшим образом отображали ведущие характерные черты определенного исторического периода. Х. Ортега-и-Гассет делал акцент на том, что вышеупомянутые исторические фигуры характеризуют облик эпохи и самого поколения, а под поколением он подразумевал скорее среду, в которой формировались эти личности [Ортега-и-Гассет 2000: 277–278]. Несмотря на то, что ученый недооценил нерв и драматизм исторических эпох, предшествующих новому времени, данная концепция представляла большой научный интерес, поскольку в ней делался акцент на человеческий фактор в истории.

«Ортеговская» поколенческая модель, как ее определяет современный отечественный социолог В. М. Пашинский, не теряет своей актуальности и сегодня. В статье «Поколенческая «ортеговская» модель формирования новых

обществ» [Пашинский 2011] на примере образования и развития ранней государственности в России применяется социологическая концепция Х. Ортеги-и-Гассета. В соответствии со взглядами В. М. Пашинского, чередования поколения перемен и поколения стабилизации определяют развитие общества. Выявлено явное чередование двух указанных типов поколений (30-летней длительности) на начальном этапе развития России. Следовательно, положение Х. Ортеги-и-Гассета о решающей роли поколенческой динамики в социально-историческом развитии общества отражает развитие процессов ранней государственности в России.

Особый интерес, на наш взгляд, также представляет работа видного ростовского историка Н. А. Мининкова, который предпринимает попытку применить метод Х. Ортеги-и-Гассета к донской истории XVII в. В статье «Метод поколений Х. Ортеги-и-Гассета и история Дона XVII в» ученый выделяет и характеризует поколения донцов XVII в., что позволяет за чередой сложных исторических событий усмотреть человеческую составляющую в истории Дона, увидеть сложный характер взаимоотношений и конфликтов между поколениями казаков, а также понять систему ценностей и идей в казачьей среде в данный исторический период [Мининков 2004].

Одним из наиболее значимых социальных теоретиков проблемы поколений является немецко-английский социальный философ К. Мангейм (*Karl Mannheim*). В труде «Проблема поколений» (1928) [Мангейм 2000] он предпринял попытку объединить позитивистско-биологическое и романтико-историческое понимание поколения. К. Мангейм считал, что «единство поколения составляет, главным образом, сходным местоположением множества индивидов в социальном пространстве» и «социальный феномен "поколение" представляет собой не более чем особый тип тождественности местонахождения, в данном случае – запечатленных в историко-социальном процессе «возрастных групп» [Мангейм 2000: 24–26]. Таким образом, мы можем определить концепцию К. Мангейма, как теорию «социального

местоположения». По его мнению, в юности (“teen age” – 13–19 лет) формируется определенная картина мира, которая основана на ранее пережитых эмоциях и оказывает влияние на последующий жизненный опыт. К. Мангейм утверждал, что смена поколений — это универсальный процесс, основанный на биологическом ритме человеческой жизни, в ходе которого появляются новые участники, в то время как старые участники процесса постепенно исчезают. Члены любого поколения могут участвовать только в хронологически ограниченном отрезке исторического процесса. Чередование жизненных циклов обеспечивает сменность поколений. Чтобы понять, как это функционирует, достаточно представить традиционное общество, в котором все четыре фазы жизни (детство «childhood», юность «young adulthood», средний возраст «midlife», зрелость «elderhood») четко определены и строго регламентированы.

Каждая общественная группа на новом этапе жизни будет стремиться реализовать свою социальную роль – рост, витальность, власть или лидерство — точно так же, как это делала предыдущая группа. В таком случае невозможно было бы говорить о существовании поколений, так как нет особых человеческих драм и уникальных жизненных траекторий. Но, если представить, что общество внезапно поразило великое событие (a Great Event), то, что К. Мангейм называл «a crystallizing moment» — чрезвычайная ситуация, она настолько чревата социальными последствиями, что преобразует всех членов общества, но при этом трансформирует каждого по-разному в зависимости от жизненной фазы [Strauss 1997: 77]. Таким образом, с точки зрения К. Мангейма, поколение можно характеризовать с позиции определенного «положения», специфической «взаимосвязи» и «единства». Соответственно, каждое поколение обладает своим временным измерением и историко-культурным пространством [Мангейм 2000: 24–26]. Поэтому, так важно постоянно передавать накопленное культурное наследие, так как переход от поколения к поколению – последовательный процесс.

В рамках американской социологии 40 – 60-х проблема поколений рассматривалась под иным углом. Бунт молодежи и подъем массовых студенческих волнений на Западе во II пол. XX в. заставил пересмотреть понимание межпоколенческих отношений в целом. В этот период начинают появляться такие термины, как «конфликт» и «разрыв», для описания межпоколенческой проблематики. Видный американский социолог Л. Фойер (*Lewis Samuel Feuer*) формулирует свою теорию «конфлика поколений» в «Поколенческом манифесте» [Feuer 1969]. Он утверждает: «История всех до сих пор существующих обществ является историей борьбы между поколениями. Старые и молодые, отцы и дети, зрелые мастера и молодые подмастерья, взрослые работодатели и молодые чернорабочие, старые профессора и молодые студенты со времен первобытного отцеубийства соперничали между собой за господство в обществе. Эта борьба продолжается непрерывно, временами скрытно, временами открыто, она никогда не кончалась явным триумфом молодых, ибо к тому времени, когда они побеждали, они становились людьми средних лет. Только в последнее время, в связи с ростом крупных студенческих общин, принявших новое поколение, стало возможным для студенческого движения как авангарда молодого поколения приобрести могущество, которое имеет решающее значение» [Feuer 1969: 520–529]. Л. Фойер, основываясь на трудах З. Фрейда, заявлял, что основой всех межпоколенческих конфликтов является борьба отцов и детей, тот самый «эдипов комплекс», и это, по его словам, является более значимой движущей силой, чем борьба классов.

Данная концепция получает свое развитие в трудах французского психоаналитика Ж. Манделя (*Georges Mandel*) [Mandel 1969]. Теория «кризиса поколений» которого основывалась на том, что подросток, стремясь занять место своего отца («социальных отцов») в обществе, не соперничает с ним, а отвергает его как образец и, таким образом, отказывается от своего социально-культурного наследия. Причина этому кроется в том, что в бессознательном

современного общества больше нет образа отца как наставника, воплощающего основные жизненные ценности, а скорее образ могущественной матери. Подобные рассуждения свидетельствуют об ослаблении мужского начала в семье и в обществе. Ж. Мандель видит в основе бунта молодежи прежде всего протест против технократичности общества.

Г. Маркузе (*Herbert Marcuse*), философ Франкфуртской школы, в своем труде «Очерки об освобождении» [Маркузе 1970] утверждал, что конфликт поколений — это «естественный закон, коренящийся в антропологической структуре человеческих потребностей и оказывающий революционное воздействие на общество» [Маркузе 1970: 103].

Основатель этиологии австрийский ученый К. Лоренц (*Konrad Zacharias Lorenz*) [Lorenz 1970] считал, что «межпоколенческая вражда» — одна из форм проявления массового невроза общества — вызвана тем, что современная молодежь лишена механизма, ответственного за баланс между удовольствиями и заботами. Количество усилий и трудностей, с которыми приходилось сталкиваться человеку, чтобы занять в обществе достойное социальное положение, значительно сократилось. Как следствие, требование сиюминутного удовлетворения всех желаний (гедонизм), нетерпеливость и лень, а также сопутствующие им раздражительность, эмоциональное и духовное оскудение. А поскольку эти эмоции присущи молодому поколению, обществу грозит прерывание культурной традиции. Подобная ненависть к старшему поколению сродни национальной ненависти и исключает нормальное взаимодействие между поколениями, что, в свою очередь, приводит к нарастанию конфликта.

Большой популярностью пользуется теория антропологической преемственности поколений американского ученого-этнографа М. Мид (*Margaret Mead*) [Mead 1970], представленная в ее труде «Культура и сопричастность» (1970). В соответствии с теорией М. Мид, в истории человечества можно выделить три типа культур: постфигуративные —

дети учатся прежде всего у своих предков; кофигуративные – дети и взрослые учатся главным образом у равных и современников, и префигуративные – взрослые учатся также у своих детей. Согласно концепции Мид, постфигуративная культура присуща патриархальному обществу, в котором основной ориентир – это опыт и традиции предшествующих поколений. Взаимоотношение между поколениями в традиционном обществе четко регламентированы и всякого рода изменения вызывают недоверие. Однако опоры на опыт предыдущих поколений недостаточно при условии динамичного технологического и социального развития современного общества. Для фигуративной культуры характерна ориентация на современность, а не на старшее поколение. В воспитании влияние сверстников превосходит степень влияния родителей, а в науке мнение современного научного сообщества преобладает над мнением ученых из прошлого. Это изменение оказывает влияние и на структуру семьи, которая преобразуется из «большой» в нуклеарную. Как следствие, рост влияния молодежных групп, возникновение особой молодежной культуры и различных межпоколенческих конфликтов.

Теория М. Мид описывает связь темпов научно-технического и социального прогресса и взаимоотношений между поколениями, акцентируя то, что трансмиссия культуры основывается не только на передаче информации от родителей к детям, но и обратно. Особый накал, который приобретает эта проблема на Западе в 60-х годах, является следствием не только высоких темпов социального и технологического развития, а связана, прежде всего, с крахом моральных и идеологических идеалов. По мнению М. Мид, в связи с быстрыми темпами развития в современное время опыт прошлого может оказывать негативный характер, препятствуя реализации смелых и прогрессивных подходов к новым обстоятельствам. Не только молодое поколение учится у старшего, но и старшие все больше прислушиваются к мнению молодежи. Опыт старших обесценивается из-за

того, что им не приходилось жить в условиях, в которых предстоит жить современной молодежи. Так или иначе, какие бы новшества не предлагало молодое поколение, они основываются на культурной традиции и на опыте прошлых поколений.

В 1991 году американские ученые, экономист и демограф Н. Хоув (*Neil Howe*) и историк, писатель и драматург У. Штраус (*William Strauss*), разработали, независимо друг от друга, теорию поколений, которую мы считаем целесообразным определить как теорию поколений архетипов когорты. Авторы теории, проанализировав всю историю США начиная с 1584 г, обнаружили периоды, в которых большинство людей обладало схожими ценностями. Впервые эта концепция была раскрыта в их совместном труде «Поколения» (*Generations, 1991*) [Strauss 1991], далее, более подробно, поколения были описаны ими в книге «Четвертое превращение» (*The Fourth turning, 1997*) [Strauss 1997]. Их научный интерес основывался на «конфликте поколений», не связанном с возрастными противоречиями. Как и некоторые их предшественники, учёные обращали внимание на то, что история развивается циклично. Продолжительность каждого цикла, по их мнению, составляет примерно 80–90 лет, что соответствует продолжительности жизни человека. При этом каждый цикл делится на четыре периода («turning» – превращения): подъём, пробуждение, спад, кризис. Каждый период отличается друг от друга господствующими в обществе ценностями и настроением. Кроме того, изучив собирательный образ представителя американской нации с периода Великой депрессии вплоть до современности, авторы выделяют следующий ряд поколений: потерянное поколение, поколение бумеров, поколение «X» (тринадцатое поколение) и поколение миллениалов.

Центральным элементом данной теории выступает социологическое понятие «коhortа» (*cohort*) – совокупность людей, рожденных в один и тот же период времени [Strauss 1997: 34]. Под термином «социальное поколение»

(generational constellation) У. Штраус и Н. Хоув понимают совокупность людей (когорту), рожденных в 20-летний период времени, при этом занимающих схожее возрастное положение в истории, т. е. они должны быть свидетелями одних и тех же исторических событий примерно в одинаковом возрасте; придерживаться схожих жизненных взглядов и руководствоваться аналогичными моделями поведения (common beliefs and behavior), а также ощущать причастность к данному поколению (common perceived membership) [Strauss 1997: 85].

Суть концепции У. Штрауса и Н. Хоува состоит в идее чередования периода кризиса и подъёма. Период кризиса – это время общественных потрясений, когда новые ценности заменяют старый существующий гражданский порядок. Во время подъёма в обществе происходит культурное и религиозное обновление, внимание фокусируется на индивидуальных ценностях и преобразовании внутреннего мира. В период кризиса общество, находясь под угрозой, стремится к консенсусу, что, в свою очередь, формирует необходимость в сильных общественных институтах. Для периода подъёма характерен индивидуализм, а новые социальные идеалы и духовные парадигмы подрывают существующий институциональный строй. В чередовании периодов кризисов и подъёмов У. Штраус и Н. Хоув обнаружили определенную закономерность. Согласно их теории, поколения доминанты – это те поколения, чье взросление приходится на период кризиса и подъёма. Они усваивают уроки эпохи, влияющие на их отношение к происходящему и формирующие их поведение в будущем. Рецессивными они назвали те поколения, которые переживают кризис, или подъём в детском возрасте, находясь в зависимом положении, что позволяет иначе сформироваться их поведению и восприятию. Доминантному поколению отводится главная роль в формировании эпохи, а для его представителей свойственно независимое поведение [Strauss 1997: 93].

Данные чередования периодов в истории, согласно теории У. Штрауса и Н. Хоува, ассоциируются с определенными поколенческими архетипами. Авторами теории сначала были выделены и описаны следующие архетипы: «идеалисты», «реагирующие» «гражданские» и «приспосабливающиеся». Затем они изменили терминологию и определили данные поколения как: «странников», «героев», «художников» и «пророков». Поколения, принадлежащие к одному архетипу, являются не просто сверстниками в определенном историческом периоде, а разделяют схожие установки по отношению к культуре, семье и обществу, а также имеют общие ценности и схожую гражданскую позицию. При каждом кризисе и подъеме один и тот же ряд архетипов вступает в четыре периода жизни. Во время кризиса у пророков наступает старость, у странников – зрелость, у героев – юность, а у художников – детство. На этапе подъема у героев наступает старость, у художников – зрелость, у пророков – юность, а у странников – детство. Такой сценарий чередования архетипов, по мнению У. Штрауса и Н. Хоува, управляет великим колесом времени [Strauss 1997: 94]. Причина повторения данных циклов кроется в том, что молодое поколение стремится исправить или уравновесить те черты старшего поколения, которые им кажутся избыточными у людей среднего возраста, обладающих властью. Из этого следует, что поколения определенного архетипа формируют люди противоположного архетипа. Одно поколение имеет больше общего не с поколением своих родителей, а с поколением воспитавших их родителей [Strauss 1997: 79].

Авторы теории описывают архетипы следующим образом: «Пророки» (Prophets) – доминантное поколение, рождается во время пробуждения общественной жизни после кризиса в период достижения консенсуса в отношении нового социального порядка. Они достигают максимального душевного подъема в молодости, а в зрелом возрасте запоминаются принципиальным и ответственным стилем управления. Их основные

общественные заслуги лежат в сфере мировоззрения, религии и системы ценностей. Представители данного поколения – это принципиальные моралисты, ведущие идеалистические войны и призывающие к жертвам. Такое поколение запоминаются пылкими речами, а не великими делами. Примером может служить поколение бумеров (1942–1960 г.р.) [Strauss 1997: 124].

«Художники» (Artists)– рецессивное поколение, появляется на свет в период кризиса, когда угроза, нависшая над обществом, нивелирует социальные и политические сложности в пользу общественного консенсуса, утверждения сильных социальных институтов и личного самопожертвования. Они стремятся к плюрализму, компетентности и соблюдению процессуальных норм. К данному архетипу можно отнести молчаливое поколение (1925–1942 г.р.) и цифровое поколение (2003 – по наст. вр.) [Strauss 1997: 126–127].

Поколение «Странников» (Normands) рождается в период подъёма. В молодости они активно атакуют существующий институциональный строй, утверждая новые социальные и духовные идеалы. В период зрелости из-за чередования спадов и подъёмов они запоминаются своим быстрым взрослением, чувством отчужденности и прагматичным стилем управления. Их приоритетами являются вопросы свободы, чести и поддержания жизнедеятельности. Это хитрые реалисты, которых сложно обвести вокруг пальца, так как они предпочитают встречаться с проблемами лицом к лицу. Примером может служить поколение X, родившееся в 1964–1984 гг. [Strauss 1997: 126].

Поколение «Героев» (Heroes) рождается в эпоху подъёма, в период расцвета индивидуального прагматизма. В молодости они запоминаются своими триумфальными военными победами, а их зрелость отмечена высокими политическими достижениями. Они являются активными сторонниками экономического процветания, а их основной социальный вклад – сфера технологий. Такое поколение энергично и рационально возводит

общественные институты. Например, величайшее поколение, или поколение победителей (1901–1924 г.р.) и поколение миллениалов 1982–2002 г.р. [Strauss 1997: 126].

Из предложенной У. Штраусом и Н. Хоувом классификации можно сделать вывод, что каждое поколение обладает качествами, недостающими предыдущему поколению, тем самым привнося баланс в ход истории. В отличие от истории, под которой понимается действительность в ее развитии, категория «поколения» отражает этапы и вектор развития – начало, конец и определенная траектория движения между ними. Нельзя не отметить, что данные различия между поколениями могут также стать причиной межпоколенческих конфликтов.

У. Штраус и Н. Хоув также исследовали поколенческие циклы в других странах и обнаружили схожие закономерности в некоторых западноевропейских странах [Strauss 1997: 119–121].

Ввиду того, что К. Исигуро является современным британским писателем, считаем важным обратить внимание на актуальные социологические работы по проблеме поколений в Великобритании. Б. Тернер (*B. Turner*) и Дж. Эдмундс (*J. Edmunds*) в работе «Поколения, культура и общество» (*Generations, Culture and Society*, 2002) [Edmunds 2002] уделяют особое внимание, прежде всего, послевоенному поколению бэби-бумеров, а Дж. Барнетт (*J. Burnett*.) в книге «Поколения: Машина времени в теории и практике» (*Generations: The Time Machine in Theory and Practice*, 2010) [Burnett 2010] подробно описывает «эпическое» поколение Первой мировой войны и первую и вторую волну поколения бумеров. В данном контексте нельзя не упомянуть работу одного из ведущих интеллектуалов Великобритании, а также бывшего члена консервативной партии Д. Уиллетса (*D. Willets*) «Ущемление: как бэби-бумеры украли будущее своих детей и как они могут его вернуть» (*Pinch How Baby Boomers Took Their Children's Future and Why They*, 2010) [Willets 2010]. Это знаковая книга об отношениях между

поколениями в современной Великобритании. Автор утверждает, что случайным образом поколение, родившееся между 1945 и 1965 гг. (Baby Boomers), оказалось настолько крупными, что способно в значительной степени влиять на формирование политических, культурных и экономических институтов с конца 1960-х гг. до сегодняшнего дня.

Целесообразно также рассмотреть социологический аспект рецепции проблемы поколений с точки зрения японской ментальности, поскольку К. Исигуро является уроженцем Японии, хотя с пятилетнего возраста и проживает в Великобритании. Как отмечает один из ведущих психиатров и психоаналитиков Японии Т. Дои в своей книге «Структура амаэ. Фундаментальный анализ японского характера» (перевод с английского И.Н. Сиренко, 2020) [Дои 2020], во II пол. XX в. студенческие восстания происходили повсеместно независимо от идеологических различий. Цель бунта молодежи лежит не в смене политического режима или образовательной политики, а «состоит в предъявлении обвинения целому поколению от имени всего мира» [Дои 2020: 160]. Т. Дои полагает, что возможно вина за провал системы образования в послевоенной Японии лежит не на образовательной политике страны, а на всем взрослом поколении современного общества.

Поскольку целью нашего исследования является всесторонний анализ различных аспектов *внутрипоколенческой* и *межпоколенческой* проблематики, необходимо также рассмотреть данные понятия с точки зрения социологической научной мысли. Отечественные исследователи В.И. Добреньков и А.И. Кравченко считают, что истоками межпоколенческих конфликтов являются столкновения ценностей поколений, противоречия между старыми и новыми принципами, пока менее надежными, однако, выступающими наиболее значимыми и актуальными. Исследователи трактуют конфликт поколений как процесс возникновения, проявления, столкновения и разрешения разногласий между представителями одного поколения (*внутрипоколенческий* конфликт), так и между представителями

разных поколений (*межпоколенческий* конфликт). При этом конфликт внутри и между поколениями является как фактором нарушения, так и укрепления общественных связей [Добреньков 2000: 231].

1.2 Психологическое обоснование проблемы поколений

Рассмотрение проблемы поколений в критической литературе II пол. XX в. представляется невозможным без упоминания значимых психологических теорий и концепций по данной проблематике.

На рубеже веков у истоков понимания природы проблемы поколений стоял З. Фрейд (*Sigmund Freud*). Как известно, психоаналитик З. Фрейд считал, что в основе конфликта поколений лежит «Эдипов комплекс» и «комплекс Электры». В общем смысле «Эдипов комплекс» — это не просто соперничество сына с отцом, а отвержение образа отца как образец для подражания. «Комплекс Электры» основан на неосознанном влечении девочки к отцу и соперничестве с матерью в детском возрасте. Вспомним также, что говорил З. Фрейд о наследственности поколений: «Архаичная наследственность человека не включает в себя исключительно предрасположенности, а несет также идеативное содержание следов в памяти, которые оставлены опытом, полученным предшествующими поколениями». Не лишним будет упомянуть о воззрениях З. Фрейда о «коллективной душе» [Шутценбергер 2005: 16]. В своем труде «Тотем и табу» он утверждает, что «чувство передается от поколения к поколению в привязке к той или иной ошибке, которую люди больше не держат в сознании и о которой вспоминают меньше всего» [Шутценбергер 2005: 16].

Продолжая и развивая идеи З. Фрейда, К. Юнг (*Carl Gustav Jung*) в 1916 г. вводит понятие «коллективное бессознательное», с точки зрения которого, коллективное бессознательное, передаваемое в обществе от поколения к поколению, вбирает в себя весь человеческий опыт, который

представлен в архетипических образах и моделях. К. Юнг полагал, что в основе мифов, сказок, художественных текстов лежат именно архетипы: Самость, Персона, Бог, Анима и Анимус, Отец, Мать, Инфантил, Мудрец, Герой [Юнг 1991: 59-68]. Подразумевается, что это заложено в человеке естественным образом, то есть существует вне всякого вытеснения и индивидуального опыта.

Значительный вклад в изучение межпоколенческой проблематики II пол. XX в. внес американский психотерапевт и социальный психолог Дж.Л. Морено (*Jacob Levy Moreno*), сформулировавший понятия «со-сознательного» и «со-бессознательного» в семье и группе. Концепция Дж.Л. Морено о существовании со-сознательного и со-бессознательного людей, находящихся в сильной эмоциональной связи, частично позволяет объяснить, как происходит передача информации от одного поколения к другому. В данном контексте важно учитывать, что сильная эмоциональная связь между членами семьи может нести как положительный, так и отрицательный характер. Такие негативные эмоции как отчуждение, вражда, ненависть могут связывать людей не меньше, чем любовь, понимание и сочувствие. Таким образом, на со-сознательном и со-бессознательном уровнях наследуется информация, которая может создавать как «конструктивные, так и деструктивные условия для индивидуального развития» [Шутценбергер 2005: 18].

Основатель значимого направления в глубинной психологии швейцарский психолог и психотерапевт Л. Зонди (*Léopold Szondi*), размышляя о межпоколенческой связи, вводит понятие «родовое бессознательное», раскрывающее особую форму психической наследственности. Л. Зонди утверждал, что в своей жизни человек стремится реализовать притязания своих предков. Особенно ярко данный феномен проявляется в значимые моменты жизни (выбор профессии, места работы, спутника жизни). Следовательно, человек, делая важный для самоопределения выбор, не

«свободен», «поскольку в своем лице представляет род, своих прародителей, делегировавших ему «поручения» [Ютнер 2002: 34].

Американский психолог и психотерапевт, создатель транзакционного и сценарного анализа Э. Берн (*Eric Lennard Berne*) также придерживался идеи воздействия «родительского программирования» на жизнь ребенка. При описании различных вариантов влияния семьи на ребенка им вводится метафорическое понятие «сценарий»: «Сценарий – это постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется еще в раннем детстве, в основном под влиянием родителей. Этот психический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора» [Берн 1996: 201]. Ребенок бессознательно принимает предписывающую модель предстоящей взрослой жизни. Это может быть судьба «победителя», «побежденного», или «неудачника». Согласно Э. Берну, основой жизненных сценариев становятся даже не родительские судьбы, а судьбы более ранних поколений. В ходе исследования ученому удалось проследить развитие сценариев на протяжении пяти поколений. Важным, по мнению Э. Берна, является то, что именно известно человеку о своих прародителях и прапрародителях и какие чувства он испытывает к ним. Считается, что эти чувства более сильны, чем чувства по отношению к родителям: «К прародителям относятся с благоговением или ужасом, тогда как родители вызывают восхищение или страх» [Берн 1996: 201].

Важной в освещении психологической основы проблемы поколений является идея о трансгенерационной (межпоколенной) передаче. Трансгенерационный подход начал активно развиваться в 1960–1970 гг. XX в. и связан с именами таких ученых, как М. Боуэн (*Murray Bowen*), Ф. Дольто (*Françoise Dolto*), Н. Абрахам (*Nicolas Abraham*), И. Бузормени-Надь (*Ivan Boszormenyi-Nagy*) и М. Терек (*Török Mária*).

Одним из первых к проблеме трансгенерационной (межпоколенной) передачи обратился М. Боуэн [Боуэн 2008]. М. Боуэна прежде всего интересовала передача тревожного состояния от одного поколения к другому. Данный процесс происходит при условии, что в семье существует триангуляция (объединение представителей разных поколений). Однако, по мнению автора, триангуляция – показатель деструктивной связи между поколениями, так как при ее наличии передается неразрешенный конфликт и состояние тревоги от поколения к поколению. Кроме того, между поколениями в семье передается механизм функционирования состояния тревоги, преимущественно неосознаваемый. Эти неосознанные установки закрепляются в семейном мифе, который проявляется в определенных паттернах функционирования семьи.

В рамках семейного психоанализа Ф. Дольто, Н. Абрахам, а также И. Бузормени-Надь выдвигают положение о трансгенерационной передаче не до конца разрешенного конфликта (ненависть, месть, вендетта), тайн, «невысказанного», преждевременных смертей и выбора профессии. Трансгенерационная передача основывается на передаче опыта (в широком понимании) от поколения к поколению и его воспроизведении. При этом в процессе межпоколенческого взаимодействия следует различать вербальные и невербальные формы взаимодействия [Шутценбергер 2005: 17].

Ф. Дольто, французский психоаналитик и педиатр, в своем труде «La Cause des enfants» 1985 г. (в русском переводе книга получила название «На стороне детей», 1997) утверждает, что каждый ребенок несет «груз патогенных последствий, доставшихся в наследство от патологического прошлого своей матери и своего отца», а также: «Все, что замалчивается в первом поколении, второе носит в своем теле» [Шутценбергер 2005: 53]. Пытаясь разобраться в механизме межпоколенной передачи, Ф. Дольто выдвинула гипотезу о существовании прочной связи между бессознательным матери и бессознательным ребенка в пренатальный период его развития

(вероятно, это то со-бессознательное, о котором говорил Дж.Л. Морено). Согласно Д. Дольто, ребенку уже в этот ранний период жизни известны и ощутимы вещи, относящиеся к его семье на протяжении нескольких поколений.

Представители французского направления М. Терек и И. Абрахам, рассуждая о проблеме поколений, вводят понятия «семейный склеп» и «семейный призрак». Ученые выдвинули гипотезу о том, что призрак – это «производное нашего бессознательного, особенность которого состоит в том, что он неосознанно и не случайно является результатом перехода из бессознательного родителя в бессознательное ребенка.<...> Появление призрака указывает, что на потомка воздействует то, что для родителя означало рану» [Шутценбергер 2005: 71]. Иными словами, «призраком» является тот предок, с которым неосознанно поддерживается связь («дуальное единство», в соответствии с терминологией автора) из поколения в поколение в форме «белых пятен», «тайн», «недоговоренностей» и т. д. [Шутценбергер 2005: 70].

Фундаментальные понятия для понимания психологической природы отношений между поколениями ввел венгерский психоаналитик И. Бузормени-Надь. Ученый считал, что все отношения между людьми можно рассматривать на четырех уровнях: фактическом, индивидуальном психологическом, поведенческом и этическом. Фактический включает в себя вопросы генетики, физического здоровья человека, а также значимые события истории в жизненном цикле личности. Индивидуальный психологический уровень – это внутриличностное измерение. В ходе измерения паттернов взаимодействий учитываются поведенческие и коммуникационные закономерности. Однако наиболее значимым ученый считал этический уровень, подразумевающий наличие субъективного баланса доверия, справедливости, верности и права среди участников отношений. Ход развития и структуру взаимоотношений людей обуславливает именно этическое

измерение, оказывающее на них более сильное влияние, чем личностные особенности, обозримые действия и факты биографии. Кроме того, И. Бузормени-Надь вводит понятие «лояльность», и под которой ученый понимает основу экзистенциальной и межпоколенческой связи, которая не осознается членами семьи явно: т.е. носит скрытый характер. Лояльность связана с «оплатой семейных долгов» и поддержанием справедливости. Из этого следует, что ребенок как член семьи в долгу перед родителями и поколениями предков за право жить, за уход, за опыт и знания. Однако ребенок не просто принимающая сторона, так как он сразу начинает «расплачиваться». Благодаря появлению ребенка родители могут не просто исполнять свои родительские обязанности, а получать положительные эмоции от ребенка. Поддерживая преемственность поколений, вырастая, ребенок отдает свои долги уже своим детям. Важная схема «дающий – принимающий» может нарушиться, если не соблюдается правило лояльности и есть дисгармония в отношениях между детьми и родителями. Для этого процесса вводится термин «парантефикация»: ситуация, когда дети становятся родителями для своих родителей. Если справедливости в семье нет, то это может выливаться в недоверие, использование одних членов семьи другими, или даже болезни или несчастные случаи. И наоборот, при наличии справедливости в семье присутствует атмосфера взаимного уважения и любви. Законы скрытой лояльности зиждутся на восстановлении справедливости и «оплате долгов». Неоплаченные долги, в виде тех или иных проблем, переходят от поколения к поколению. Следовательно, существует некая информация, передающаяся от предка к потомку, т. е. трансгенерационным путем. Таким образом, И. Бузормени-Надь удалось раскрыть межпоколенческие процессы, приводящие к повторению определенных паттернов в отношениях, и описать влияния предыдущих поколений на формирование личности [Шутценбергер 2005: 30–34].

Дальнейшее развитие данная концепция получила в книге А.А. Шутценбергер (*Anne Ancelin-Schützenberger*) «Синдром предков» (перевод с французского И.К. Масалков, 2005) [Шутценбергер 2005]. В своих исследованиях А. Шутценбергер использует технику геносоциогаммы (построения генеалогического дерева) и уделяет особое внимание не только существующим родственным связям, но и повторению особенностей личного и социального развития в семье, в том числе «передаче» психических и физических травм от поколения к поколению. Её исследования способствовали осознанию важности изучения жизни предков, роли бессознательной и непроизвольной связи между поколениями.

В психоаналитическом направлении семейной психотерапии трансгенерационная (межпоколенная) передача тесно связана с понятиями «вытесненного конфликта» и «симбиоза поколений». Психоаналитики выделяют ряд тем, в которых отражена специфика семейного (неосознаваемого) конфликта, неразрешенность которого в предшествующем поколении является условием его передачи последующему поколению. Это такие темы, как «недостаток любви и заботы о другом», «разочарование в другом», «месть другому», «ярость и агрессия», «грусть и печаль», «страсть», «тоска и одиночество», «ладить с другими любой ценой». М.В. Сапоровская приходит к выводу, что эти темы передаются от поколения к поколению посредством неразделимой неосознаваемой связи между поколениями либидозной природы («симбиоза поколений»), которая ранее была описана венгерским врачом психиатром М. Маллер в контексте отношений матери и младенца [Сапоровская 2010].

Большой вклад в анализ конфликтных отношений в семье и пути их решений внесла американский психотерапевт В. Сатир (*Virginia Satir*) [Satir 1998]. Рассуждая о причинах семейного конфликта, психотерапевт выделяет следующие модели коммуникаций в семье: миротворец (заискивающий), обвинитель, расчетливый, отвлекающийся и уравновешенный (гибкий). В

каждой модели общения формируется личный моральный и физический облик человека. Для образа миротворца, с одной стороны, характерна неконфликтность, дружелюбность: личность, всегда сглаживающая конфликтные ситуации в семье, а с другой стороны, это заискивающая и неуверенная в себе личность. Негативными сторонами данной модели общения являются отрицание собственной ценности, постоянная самокритичность и чувство долга, а иногда и чувство вины перед другими, доходящее до максимума. Как результат — утрата себя в пользу семьи. Подобная модель не сводится к чувству долга перед семьей (альтруистический образ жизни ради любимого человека, не отрицающий чувства собственного достоинства), а несет негативный оттенок. Для модели общения «обвинитель» свойственны уверенность в своей правоте, постоянный контроль над членами семьи и провоцирование конфликта в случае неподчинения. Чаще всего это конфликтная личность, заостряющая внимание на любом проступке члена семьи. В итоге чувство страха лежит в основе семейных отношений. «Расчетливый» — это третья модель взаимоотношений. В. Сатир описывает эту модель как уравновешенную, не демонстрирующую чувств, внешне спокойную и бесстрастную [Satir 1998: 2–3]. Соответственно, отношения в семье контролируемые, строгие и безразличные. Следствием этого становится то, что чувства любви и дружбы в семье постепенно притупляются. В. Сатир утверждает, что каждый акт общения людей отражается на самооценке члена семьи и, как результат, это влияет на взаимоотношениях членов семьи в общем.

Изучение проблемы поколений также усложняется существованием мультикультурного контекста в семье, что важно иметь в виду в связи с анализом произведений К. Исигуро. Так, доктор психологических наук В.И. Пищук отмечает, что сложность определения поколений связана с наличием большого количества «перекрытий» между поколениями. Первое поколение детей родителей эмигрантов оказывается в «пространстве между

культур» [Пищук 2014: 38]. Несмотря на то, что дома они сталкиваются с языком и традициями носителей, которыми являются их родители, вне дома они говорят на языке и исповедуют традиции принимающей культуры. Для обозначения такого поколения используется понятие «одно с половиной поколение» [Пищук 2014: 38].

Следует отметить, что проблема конфликта поколений рассматривается не только как негативное явление. Психологическое исследование, проведенное М.В. Сапоровской [Сапоровская 2020], позволило выявить конструктивные функции межпоколенческого конфликта в семье, оказывающие положительное воздействие как на личность, так и на группу. Согласно М.В. Сапоровской, межпоколенческий конфликт позволяет человеку сформировать мнение о самом себе как о представителе поколения, что играет существенную роль в становлении личности и ее идентичности. В конфликте формируется представление о другом (старшем) поколении, что является основой для формирования идентичности при смене поколений. Отметим селективную и ориентировочную функции конфликта, связанные с разделением представителей другого поколения на тех, которые вызывают положительные, негативные или нейтральные эмоции. Соответственно, создаются условия для формирования собственной жизненной траектории в социальном пространстве [Сапоровская 2020].

Научный интерес к проблеме поколений на Западе во II пол. XX в. также связан с массовыми студенческими бунтами. Французский психоаналитик Ж. Мандель (*Georges Mandel*), занимаясь изучением данного вопроса, вводит в оборот науки понятие «кризис поколения». Концепция Манделя основывалась на том, что подросток, стремясь занять место своего отца («социальных отцов») в обществе, не соперничает с ним, а отвергает его как образец, таким образом, отказывается от своего социально-культурного наследия. Причина этому кроется в том, что в бессознательном современного общества больше нет образа отца как наставника, воплощающего основные жизненные

ценности, а скорее образ могущественной матери. Подобные рассуждения свидетельствуют об ослаблении мужского начала в семье и в обществе. Ж. Мандель видит в основе бунта молодежи прежде всего протест против технократичности общества [Глотов 2004: 45].

Необходимо также рассмотреть данный вопрос с точки зрения японской ментальности, поскольку К. Исигуро является уроженцем Японии, хотя с 5-летнего возраста и проживает в Великобритании. Как отмечает один из ведущих психиатров и психоаналитиков Японии Т. Дои (*T. Doi*), в своей книге «Структура амаэ. Фундаментальный анализ японского характера» (перевод с английского И.Н. Сиренко, 2020) [Дои 2020] во II пол. XX в. студенческие восстания происходили повсеместно независимо от идеологических различий. Цель бунта молодежи лежит не в смене политического режима или образовательной политики, а «состоит в предъявлении обвинения целому поколению от имени всего мира» [Дои 2020: 160]. Т. Дои полагает, что, возможно, вина за провал системы образования в послевоенной Японии лежит не на образовательной политике страны, а на всем взрослом поколении современного общества.

Психологическое состояние послевоенного поколения в Японии усложнялось наличием противоречивой этико-философской конструкции, сформированной на уровне массового общественного сознания, в рамках которой негативное отношение японцев к милитаристскому прошлому соединялось с психологическим комплексом виктимности. В статье «Виктимность как часть послевоенной идентичности» (2015) [Стрельцов 2015]. Д.В. Стрельцов утверждает, что данная особенность проявлялась в ощущении собственной жертвенности, что обеспечивало чувство психологического комфорта [Стрельцов 2015: 42].

Актуальной проблеме японского общества – социальному затворничеству среди молодого поколения – посвящена работа психолога Х. Сэкигути (*H. Sekiguchi*). Ученый изучает причины отказа молодого поколения

японцев от участия в социальной жизни, а также пытается найти возможные решения в данной ситуации. По утверждению Х. Сэкигути и ряда других видных японских ученых, в середине 1970-х гг. произошел переломный момент в плане переоценки молодежных вопросов и системы послевоенного воспитания в Японии [Чертушкина 2008: 157]. Это важно учитывать исследователю творчества К. Исигуро, поскольку именно осмыслению послевоенного периода в Японии автор, в особенности в своих дебютных романах, уделяет особое внимание. С послевоенным периодом ассоциируются проблемы в японском обществе, которые ранее не возникали. Например, начало массовых прогулов школьных занятий; в учебных заведениях участились случаи проявления агрессии среди учеников.

Другой японский психотерапевт О. Кэйго в этой связи вводит понятие «человек-мораторий» [Чертушкина 2008: 157]. К таким людям он относит молодых людей, не желающих взрослеть и вести социальный образ жизни. В 1980 гг. для Японии, достигшей экономического пика, проблема отчужденности молодежи становится типичным явлением. Исторически сложилось так, что одиночество для японцев связано с проявлением аскетичности на пути к самопознанию. Данное явление имеет культурные и исторические корни, обозначается понятием «хикикомори». Начиная с 1970-х гг. XX в., в Японии отмечено возобновление интереса к культу древности «хикки-отшельников». Такие подростки в основном живут на иждивении родителей, при этом часто наблюдается конфликт в детско-родительских отношениях на этой почве. «Хикки-отшельники» склонны к стрессам и обладают относительно низкой способностью к психологической адаптации [Войскунский 2019: 30]. А.Е. Войскунский, Г.У. Солдатова в статье «Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен» (2019) выдвигают предположение, что такое поведение подростков можно воспринимать как форму эскапизма, или «тихого бунта» молодого поколения «против искусственно культивируемой

конкуренции в школе и при поступлении на работу, с одной стороны, и предписанной карьерой при обязательном условии безусловной верности своей организации, послушании и гипертрофированной учтивости — с другой стороны» [Войскунский 2019: 30]. В процветающем обществе государственные проблемы отходят на второй план, уступая место проблемам личного характера.

События романов К. Исигуро («Там, где в дымке холмы», «Художник зыбкого мира», «Остаток дня», «Когда мы были сиротами») разворачиваются на фоне военного и послевоенного времени и связаны с воспоминаниями и переживаниями героями последствий травмирующего опыта. Интерес к изучению природы травмы становится все более существенным и обусловлен осмыслением трагического опыта XX в. Доказательством может служить недавно сформировавшееся междисциплинарное направление «trauma studies», изучающее коллективные переживания событий. С психологической точки зрения акцент делается на травмирующем событии, независимо от его длительности, так как считается, что оно преобразует состояние сознания человека. К. Карут (*Cathy Caruth*) под термином «травма» понимает рану не на теле, а в сознании, когда под действием сильного эмоционального потрясения искажается осознание времени, себя и мира и позже проявляется в снах и воспоминаниях [Caruth 1996: 4].

Травма отсылает к реальному событию физического и эмоционального переживания, которое парализует все чувства и против которого сознание и тело неспособны защититься. Амнезия и подавление становятся единственной защитой сознания. Жертва впадает в забвение и забывает произошедшее. З. Фрейд называл данный феномен периодом латентности; этот период может длиться от нескольких дней до нескольких лет и проявляться в кошмарах и неадекватном поведении. Ученые-психиатры Б. Ван дер Колк (*Bessel Van der Kolk*) и О. ван дер Харт (*Onno van der Hart*), исследовавшие посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), говорят о том, что

диссоциация не позволяет травме стать частью объединённых, постоянно меняющихся историй автобиографической памяти, что приводит к формированию двойной системы памяти. Если нормальная память воспроизводит мысли и события единым потоком, то из-за травмы эмоции и мысли хранятся отдельно друг от друга [Van der Kolk 1991: 169]. В настоящее время термин «диссоциация» очень широко используется в психиатрии и обозначает защитный механизм, который притупляет осознание эмоционально-подавляющей информации. Наиболее частые симптомы диссоциации: эмоциональное онемение, дереализация (похожее на сновидение ощущение реальности), деперсонализация (отсутствие связи со своим телом), неспособность помнить детали событий прошлого [McNally 2005: 172].

Изучение психологических последствий атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки представляет определённый интерес для нашего исследования. Во-первых, К. Исигуро родился в Нагасаки; во-вторых, послевоенный Нагасаки будет описан в его первом рассказе «Странная, порой проходящая грусть» и в романе «Там, где в дымке холмы»; в-третьих, можно утверждать, что Нагасаки является частью семейной истории К. Исигуро, поскольку мать писателя была среди тех, кто сумел пережить ядерную катастрофу [Сидорова 2018: 303]. Наиболее обширное исследование психологических последствий атомной бомбардировки было проведено американским ученым Дж. Лифтоном (*Robert Jay Lifton*) в 1967 г. Результаты исследования были внушительными и положили начало пониманию общих (т.е. универсальных) путей экстремальной стрессовой реакции на массовую, катастрофическую травму [Lifton 1967: 9]. В результате исследования был установлен синдром адаптации после взрыва бомбы, который включал психическое оцепенение, вину выживших и за смерть жертв, когнитивные изменения в мировоззрении и идеологии, чувство испорченности или заражения, травматические сновидения и воспоминания о бомбе, потерю

чувства будущего, формы отрицания, связанные с травмой; избегание, эмоциональную отстраненность и фантазии о возмездии виновным. Исследование Дж. Лифтона с подробными клиническими описаниями наблюдений за выжившими создало основу для понимания ПТСР как универсальной формы стрессовой реакции на катастрофы.

Некоторые исследователи сделали предположение об уникальной тенденции японского менталитета при столкновении с чрезвычайными трудностями. В исследовании выживших после атомной бомбы Дж. Лифтон описал «адаптивное непротивление» и «пассивную стойкость» японцев [Lifton 1967: 9]. Терпение является одной из добродетелей японского общества и считается сильной стороной. Испытывая потери и сохраняя внутренний самоконтроль, японцы неосознанно приспосабливаются к трудным ситуациям. Например, К. Араки (*K. Araki*) отмечал общее японское правило, согласно которому люди не должны ныть или показывать признаки слабости. Они могут подбадривать друг друга, но не должны показывать психологическую боль [Araki 1995: 431]. Н. Асукай (*N. Asukai*) и Я. Мияке (*Y. Miyake*) объяснили пассивную психологическую установку, которая, по-видимому, делает людей невосприимчивыми [Asukai 1998: 892]. М.Б. Уильямс (*M. B. Williams*) и другие исследователи отмечали, что японская культура предписывает стоическую личную реакцию на кризисные ситуации. Таким образом, система психологического здоровья в Японии не так формализована, как во многих западных странах. В том числе акцентируется внимание на отношении к жизни японцев, которое воплощается в концепции «Shouganai» (русский перевод «ничего не поделаешь»), что только подкрепляет утверждения психологов. Данная культурная концепция ставит потребности других на первое место [Toyomi 2003: 204].

Писатели постколониальной британской литературы часто обращаются к теме переживания коллективного чувства вины и стыда за колониальное прошлое предыдущих поколений. Не становится исключением в этом смысле

и творчество К. Исигуро. С психологической точки зрения интерес представляет совместное исследование британских и австралийских психологов. Дж. Олпресса, Р. Брауна (*Jesse A. Allpress, Rupert Brown,*) и др. [Allpress 2010], в котором выделяются два вида переживания стыда: моральный стыд и имиджевый стыд. Данная классификация основана на определении Ф. Терони (*Fabrice Teroni*) и других психологов, предложенном в статье «Как отличить стыд от вины» (*Differentiating Shame from Guilt*, 2008) [Teroni 2008]. Исследователи утверждают, что вина — это следствие нарушения норм, а стыд — это следствие нарушения лично-значимых ценностей. Из этого следует, что чувство стыда может иметь разную природу в зависимости от того, какие именно ценности нарушаются. Следовательно, если для человека значимость представляют моральные ценности, то их нарушение повлечет за собой моральный стыд, который будет способствовать позитивным установкам и просоциальному поведению по отношению к аутгруппе (социальная группа, к которой индивид не ощущает чувства принадлежности). Если же нарушаются лично-значимые ценности, то это вредит, прежде всего, репутации и в этом случае возникает имиджевый стыд — стыд того, как моя ингруппа (социальная группа, к которой индивид ощущает чувство принадлежности) выглядит в глазах других. Такая форма стыда приводит к желанию дистанцироваться от аутгруппы и не способствует какой-либо форме компенсации за причиненный вред [Allpress 2010: 77]. В исследовании Б. Дюсже (*Bertjan Doosje*) и других ученых было продемонстрировано, что коллективное чувство вины можно актуализировать путем обращения к прошлым исторически значимым действиям ингруппы [Doosje 1995].

Существенный аспект проблемы поколений — материнство — также находит отражение в романах К. Исигуро и, безусловно, данная проблематика требует рассмотрение в фокусе современной психологической и психоаналитической научной мысли. Важный вклад в исследование

концепции материнства внесла видный литературовед и психоаналитик Ю. Кристева. В эссе «Мать скорбящая» (*Stabat Mater*, 1977) [Kristeva 1986] отмечается, что в матери есть вечное, разделение плоти и духа и, следовательно, языковое разделение. В соответствии с данной концепцией, в женской психике существует противопоставление материнства сексуальности; материнские чувства являются сублимацией сексуальности женщины, что приводит в том числе и к ослаблению материнского инстинкта. Одним из любопытных прозрений Ю. Кристевой видится и позиция в отношении материнской страсти и ее обратной стороны, — скрытой ненависти к ребенку. Материнская страсть, хотя и порождает внутренний конфликт, однако обеспечивает передачу культуры от поколения к поколению. В эссе «Время женщин» (*Women's Time*, 1979) [Kristeva 1986] исследователь описывает два поколения женщин-феминисток, чьи убеждения были созданы самой жизнью. Первое поколение связано с зарождением борьбы суфражисток и феминисток, а второе поколение — это женщины, которые пришли в феминизм после мая 1968 г. Также отмечается, что желание быть матерью первое поколение, к которому можно отнести женщин молчаливого поколения, считало отчуждающим или реакционным.

1.3 Литературоведческий анализ проблемы поколений

II пол. XX века – это особый и значимый период как для английской литературы, так и для всего литературного процесса. В общественном сознании англичан происходят значительные сдвиги, хотя их и не сразу удастся осмыслить: послевоенный кризис, утрата империи, столкновение с глобализацией и мультикультурализм как следствие постколониального развития. М. Бредбери (*Malcolm Bradbury*) – современной литературный критик, известный английский романист, в своем труде 1994 года «Современный британский роман» (*The Modern British Novel*, 1994)

подчеркивает, что доминантный язык культуры существенно изменился, в 50-е гг. культуру в основном интерпретировали с позиции моральных норм, в 60-е гг. – социальных норм, в 70-е – личной осознанности, а в 80-е – с точки зрения дискурса, основанного на мифах о деньгах [Bradbury 1994: 395-396]. Монетаризм сменил господствующую с I пол. 40-х гг. до 70-х гг. XX в. кейнсианскую концепцию и захватил не только экономическую и политическую, но и культурную сферы.

Данные перемены отразились, в том числе, и на британской литературе. Прежде всего, изменился социальный состав ее представителей: если еще в 1930-е годы влияние на культуру оказывали представители высших слоев общества, с послевоенным разрушением классовых барьеров доступ к культуре и образованию получили самые широкие слои общества. Вследствие этого писатели старшего поколения неоднократно выражали беспокойство по поводу снижения уровня образования и культуры нации [Толмачев 2003]. Как пишет о покое 60-х гг. видный отечественный литературовед Е.А. Цурганова: «То, что прежде считалось подрывным и воинственным стилем, – абстрактный экспрессионизм, великая модернистская поэзия Паунда, Элиота, Уоллеса Стивенса, интернациональный стиль в архитектуре (Ле Корбюзье, Фрэнк Ллойд Райт, Миз), Стравинский, Джойс, Пруст и Манн, – словом, все то, что нашим дедушкам и бабушкам казалось эпатажным или шокирующим, – поколение, пришедшее в 60-е, восприняло в штыки, как врага, как часть истеблишмента» [Цурганова 2019: 16]. Очевидно, что поколенческая проблематика не теряет своей актуальности и остроты в литературе II пол. XX в., что представляет особенный интерес для нашего исследования. Поскольку данная работа посвящена творчеству британского писателя К. Исигуро, мы считаем целесообразным в настоящем параграфе представить литературоведческий обзор рецепции проблемы поколений в британской литературе II пол. XX в.

Известный отечественный литературовед С.П. Толкачев полагает, что творчество выдающегося английского писателя Ч.П. Сноу (*Charles Percy Snow*) можно считать символом данной эпохи. Масштабный цикл романов писателя «Чужие братья» (*Strangers and Brothers*, 1940–1972) охватывает полвека и описывает характеры и судьбы людей не одного поколения, хотя главной темой творчества Ч.П. Сноу остается конфликт двух миров: «физиков» и «лириков» [Толкачев 2008]. Критик и писатель У. Купер (*William Cooper*) в книге «Ч.П. Сноу» (*C.P. Snow*, 1962) анализировал ранние романы автора, в том числе и цикл «Чужие и братья», и обращал внимание на методологический подход в романах Ч.П. Сноу, ссылаясь на слова самого автора, отмечал, что Ч.П. Сноу хотел исследовать: сколько в нас от нашего класса и времени, а сколько в нас врожденного, и насколько мы способны меняться [Cooper 1959: 17].

Послевоенный период также ознаменован приходом в английскую литературу поколения молодых писателей, которые будут впоследствии ассоциироваться с литературным течением «сердитых молодых людей». Бунтовали представители данного течения прежде всего против тривиального существования, предательства идеалов молодого поколения, надеявшегося на социальную революцию в своей стране после войны. Неудивительно, что у героев романов значимых представителей данного течения К. Эмиса (*Kingsley William Amis*) «Счастливчик Джим» (*Lucky Jim*, 1954), Дж. Уэйна (*John Barrington Wain*) «Спешите вниз» (*Hurry on Down*, 1960), Дж. Брейна (*John Braine*) «Путь наверх» (*Room at the Top*, 1957), пьесы Дж. Осборна (*John James Osborne*) «Оглянись во гневе» (*Look Back in Anger*, 1956) прослеживаются общие черты. Молодые люди – Джимми Диксон («Счастливчик Джим»), Джон Льюис («Это неопределенное чувство», 1955) – представители рабочего или среднего класса, получившие провинциальное образование и движимые беспросветной скукой и тоской однообразного существования, они бунтуют против устоявшихся в мещанской среде нравов и устоев [Толкачев 2008].

По мнению В.М. Толмачева, критический взгляд на современные веяния в общественном сознании присущ и М. Дрэббл (*Margaret Drabble*), яркой британской романистке. Для молодого поколения 1960-х г. писательницы стала, своего рода, выразительницей протеста против пуританизма. В ее прозе анализируются этические проблемы современной Англии. Героиня ее ранних романов — молодая образованная женщина, вступающая в конфронтацию с обществом и со старшим поколением. Например, героиня романа «Сквозь игольное ушко» (*The Needle's Eye*, 1972) Роз Вассилиу выбирает для себя «путь вниз», что отличает ее от большинства «сердитых молодых людей» 50-х гг. В своем стремлении избавиться от оков богатой семьи она идет на очевидно провальное противостояние с семьей. Тем не менее, через бунт героиня обогащается духовно. Примечателен также роман «Ледяной век» (*The Ice Age*, 1977), в котором описывается духовный упадок современной Англии [Толмачев 2003].

В статье «Семья и брак в английской литературе как социокультурный компонент обучению иностранному языку» (2018) [Юзмухаметова 2018] коллектив авторов, современных отечественных ученых, обращает внимание на проблемные отношения с родителями, а также с братьями или сестрами в произведениях М. Дрэббл. Центральным конфликтом многих ее романов становится противостояние матери и дочери, а в романе «Сквозь игольное ушко» — матери и сына. Образ отца менее важен для писательницы. Вероятно, что в этом отражаются автобиографические мотивы взаимоотношений М. Дрэббл с ее родителями. Так, например, отец писательницы был часто занят и не уделял должного внимания воспитанию детей, хотя и любил свою семью. Характер ее отношений с матерью был более неоднозначным и напряженным. Несмотря на это, они часто виделись и Маргарет всегда ощущала любовь с материнской стороны. После смерти матери и в течение всей своей жизни М. Дрэббл будет искать доверительных, близких отношений со старшими женщинами, как бы пытаясь восполнить образовавшуюся

пустоту. Таким примером могут служить отношения писательницы с ее сестрой – А. Байетт (*Antonia Susan Byatt*), известной британской писательницей и литературным критиком 1960 – 1970-х гг. Напряжённые отношения между представительницами прекрасного пола, будь то сестрами, кузинами, подругами, в произведениях обеих писательниц представляют наибольший интерес, поскольку основаны на реальных взаимоотношениях сестер. Так, Сара Беннет в романе «Вольер для птиц» (*A Summer Bird-Cage*, 1963) М. Дрэббл пытается избавиться от влияния старшей сестры Луизы и в то же время найти с ней точки соприкосновения. Героиня другого романа М. Дрэббл «Водопад» (*Waterfall*, 1969) Джейн Грей говорит, что кузина Люси «была моей сестрой, моей судьбой, моим примером: ее влияние на меня было огромным» [Юзмухаметова 2018: 172]. Однако Джейн не только живет жизнью своей кузины, но и охвачена страстью по отношению к ее мужу. Сестры Кассандра и Джулия в романе А. Байетт «Игра» (*The Game*, 1967), прототипами которых стали сами А. Байетт и М. Дрэббл, начинают противостояние, осознавая, что всего лишь являются взаимопроекциями. Кроме того, проблемы отстранения и отчуждения между родителями и детьми, сестрами и братьями, изменение отношения к браку в обществе, свойственные английской семье среднего класса 1960 – 1970-х гг., также нашли отражение в филигранной прозе М. Дрэббл. Ее романам свойственен мотив «бегства из родного дома», «утраты семейных ценностей». Клара Моэм в книге «Мой золотой Иерусалим» (*Jerusalem the Golden*, 1967) прекращает отношения со своей семьей и бросает мать при смерти; а персонажи романов «Вольер для птиц» и «Жернов» (*The Millstone*, 1965) и вовсе не общаются с родителями. В более позднем романе «Златые миры» (*The Realms of Gold*, 1975) М. Дрэббл меняет свою точку зрения и изображает главного героя Фрэнсиса Уингейта ищущим свою семью и свои корни. Таким образом, через семейную проблематику М. Дрэббл изображает в своих романах важные изменения,

происходящие в английском обществе II пол. XX века и выражает свое отношение к ним.

Период 1960-х гг. в Британии, как и Западе, ассоциируется с молодежными движениями, расцветом рок-музыки, «сексуальной революцией», «битниками», «хиппи», интересом к йоге и восточным учениям, употреблением наркотиков и т. д. Эти тенденции вызвали сначала полное неприятие у старшего поколения, но позже новые «ценности» не только «прижились», но и привели к терпимости в обществе к различиям в политических, интеллектуальных, эстетических взглядах, а впоследствии приняли форму альтернативного взгляда на жизнь [Толкачев 2003].

Авторитетный британский литературный критик Д. Хид (*Dominic Head*) в своей обзорной монографии «Введение в современную британскую литературу 1950–2000 гг. (Кембридж)» (*The Cambridge Introduction to Modern British Fiction 1950 – 2000*, 2012) [Head 2012] констатирует существование нескольких подходов к восприятию 1960-х гг. («long sixties») в обществе, что, несомненно, привлекло критические взоры писателей II пол. XX в. Во-первых, значение имело осознание того факта, что сексуальная вседозволенность привела к новой искренности, открытости и честности в обществе. Во-вторых, брошенный вызов существующей власти и иерархии привел к подрыву ее деятельности и впоследствии к снижению авторитета белых, представителей высшего и среднего класса, мужей, отцов и мужчин в целом [Head 2012: 26]. В отечественной англистике II пол. XX в. творчество литературных представителей 60-х гг. подробно исследовано в работах Г.В. Аникина [Аникин 1974], В.В. Ивашевой [Ивашева 1984], В.М. Толмачёва [Толмачёв 2003], О.Г. Сидоровой [Сидорова 2005], С.П. Толкачева [Толкачев 2008], Г.А. Фроловым, Л.Ф. Хабибуллиной [Фролов 2014].

Находясь под влиянием драматических событий XX в. Нобелевский лауреат Д. Лессинг (*Doris May Lessing*) создает свой роман «Пятый ребенок» (*The Fifth Child*, 1988), в котором поднимает вопрос следования моральным

ценностям в аморальное время. Роман повествует о распаде семьи Ловаттов и напоминает о том, что «войны разрушили прекрасный домашний очаг со всеми любящими детьми» самой Д. Лессинг [Rothstein 1988]. Размышляя о своем детстве, писательница усматривает схожую губительную для семьи атмосферу в жизни общества 1970 – 1980-х гг., когда некоторые все время ощущают своего рода боль, безнадежность, гнев. Супруги Ловатты наперекор духу свободы и раскрепощенности своего поколения шестидесятых идут по пути создания старомодной традиционной семьи. Поначалу их жизнь в большом викторианском доме, отрешённом от жадных и эгоистичных шестидесятых, когда жестокость и преступления стали обычным делом — идеальна [Lessing 2001]. Их спокойствие нарушает появление Бена — пятого ребенка, которого сама мать считает ребёнком—неандертальцем, и чья жестокость по отношению к животным и сверстникам полностью противоречит традиционному образу ребенка. И здесь мать, Гарриет, оказывается на перепутье: защитить свою семью от жестокости мальчика, либо предать свое дитя и оставить его в специальном учреждении. Однако, выбрав первое, героиня косвенно способствует разрушению своей семьи. Как отмечает Л. Елин (*Louise Yelin*) в своей монографии «С периферии империи» (*From the Margins of Empire: Christina Stead, Doris Lessing, Nadine Gordimer, 1998*) [Yelin 1998], посвящённой женщинам—писателям и национальной идентичности, британское общество, микрокосмом которого выступает в романе семья Ловаттов, не может быть сохранено через сугубо женский подход в воспитании будущего поколения или следовании таким либеральным ценностям, как толерантность и гражданственность, а только посредством насилия, или под его угрозой; толерантность предполагает, что акты агрессии Бена и ему подобных должны пресекаться или быть взяты обществом под контроль [Yelin 1998: 101 – 102]. В конце концов, чтобы воспитать «здоровое» поколение в современном мире недостаточно быть «хорошей матерью», для

начала нужно попытаться изменить его – искоренить зло, что, собственно, попыталась сделать и сама Д. Лессинг, в том числе, и через свои тексты.

Данный период для Великобритании также ознаменован приходом к власти «железной леди» М. Тэтчер в 1979 г., чья консервативная политика вылилась в ряд катастрофических социальных и политических перемен. Основным курсом политики Тэтчер отражается в ее известной фразе «общества не существует», постулирующей упразднение идеи общества всеобщего благосостояния («welfare-state») и образование нового индивидуалистического общества, где каждый в ответе только сам за себя [Bradbury 1994: 394–395]. С целью восстановления экономики были упразднены профсоюзы, свернуты социальные программы в области образования и здравоохранения, проводилась последовательная политика денационализации промышленности и возвращения к свободному предпринимательству.

Видный отечественный литературовед О.А. Джумайло в своей фундаментальной работе, посвященной постколониальной литературе «Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг.» (2014) говорит о том, что в английской литературе II пол. XX в. часто возникает образ современника, психология которого сформирована эпохой тэтчеризма, да и сама Тэтчер не случайно возникает в художественных произведениях и в фильмах как «культурная икона» своей эпохи [Джумайло 2014: 210].

Точно отражает дух данной эпохи открытая полемика отца и сына, Кингсли и Мартина Эмиса (*Martin Louis Amis*), крупных деятелей английской литературы. Разногласия отца и сына прослеживаются как в личном, так и в творческом плане. Немаловажное значение для нашей работы имеет их принадлежность к разным поколениям. К. Эмис в своих ранних произведениях, среди которых и самый известный его роман «Счастливчик Джим» (1954), выражает идеи «сердитых молодых людей» и таким образом оказывается вписанным в контекст своего времени, выступая рупором идей

поколения своих современников. Эмис-младший — один из самых известных английских постмодернистов на сегодняшний день, чьи романы пользуются коммерческим успехом, однако постоянно оплакивающий человечность, пораженный обезкультуриванием и ищущий смыслы.

Исследователи Д. Дидрик [Diedrick 2004], А.С. Ласточкина [Ласточкина 2014], изучая творческие принципы Кингсли и Мартина Эмиса, обращаются к работам о поколениях Х. Блума, авторитетного литературного критика и литературоведа. Опираясь на понятия из трудов З. Фрейда, Х. Блум утверждал, что писатели, бунтуя против своих литературных предшественников (символических отцов), декларируют новые принципы в творчестве [Ласточкина 2014: 32].

Дебютный роман М. Эмиса «Досье на Рэйчел» (The Rachel Papers, 1973) написан в пародийной форме относительно экзистенциальной проблематики и саморефлексии, присущей предыдущему поколению писателей. Чарльз Хайвей — главный герой романа — испытывает опыт экзистенциального погружения в исповедь о взрослении и философской инициации, в этом также усматривается отсылка к известному «Письму к отцу» (1919) Ф. Кафки, аналог которого пишет сам протагонист [Джумайло 2014: 237]. В. Л. Лунина, характеризуя героев романа М. Эмиса, приводит слова Э. Фейнштейна, который отмечал, что это безобразное, покалеченное поколение, полное ненависти к своим родителям и пугающееся любой форме сочувствия и галантности, описанное с абсолютной яростью [Лунина 2014: 2]. По словам М. Эмиса, молодые писатели намеренно оставляют «недружелюбные послания» старшему поколению в своих художественных произведениях.

Во вступительном эссе сборника рассказов «Монстры Эйнштейна» (Einstein's Monsters, 1987) М. Эмис довольно точно передает тревожное настроение своего времени («All times are different, but our time is different. A new fall, an infinite fall, underlies the usual-indeed traditional-presentiments of decline. To take only one example, this would help explain why something seems to

have gone wrong with time—with modern time; the past and the future, equally threatened, equally cheapened, now huddle in the present. The present feels narrower, the present feels straitened, discrepant, as the planet lives from day to day. It has been said – Bellow again – that the modern situation is one of suspense: no one, no one at all, has any idea how things will turn out. What we are experiencing, in as much as it can be experienced, is the experience of nuclear war») [Amis 1990: 21–22]. Романы «Счастличик Джим» и «Досье на Рэйчел» являются ярким и уникальным в своем роде отражением полемики отца и сына в литературном творчестве. Однако следует отметить, что «Досье на Рэйчел» хотя и роман о другом времени, проблемах, людях и не является переосмыслением «Счастличика Джима», в тексте прослеживается влияние произведений отца.

По мнению современного британского литературного критика Э. Бладеса (*Andrew Blades*), анализирующего творчество писателей об эпохе 1980 гг., герой сатирического романа М. Эмиса «Деньги» (*Money*, 1983) Джон Селф олицетворяет зарождающуюся культуру алчности и эгоизма, часто ассоциируемую с экономической политикой М. Тэтчер и Р. Рейгана [Blades 2013: 18].

Пестрая картина межпоколенческих взаимоотношений также усматривается в романах И. Макьюэна (*Ian McEwan*), представителя поколения писателей Великобритании 1980–1990 гг. В центре его скандального романа «Цементный садик» (*The Cement Garden*, 1978) семейные отношения и напряженность. В этом произведении изображается полный крах норм, правил и порядка на пути молодого поколения к обретению свободы. Вступая в инцестуальные отношения со своей сестрой, герой романа Джек не чувствует ни стыда, ни нарушения моральных норм [McEwan 1996: 135]. Действительно, нетрадиционные и табуированные отношения переживаются героями как чистый и позитивный опыт, а смерть родителей — как освобождение. Роман представляет собой поразительную картину того, как люди могут вести себя даже не аморально, а так, будто им безразличны

общепринятые нормы поведения. Молодое поколение в романе, по сути – дети, не злы и не безнравственны; они просто кажутся безразличными к правилам и нормам, существующим в обществе.

К фрейдистскому прочтению персонажей романа склоняются французские литературные критики Ж. Клаус (*G. Klaus*) [Klaus 1985] и М. Дюпре (*M. Duperray*) [Duperray 1989]. Эдипова враждебность Джека по отношению к авторитетному отцу выражена так красноречиво в эпизоде, когда сын намеренно заставляет отца помогать нести тяжелый груз, хотя осознает, что это опасно для здоровья пожилого человека. Изображение грубого и авторитетного образа отца с манией упорядоченности напоминает нам о сложных отношениях самого И. Макьюэна со своим отцом, суровым военным, всегда подавлявшим жену и сына [Джумайло 2010: 242]. Эдипов отказ Джека от отцовской фигуры настолько очевиден, что почти является комическим и пародийным элементом в тексте. Однако у Джека нет типичного Эдипова комплекса (его страсть — к сестре, а не к матери). При этом и любовь матери герой игнорирует и отталкивает. В какой-то степени Джек после смерти отца принимает его роль. Стоит вспомнить, как он жестоко щекочет свою сестру, надев грязные отцовские перчатки. Мы видим постепенную деградацию детей, все, что окружает их, приходит в упадок и гниение. Например, кухня после смерти матери становится отвратительным местом («...a place of stench and clouds of flies.») [McEwan 1996: 73], образ, который будет повторяться и позже в тексте [McEwan 1996: 98]. Здесь усматривается отсылка к другому знаменитому и пугающему своей жестокостью роману-притче о подростках У. Голдинга «Повелитель мух» (*Lord of the Flies*, 1954). Тем не менее, в отличие от У. Голдинга, который выбирает местом действия для разоблачения тьмы человеческого сердца необитаемый остров, для И. Макьюэна центр зла сосредоточен в условиях городской цивилизации и даже сужается до дома, обнесенного небольшим садом. Не случайно литературная критика окрестила роман «урбанистическим «Повелителем мух» [Tiger 2008: 135]. Читателю

остаётся сделать вывод, что такие люди при определенных обстоятельствах способны на все. И эти люди, как видится И. Макьюэну, его современники, представители современного британского общества.

Мотив отношений отцов и детей прослеживается и в романе И. Макьюэна «Утешение незнакомцев» (*The Comfort of Strangers*, 1981). Протагонист романа Роберт живет в тени своего отца и деда, явно могущественных и деспотичных людей. Его отношения с красивой, нежной матерью и женой Каролиной кажутся сложной смесью зависимости и отвращения. Здесь усматривается отсылка к Гамлету, с его сложными и экспансивными семейными отношениями, что вполне соответствует данному аспекту романа.

В романе «Дитя во времени» (*Child in time*, 1987) И. Макьюэн, обращаясь к историческим реалиям, изображает недалёкое будущее и стремится передать процесс смены культурных и ценностных ориентиров в сфере образования и воспитания в Англии. С помощью особой системы эпиграфов, в духе тэтчеровской политики, раскрывается основная тема романа — роль детства, не столько в жизни родителей, сколько в политической и культурной жизни общества. В этой связи точным является данное О. А. Джумайло сравнение образа М. Тэтчер в романе с суррогатной матерью нации, воспитывающей своих детей в искусственно созданных условиях, где «Руководство» — некий свод правил, направлен на распространение власти над человеком с самого рождения и воспитывающий в духе материальной выгоды [Джумайло 2008: 77]. Данная идея раскрывается в одном из эпиграфов романа («In the past, too much has been demanded of parents, who have been exhorted to inculcate altruism in their children at all costs. Incentives, after all, form the basis of our economics structure and necessarily shape our morality; there is no reason on earth why a well-behaved child should not have an ulterior motive. — from «The Authorized Child-Care Handbook») [McEwan 1987: 142].

В статье «Психология травмы в романах И. Макьюэна («Суббота», «Чизил-Бич») отечественный литературовед Л.Ф. Хабибуллина изучает связь телесности и травмы в прозе И. Макьюэна [Хабибуллина 2020]. Исследователь утверждает, что автор все больше внимания уделяет индивидуальной травме, связанной с опытом не одного поколения и являющейся частью индивидуального восприятия личного опыта. В статье также говорится о том, что в романе «Чизил-Бич» (*On Chesil Beach*, 2007) И. Макьюэн показывает сложность вхождения во взрослую жизнь поколения, чья «...сексуальная закрепощенность, идущая еще от викторианства, разрушила в конечном счете их личную жизнь» [Хабибуллина 2020: 310]. Автор статьи приходит к выводу, что особенность прозы И. Макьюэна состоит в обращении к «пограничному» периоду 1960-х гг., к последнему поколению, которое будучи неспособным понять и интерпретировать свое тело и тело «другого», выстроило непреодолимую стену между собой и «другим» и тем самым разрушило свою жизнь.

В романе «Какое надувательство!» (*What a Carve Up!*, 1994) признанный британский писатель Дж. Коу (*Jonathan Coe*) делает сатирические зарисовки жизни английского общества на примере судьбы членов влиятельной семьи Уиншоу в период эры правления М. Тэтчер. Каждый член клана имеет влияние в одной из важных сфер жизни общества: политической, финансовой, сфере искусства и массовой информации и в тоже время является носителем пороков поколения британцев 1980-х гг. Е. В. Хохлова в статье «Семейный код в романе Джонатана Коу “Какое надувательство!”» (2015) рассматривает с точки зрения семейного кода систему, образованную шестью потомками рода Уиншоу. Среди основных мотивов романа автор статьи выделяет следующие: «братоубийство», «отсутствие семейного единства» и «сумасшествие». Семья Уиншоу – это группа отчужденных друг от друга людей, но при этом движимая алчными мотивами и совместными мошенническими схемами, что скрепляет их и не дает семье распасться [Хохлова 2015]. Очевидно, что

данный образ семьи противоречит традиционно сложившемуся образцу британской семьи, члены которой приверженцы обычаев и традиций. Таким образом, на примере жизни одной семьи автором представлены результаты политики тэтчеризма в 1980-х гг.

Ю.А. Храмова в статье «Диалогия Джонатана Коу о состоянии нации» отмечает, что роман «Клуб ракалий» (2001), отсылая читателя к реалиям 1970-х гг., по мере развития сюжета демонстрирует другой, неожиданный смысл – смысл духовной общности и сплоченности главных героев перед лицом неприятных событий: «как знаковые перемены той эпохи, начиная от трудовых отношений и заканчивая музыкальными пристрастиями и расовой политикой, отразились на основополагающих жизненных устоях общества» [Храмова 2001: 471].

Н. Бентли, анализируя отношение Дж. Коу к альтернативным музыкальным молодежным субкультурам 1970-х гг. в статье «Панк, Prog Рок, и Тэтчеризм в романе “Клуб ракалий” Джонатана Коу», (Punk, Prog Rock, and Thatcherism in Jonathan Coe’s *The Rotters’ Club*, 2020) указывает на то, что прогрессивный рок и панк образуют противоположные эстетические и идеологические связи, реализуемые через ностальгический и часто иронический отклик на чрезмерную серьезность, которой наполнены персонажи-подростки в романе [Bentley 2020]. Дж. Коу характеризует свой роман в одном из интервью следующим образом: «...когда я наложил личные воспоминания на исторический контекст, я понял, что передо мной целый набор интонаций, гремучая смесь, которую предстоит соединить в единое целое» [Speaking In Tongues Publishing 2002]. Пола Коннолли, журналист одной из самых известных в мире газеты «The Times», в своей статье делает акцент на тонкой игре с соотношением ключевых исторических событий этого времени и судьбой личности («...the narrative's seamless interplay between the seismic political events of the decade and the personal story it relates that really impresses») [A Literary Saloon and Site of Review].

Тема отношений отцов и детей волнует и другого современного английского романиста Г. Свифта. Если в «Игрушке судьбы» (*Shuttlecock*, 1981), «Водном крае» (*Waterland*, 1983), «Вне этого мира» (*Out Of This World*, 1988) и «Отныне и навсегда» (*Ever After*, 1992) эти взаимоотношения описываются в основном с позиции сына, то в «Последнем распоряжении» (*Last Orders*, 1996) доминирует отцовская точка зрения, так же, как и в «Хозяине кондитерской» (*The Sweet-Shop Owner*, 1980). Отцы же у Свифта не авторитетные и властные, а ранимые и неуверенные — они хотят защитить своих детей, но совершают и страшные ошибки. Всему виной их одиночество. Отцы создают мечты, а дети рушат. Однако, когда герой романа «Последние распоряжения» умирает, невозможно оставаться равнодушным к его мечте. Одно из самых трогательных мест в тексте показывает, как глубоко привязаны друг к другу близкие люди — Джек и его пасынок Винс, и былые обиды и негодования уже не так важны [Хьюитт 1998].

Особенный интерес для нашего исследования представляет освещение проблемы поколений писателями мультикультуралистами, к которым, безусловно, примыкает и сам К. Исигуро. С.П. Толкачев отмечает, что в умении мультикультурного писателя Тимати Мо (*Timothy Mo*) «увидеть и изобразить подлинное на пересечении «коренного» и «чуждого» воплощается смыкание древних традиций и ускоряющихся современных процессов» [Толкачев 2008]. Действие романа «Король обезьян» (*The Monkey King*, 1978) разворачивается в колониальном Гонконге в период между 1950 и 1970 гг., в тексте описываются испытания и невзгоды Уоллеса Ноласко (*Wallace Nolasco*)—зятя патриархального мистера Пуна. Конфликт этих двух персонажей — представителей разных поколений — движет сюжетом. Роман интересен глубоко личным описанием семейных ритуалов и обычаев. В другом более зрелом романе Т. Мо «Кисло—сладкий соус» (*Sour Sweat*, 1982) также делается акцент на семейных отношениях и напряженности. В центре

сюжета жизнь обычной китайской семьи иммигрантов Чен в лондонском Чайнатауне. Семья, возможно, находится под большей угрозой из-за прибытия китайской мафии, чем из-за чужих для них жителей туманного Альбиона. Через расширенную систему образов в романе повествуется как о расколе между матерью и сыном, так и между родиной и Англией [British Council. Literature 2022].

Другой авторитетный представитель мультикультурного литературного направления Х. Курейши (*Hanif Kureishi*). Подросток Карим — главный герой его известного романа «Будда из предместья» (*The Buddha of Suburbia*, 1990) — родился в пригороде Лондона в восточной семье. Герой находится на распутье культурного и национального самоопределения. Однако, кажется очевидным, что перипетии Карима в Англии и приключения Джо Лэмптона — героя романа «Путь наверх» (*Room at the Top*, 1960), другого современного британского автора Дж. Брейна (*John Braine*), — это яркие сцены жизни людей, представителей разных поколений, имеющих различные социальные, моральные и психологические проблемы [Толкачев 2008].

Российский литературовед Б.М. Проскурнин в статье «Романы Ханифа Курейши как дискурс идентичности» (*Hanif Kureishi's Novels as the Discourse of Identity*, 2012) [Proskurnin 2012] обращает внимание на то, что поп и рок музыка способствовали нарастанию центрального конфликта «Будды из предместья» — противостоянию отцов и детей, в котором этническая принадлежность играет важную, но не последнюю роль.

Разумеется, материал, удовлетворяющий исследуемой нами проблемы, не ограничен лишь упомянутыми текстами авторов-современников К. Исигуро; примеры ее освещения мы также можем найти и в отдельных текстах писателей, принадлежащих к иным литературным периодам.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В отечественной и зарубежной критической литературе II пол. XX века изучению проблемы поколений отводится значительное место. В данной главе мы уделили пристальное внимание важным для исследования творчества К. Исигуро социологическому, психологическому и литературоведческому аспектам рецепции проблемы поколений в критике II пол. XX века. Прежде всего, нами были рассмотрены следующие социологические теории поколения: ортеговская («Вокруг Галилея (схема кризисов)» 1933 г.), социального местоположения Мангейма («Проблема поколений» 1928 г.), конфликта поколений Фойера («Поколенческий манифест» 1969 г.), кризиса поколений Манделя («Кризис поколений» 1969 г.), межпоколенческой вражды Лоренца («Вражда между поколениями и ее возможные эволюционные причины» 1970 г.), антропологической преемственности Мид («Культура и сопричастность» 1970 г.) и архетипов когорты Хоува-Штрауса («Поколения» 1991 г.). По нашему мнению, именно теория архетипов когорты Хоува-Штрауса может стать методологической основой нашего исследования проблемы поколений в творчестве К. Исигуро, так как в полной мере позволяет понять художественные образы, относящиеся к различным поколенческим циклам.

Кроме того, в настоящей главе были изучены важные психологические теории и идеи таких ученых, как: З. Фрейд, К. Юнг, Дж. Л. Морено, Л. Зонди, Э. Бэрн, М. Боуэн, Ф. Дольто, Н. Абрахам, И. Бузормени-Надь, М. Терек, А. Шутценберг, А. Сатир, В.И. Пищук, М.В. Сапоровская, Ж. Мандель, Т. Дои, Д.В. Стрельцов, Х. Сэкигути, Б. Ван дер Колк, О. ван дер Харт, Дж. Лифтон, К. Араки, Н. Асукай, Я. Мияке, М.Б. Уильямс, Дж. Олпресс, Р. Браун, Ф. Терони, Б. Дусже, Ю. Кристева. Особую значимость, в контексте настоящей работы приобретают идеи о межпоколенческой передаче психических травм

(М. Боуэн, Ф. Дольто, Н. Абрахам, И. Бузормени-Надь и М. Терек), влиянии ПТСР на память, диссоциации (Б. Ван дер Колк и О. ван дер Харт), адаптации после взрыва атомной бомбы (Дж. Лифтон), коллективном чувстве вины (Р. Браун, Ф. Терони, Б. Дусже), материнстве (Ю. Кристева).

В результате анализа роли и места проблемы поколений в литературном процессе Великобритании II пол. XX в. мы обнаружили, что аспекты рецепции проблемы поколений в послевоенном мире претерпели значительные изменения и трансформации, обусловленные целым рядом факторов: послевоенный кризис, утверждение новых философских концепций, переход от коллективизма к индивидуализму, установление монетаризма, разрушение классовых барьеров, бунт молодежи и наличие мультикультурных тенденций в литературе.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что проблема поколений в литературе не теряет своей значимости и остроты. Свидетельством наличия интереса к проблеме поколений и связанных с ней мотивов «детства», «непонимания отцов и детей», «отсутствия семейного единства», «утраты семейных ценностей», «бегства из родного дома», «сиротства», «отчуждения» и проблеме воспитания в литературе выступает появление большого количества литературно-критических и теоретических работ, ряд которых был проанализирован в данной главе. В первую очередь, были рассмотрены труды следующих зарубежных исследователей: «Современный британский роман» (1996 г.) М. Бредбери, «Введение в современную британскую литературу 1950–2000 гг. (Кембридж)» (2002 г.) Д. Хида, «Понимая Мартина Эмиса» (2004 г.) Д. Дидрика, «С периферии империи» (1998 г.) Л. Елин, «Панк, Prog Рок, и Тэтчеризм в романе «Клуб ракалий» (2020 г.) Н. Бентли, «О Грэме Свифте: современный английский романист. Семьи, наваждения и «Последние распоряжения» (1998 г.) К. Хьюитт, а также работы отечественных ученых: «Современная английская литература» (2008 г.) С.П. Толкачева, «Английский исповедально-

философский роман 1980–2000 гг.» (2014 г.) О.А. Джумайло, «Литературные дебюты Кингли Эмиса и Мартина Эмиса: сравнительный анализ» (2014 г.) А.С. Ласточкиной, «Семейный код в романе Джонатана Коу «Какое надувательство!» (2015 г.) Е.В. Хохловой, «Диалогия Джонатана Коу о состоянии нации» (2018 г.) Ю.А. Храмовой, «Романы Ханифа Курейши как дискурс идентичности» (2012 г.) Б.М. Проскурнина.

При выборе романов для обзорного анализа литературного контекста мы, прежде всего, руководствовались необходимостью демонстрации проблемы поколений, наиболее ярко выраженной в творчестве писателей, принадлежащих к одному литературному поколению и обратившихся к данной проблеме неоднократно (Ч.П. Сноу, М. Дрэббл, А.С. Байетт, Д. Лессинг, М. Эмис, И. Макьюэн, Дж. Коу, Т. Мо, Х. Курейши). Неуклонное возвращение к данной проблематике на протяжении всего творчества характеризует авторскую поэтику многих из них.

Принимая во внимание данные выводы и поставленную цель, логичным представляется дальнейший анализ проблемы поколений в творчестве К. Исигуро.

ГЛАВА 2. ПОРТРЕТЫ ПОКОЛЕНИЙ И ВНУТРИПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ К. ИСИГУРО

В теории литературы существует несколько подходов к исследованию литературного портрета. С.И. Кормилов понимает портрет как описание или создание впечатления от внешнего облика персонажа: лица, фигуры, одежды, манеры держаться. Формы поведения персонажа остаются за рамками портрета, но могут рассматриваться в качестве динамического портрета [Кормилов 2001: 762]. М.И. Андроникова рассматривает портрет в более широком смысле и считает, что портрет представляет собой «словесное изображение внешности персонажа, а также словесное изображение его действий и поступков» [Андроникова 1980: 107]. Визуализация облика героя в портрете может быть совмещена с его психологической, этической или социальной характеристикой [Гурович 2008: 176]. В. Е. Хализев также подчеркивает то, что портрет не ограничивается описанием «наружности: телесных, природных и, в частности, возрастных свойств», но фиксирует то, что сформировано в человеке социумом, культурой, его личностными особенностями и выражается в характерных формах поведения [Хализев 2004: 204]. В нашем исследовании мы будем рассматривать портрет в более широком смысле. Важно сделать акцент и на том, что в портрете героя отражается не только модель, но и сам автор [Андроникова 1980: 108]. Данная особенность характерна и для произведений К. Исигуро, поскольку, составляя портрет персонажей, автор изображает их в меру своего собственного видения и жизненного опыта и тем самым воплощает и раскрывает свою собственную точку зрения.

Существуют многообразные классификации литературного портрета: типический и индивидуальный (Г. Шпайер) [ФЭБ «Русская литература и фольклор» 2021]; качественный и функциональный (Е.А. Гончарова)

[Гончарова 1984]; портрет-восприятие, портрет-самовосприятие, портрет-воспоминание, портрет-самовоспоминание, портрет-узнавание (Г.С. Сырица) [Сырица 1986], концентрированный и деконцентрированный (И.А. Быкова) [Быкова 1990]; тематические и структурные (К.Л. Сизова) [Сизова 1995]; портрет-ситуация, портрет-оценка, портрет-представление (Н.А. Родионова) [Родионова 1999:]; портрет-штрих, ситуативный, оценочный (А.Н. Беспалов) [Беспалов 2001]; внутренний человек, медиальный человек, внешний человек (Л.В. Серикова) [Серикова 2004]; характероцентричный (О.А. Малетина) [Малетина 2006]; по расположению в тексте (позиционирование), по содержанию элементов (наполняемость), по количеству элементов, по характеру подачи, по наличию/отсутствию авторского комментария (Е.В. Михайлова) [Михайлова 2000]; коммуникативно-информационный, оценочно-аргументативный, рефлексивно-аналитический (П.В. Невская) [Невская 2013]; статический и динамический (Л.Ю. Юркина) [Юркина 1998].

По мнению Н. В. Барковской, литературный портрет наделен следующими функциями в литературном произведении: 1) характеристика героя; 2) выражение отношения автора к герою; 3) воплощение концепции человека, свойственной писателю [Барковская 2004: 22].

Нашему исследованию более всего созвучна точка зрения А.Б. Есина, который считал, что понятие «портрет» содержит следующие формы портретной характеристики: портрет-описание, портрет-сравнение, портрет-впечатление, характеристический портрет и психологический портрет [Есин 2000: 51]. Нам представляется, что данная последовательность портретной характеристики позволит определить степень сложности и раскрыть своеобразие портретов изучаемых представителей разных поколений в творчестве К. Исигуро.

2.1 Величайшее и молчаливое поколения I пол. XX в.

В истории зарубежной литературы XX в. принято выделять два периода – 1910–1945 и 1945–1990-е гг., руководствуясь рубежом для I пол. XX в. временем окончания Великой отечественной войны, что позволяет нам рассматривать поколения в динамике их развития и связях с историческими событиями, определившими облик эпохи и своеобразие мироощущения её современников.

Мировая история XX в. связана, прежде всего, с трагическим мироощущением. Основные понятия, характеризующие данный период, – это война и насилие, экологическая катастрофа, технократия, кризис гуманистических идеалов. В то же время первое десятилетие XX в. ознаменовано оптимизмом и идеализмом, что обусловлено интенсивным развитием науки и техники, поначалу не омраченным негативными последствиями: создание самолета; первые попытки освоения Северного и Южного полюсов; открытие квантовой теории; успехи в области генетики. Однако научная сфера столкнулась с безрассудством, а самые масштабные научные и технические открытия оказались использованными против человека – сначала в Первой мировой войне, затем во второй, принёсших цивилизации многочисленные человеческие жертвы, культурный и материальный урон. Всё это не могло не повлиять на мироощущение и судьбы поколений [Вераксих 2010: 5].

В данном параграфе мы объединили величайшее и молчаливое поколения, поскольку их связывает коллективное переживание трагического и травмирующего опыта мировых войн (1914–1918 гг.) и (1939–1945 гг.), захлестнувших мир в XX в. Результатом мировых войн стал глубочайший экономический, социальный и мировоззренческий кризис, в ходе которого изменилась картина мира. Различные пути осмысления глубоких потрясений XX в. для величайшего и молчаливого поколений выражаются в форме

внутрипоколенческих проблем, которые находят свое художественное воплощение в произведениях К. Исигуро.

Термин «*The Greatest Generation*» (величайшее поколение) впервые появился в книге «Величайшее поколение» (*The Greatest Generation*, 1998) [Brokaw 2001] американского журналиста Т. Брокау (*Tom Brokaw*). В работе описывается поколение американцев, становление которых пришлось на период Великой депрессии и позже столкнувшееся с ужасами Второй мировой войны. В теории Хоува-Штрауса для определения данного поколения используется термин «*G.I.*». Эта аббревиатура применяется для обозначения солдат армии Соединенных Штатов и летчиков Военно-воздушных сил Соединенных Штатов, а также для обозначения общих предметов их снаряжения. Термин «*G.I.*» образован сокращением слов: «*Government Issue*», «*General Issue*», или «*Ground Infantry*», но первоначально он относился к словосочетанию «*galvanized iron*» (оцинкованное железо), используемому службами материально-технического обеспечения Вооруженных сил. Ценности данного поколения формировались до середины 1930-х гг. [Wordorigins.org 2009]. Как известно, в эти годы происходили важные исторические события (революции, Гражданская война, коллективизация, электрификация). Н. Хоув и У. Штраус полагают, что величайшее поколение 1901–1924 г.р. соответствует архетипу «Герои». Для них характерны энергичность и рациональность.

«Герои» – активные сторонники экономического процветания. В среднем возрасте они большие оптимисты и до конца своей жизни сохраняют репутацию компетентных людей с активной гражданской позицией. Представители величайшего поколения заряжают энергией и рационализируют все сферы жизни, от науки до религии, от государственного управления до искусства. На пике своего расцвета они рассчитывают продвинуть цивилизацию за беспрецедентный рубеж общественного прогресса — к благополучию, счастью, знаниям и власти. Их считают более

компетентным, но менее рефлекслирующим поколением. Характерными чертами поколения являются трудолюбие, ответственность, оптимизм, идеологизированность, категоричность суждений, традиционализм [Strauss 1997: 193].

Портрет-описание представителей величайшего поколения, раскрывающий внешний облик персонажей, их общественный статус, оценочное авторское восприятие персонажей, изображен в произведениях К. Исигуро зачастую фрагментарно и имеет сложный и многоплановый характер. В дебютном романе К. Исигуро «Там, где в дымке холмы», повествующем о пожилой японке Эцуко, которая живет в английской провинции и погружается в воспоминания о послевоенном Нагасаки после самоубийства дочери, представителями величайшего поколения выступают: Огата-сан и госпожа Каваками. Несмотря на свой преклонный возраст Огата-сан, благодаря своему телосложению и неиссякаемой энергии, выглядит моложе своих лет. Контрастный портрет-сравнение отца и сына представлен в воспоминаниях рассказчицы Эцуко, невестки Огаты-сана. Женщина отмечает, что в отличие от своего сына, Огата-сан всегда сидел прямо («...would always sit with his shoulders flung well back, and had relaxed generous manner about him.») [Ishiguro 1982: 28–29]. Авторский акцент на позе и осанке персонажа способствует раскрытию жизненных ценностей Огаты-сана, которые основываются на дисциплине и преданности, чувстве долга по отношению к семье, властям и стране. Другой представитель величайшего поколения, разделяющий схожие ценности, – Лорд Дарлингтон из романа «Остаток дня». В романе рассказывается о шестидневной поездке дворецкого Стивенса по западной Англии с целью вернуть бывшую экономку Мисс Кентон в Дарлингтон-Холл. В возрасте пятидесяти пяти лет хозяин Стивенса, Лорд Дарлингтон, изображен статным – высоким и худым, несмотря на седину и первые признаки сутулости [Ishiguro 1989: 64]. Безусловно, трагедия войны, свидетелями которой явились представители величайшего поколения, оставила глубокий след в их судьбах

и мировоззрении. Роман «Художник зыбкого мира» повествует о смене политического климата и о судьбе художника Оно, патриотические идеалы которого оказались преступлением в послевоенной Японии. Госпожа Каваками, хозяйка некогда процветающего бара («Художник зыбкого мира»), терпит одни убытки после войны. Теперь на месте ее бара сооружено четырехэтажное здание с большими стеклянными окнами, предназначенное под офисы и поблизости нет ни одного бара. Внешне женщина «сильно сдала»; в ней будто что-то «сломалось», хотя до войны ее можно было назвать молодой женщиной [Ishiguro 1986: 23]. Фудзивара («Там, где в дымке холмы») была замужем за важным человеком в довоенные годы, а теперь лишь хозяйка закуской [Ishiguro 1982: 140]. Оно («Художник зыбкого мира») был членом комитета художников при государственном департаменте, популярным и влиятельным живописцем, отражающим в своем искусстве националистическую идеологию 1930–1940-х гг. Вокруг него собирались ученики, восторженно поклоняющиеся ему. Теперь его дочь считает, что он был рядовым художником и не мог существенно влиять на политическую жизнь, а также отмечает, как смягчился его характер («He's much more gentle and domesticated.») [Ishiguro 1986: 13]. Мацуда, ровесник и товарищ Оно, в молодости был наделен тонким красивым лицом [Ishiguro 1986: 87]. В послевоенные годы предстает с истерзанным недугами телом («...his once handsome, arrogant face has become distorted by a lower jaw that seems no longer able to align itself with the upper») [Ishiguro 1986: 89]. Портрет-описание помогает автору раскрыть не только внешние, но и внутренние, глубинные, проблемы предстателей величайшего поколения. Герои не просто сдали после войны, многие из них буквально сломлены, их былые позиции утрачены. Однако, несмотря на изменение внешнего и психологического портрета представителей величайшего поколения, им удастся сохранить веру в светлое будущее. Фудзивара считает, что не стоит молодым людям проводить воскресенья на кладбище, почитая погибших, а следует подумать о будущем.

Оно в конце романа признает, что несмотря на все ошибки прошлого, есть шанс изменить все к лучшему [Ishiguro 1982: 25].

Одежда героев-представителей величайшего поколения зачастую подчеркивает их высокое социальное положение. В молодые годы Мацуда для полицейского одет чересчур изысканно («...his overcoat was sharply tailored with a high upturned collar, and he wore his hat slanted down over his eyes in a somewhat mocking manner») [Ishiguro 1986: 87]. Он производил впечатление человека довольно самоуверенного и надменного [Ishiguro 1986: 87]. Несмотря на то, что Стивенс не является прирожденным аристократом, как его хозяин Лорд Дарлингтон, у него достаточно много элегантных костюмов, доставшихся от хозяина и его высокопочтенных гостей. Тем не менее, костюмы выглядят старомодно; подходящего костюма для автомобильной поездки у Стивенса нет, так как он практически не покидал Дарлингтон-Холл. Одежда Стивенса одновременно скрывает, но в то же время и раскрывает его идентичность. Так, являясь чужой собственностью изначально, она не служит средством самовыражения, в том смысле, что выбор одежды характеризует личность ее обладателя. Одежда Стивенса, как и его пустая комната, напоминающая тюремную камеру, говорит об отсутствии собственного внутреннего мира, ведь круг его интересов не выходит за рамки профессиональных обязанностей. Это связано с тем, что решающим компонентом достоинства дворецкого для Стивенса является способность не расставаться со своим профессиональным лицом [Ishiguro 1989: 43]. Американский философ М. Берман (*M. Berman*), подчеркивает значимость одежды в современной культуре («...clothes become an emblem of the old, illusory mode of life; nakedness comes to signify the newly discovered and experienced truth; and the act of taking off one's clothes becomes an act of spiritual liberation, of becoming real.») [Berman 1982: 106]. Стивенс отождествляет себя со своей ролью дворецкого, теряя собственную уникальность.

Материальное положение и общественный статус героев оставляет желать лучшего во второй половине их жизни, что выливается в серьезную внутрепоколенческую проблему величайшего поколения, связанную со сменой ценностных ориентиров в обществе. Мацуда и Оно сохранили свои состояния, но многие их товарищи буквально нищенствуют [Ishiguro 1986 :92]. Сигимура рискнул и вложил значительную часть своего состояния в перестройку парка Кавабе для того [Ishiguro 1986: 133], однако столкнулся с финансовыми трудностями. Лорд Дарлингтон, кто некогда вращал «колесо мира» и кому была «вверена судьба цивилизации», лишается былого влияния и умирает в бесславии. К. Бэнкс узнает, что живет на финансовое обеспечение, за которое его мать расплатилась своей свободой, оказавшись наложницей у китайского бандита Ван Гуна.

Одежда героев и их внешний вид также отражают другую чисто английскую внутривоколенческую проблему – классовость. В романе «Остаток дня» каждый представитель величайшего поколения знает свое место в иерархии английского общества, и это место определяет их поведение. Мисс Кентон крайне возмущена, когда Стивенс просит, чтобы она называла его отца «Mr Stevens», а не «William» [Ishiguro 1989: 57]. Дело в том, что мисс Кентон – экономка, а отец Стивенса всего лишь помощник дворецкого, несмотря на его солидный возраст. Во время поездки Стивенса встречающиеся у него на пути незнакомцы проявляют к нему большое почтение, поскольку у него дорогая машина (собственность хозяина), солидный костюм, но, что куда важнее, он говорит и ведет себя как истинный джентльмен [Ishiguro 1989: 194].

В японской культуре ключевое место занимает понятие иерархии. Каждый человек должен знать подобающее ему место. Специфика японской культуры заключается не только в стремлении к продвижению по иерархической лестнице, но и в осознании необходимости обрести должное право на подобное продвижение. Р. Бенедикт в своей книге «Хризантема и меч» (перевод Н.И. Селивестровой 2016), посвященной японской культуре,

отмечает тот факт, что из-за концепции «подобающего места» в довоенный период в Японии не любили нуворишей: людей, занимающих свое положение без достаточных на то оснований [Бенедикт 2016: 22]. Художественным воплощением данной концепции в романе «Остаток дня» выступает Общество Хейса, которое, по воспоминаниям Стивенса, пользовалось значительным влиянием в большинстве районов Лондона в 20 – 30-е гг. прошлого столетия [Ishiguro 1989: 32]. В Общество Хейса допускались дворецкие только высшего класса, служащие в выдающихся домах, а дома дельцов, или нуворишей, Общество не рассматривало как «выдающиеся», что, по мнению Стивенса, не дало возможность Обществу завоевать должный авторитет («...crucially undermined any serious authority the Society may have achieved to arbitrate on standards in our profession.») [Ishiguro 1989: 32]. Р. Бенедикт полагает, что корни японского милитаризма также восходят к концепции «подобающего места». В глазах японцев они несли миру порядок, в котором каждому народу отводилось должное место, которое они бы занимали по праву. Следовательно, интертекст романа образуется английскими реалиями, в то время как в подтексте к осмыслению событий, развивающихся в Британии, адаптируются принципы японского мировоззрения.

Как утверждает Мацуда («Художник зыбкого мира»), Япония теперь обладает мощным потенциалом и должна занять соответствующее место на политической карте мира («It's time for us to forge an empire as powerful and wealthy as those of the British and the French. We must use our strength to expand abroad. The time is now well due for Japan to take her rightful place amongst the world powers.») [Ishiguro 1986: 173–174]. Из такого иерархического видения также вытекает объяснение отсутствия угрызений совести у представителей величайшего поколения. Иерархия давала им чувство защищенности и осознания, как должно поступать в той или иной ситуации. Величайшему поколению неведомы нравственные терзания, связанные с мучительным

определением собственного права на тот или иной поступок, так как долг заведомо определен в системе иерархического общества.

Таким образом, с помощью портрета-впечатления представителей величайшего поколения, производимого внешностью и одеждой персонажей на стороннего наблюдателя, или на других персонажей романа, передается важная внутрипоколенческая проблема величайшего поколения, связанная со снижением общественного статуса представителей поколения, что вызвано смещением ценностных ориентиров в послевоенном обществе Японии и Великобритании.

Портрет-впечатление представителей величайшего поколения также подкреплён лейтмотивными воспоминаниями героев о былом высоком социальном положении. Оно упоминает, что его авторитет выходил далеко за пределы мира искусства [Ishiguro 1986: 27, 30, 36]. Акира Сигимура до войны один из самых уважаемых и влиятельных людей города [Ishiguro 1986: 7]; принадлежащий к старинной, следующей традициям семье [Ishiguro 1986: 11]. По словам его дочери, он был человеком высокообразованным и испытывал особое уважение к художникам [Ishiguro 1986: 7]. Несмотря на свое скромное происхождение, для Оно большая честь, что семья Сигимур сочла его достойным купить их дом. Так или иначе, после войны положение представителей величайшего поколения резко изменилось.

Благородный и честный лорд Дарлингтон, следуя правилам джентельменского поведения, подразумевающего сдержанность и великодушие, оказывается пешкой в хитрой политической игре. Крах культурных ценностей XX в., наряду с подорванным величием Великобритании, не в силах осознать и принять ни Лорд Дарлингтон, ни Стивенс. Как отмечает проницательный мистер Кардинал, Лордом Дарлингтоном манипулировали нацисты в большой политической игре («His lordship is a gentleman. That's what at the root of it. <...>he fought a war with the Germans, and it's his instinct to offer generosity and friendship to a defeated foe.

Because he is a gentleman, a true old English gentleman <...>. His lordship is a dear, dear man. But the fact is, he is out of his depth. He is being manoeuvred. The Nazis are manoeuvring him like a pawn <...>Herr Hitler, through our dear friend Herr Ribbentrop has been manoeuvring his lordship like a pawn, just as easily as he manoeuvres any of his other pawns back in Berlin? <...>Today's world is too foul a place for fine and noble instincts.») [Ishiguro 1989: 234]. В «Книге этикета джентльменов» 1875 г. говорится, что для джентльмена гораздо страшнее проявить себя в недостаточной степени джентльменом, чем политиком («... while your opponent may set you down as a bad politician, let him be obliged to admit that you are a gentleman.») [Hartley 1875: 12]. Лорд Дарлингтон оказывается недальновидным политиком, однако никто, включая его оппонентов, не может усомниться в том, что он настоящий джентльмен.

Ироничный разговор Оно и Мацуды отражает значимую проблему величайшего поколения, обусловленную крахом традиционных ценностей и приведшую к осознанию иллюзорности их стремлений к широте кругозора в понимании мира. Пространственные оппозиции выражают противопоставление прошлого и будущего в его вечной борьбе амбиций молодых и рефлексии стариков о прошлых надеждах. Стивенс отдает себе отчет, что находится у «ступицы» великого колеса власти, однако с самурайской самоотверженностью продолжает служить своему господину [Ishiguro 1989: 121]. Поскольку роман «Остаток дня» повествует о периоде заката викторианской и эдвардианской эпохи в Англии, иерархия в мире прислуги строится по абсолютной аналогии с высшим светом. Стивенс, будучи дворецким, т.е. слугой высшего разряда, занимает наивысшее положение среди слуг.

Ю. С. Нестеренко справедливо подмечает, что слуги высокого класса занимали в мире прислуги то же положение, что и джентльмены в мире аристократии, поэтому идеальному слуге также следует быть джентльменом при другом джентльмене – своем хозяине [Нестеренко 2019: 99].

В.В. Овчинников указывает на то, что «...помимо очевидных параллелей, которые можно провести между кодексом самурая с его идеалом верности и кодексом джентльмена с его идеалом порядочности, судьба их схожа еще и в том, что они перешагнули за пределы своего класса и своего времени.» [Овчинников 2006: 503]. Лорд Дарлингтон, Стивенс и Оно начинают в какой-то момент больше заботиться о своем профессиональном и социальном положении, чем о ценностях, которые это положение поддерживают. Иными словами, слепое служение долгу героев предстает в романе как весомая внутрипоколенческая проблема величайшего поколения.

По словам Исигуро: «Their lives are spoiled because they don't have any extraordinary insight into life. They're not necessarily stupid, they're just ordinary» [Vogda 2008: 86-87]. Однако, даже догадываясь об этом, убеждения представителей величайшего поколения все также глубоки. Здесь прослеживается идеализм героев – типичная особенность характеристического портрета величайшего поколения. Стивенс приходит к выводу в своих размышлениях о важности долга дворецкого. Он считает свое поколение дворецких идеалистами, так как каждый представитель поколения Стивенса мечтал внести свой скромный вклад в созидание мира («...such as you and I, and those of us who wish to make our mark must realize that we best do so by concentrating on what is within our realm; that is to say, by devoting our attention to providing the best possible service to those great gentlemen in whose hands the destiny of civilization truly lies.») [Ishiguro 1989: 209]. Мацуда, пытается завербовать Оно в ряды художников-пропагандистов, которые должны пойти на решительные действия по спасению Японии в неуклонном движении к кризису («We're the emerging generation.») [Ishiguro 1989: 173].

Роман К. Исигуро «Когда мы были сиротами» рассказывает о путешествии главного героя, Кристофера Бэнкса, из Шанхая в Лондон и о его стремлении раскрыть тайну исчезновения своих родителей. К. Бэнкс даже мечтает стать детективом для того, чтобы найти родителей и восстановить

гармонию и равновесие в мире. В своем интервью К. Исигуро подчеркивает, что аллюзия на английские детективы намерена, отмечая идиллическую линию жанра, которая служит для отражения внутриспоколенческой проблемы экскапизма, связанной с резким расхождением представлений об идеальном мире и реальной действительности в его романе. Поскольку наибольшую популярность детективы приобретают после окончания Первой мировой войны в 20 – 30-е гг. XX в., есть основания полагать, что величайшее поколение видело лицо современного зла и это подтверждено словами самого К. Исигуро («...They knew full well that evil wasn't about vicars poisoning widows for their inheritance. The 'Golden Age' detective novels are filled with a pining for a world of order and justice that people had once believed in, but which they now know full well is unattainable.») [BookBrowse 2021]. И все равно величайшее поколение нуждалось в фигуре сверхчеловека, детектива, истинного джентльмена, который придет и исправит мир вновь. Интересно, что Исигуро не поддерживает данную идиллическую линию, так как борьба его героев со злом обречена на провал.

Нельзя не отметить перфекционизм, присущий величайшему поколению. Стремление к совершенству Стивенса проявляется во всем, начиная от выбора столового серебра и заканчивая подбором персонала. Он не способен простить ни себе ни другим малейшей оплошности. Роман «Безутешные», повествует о приезде всемирно известного пианиста Райдера в некий европейский город для того, чтобы дать там концерт. Герой данного романа Хоффман, управляющий отеля, в котором останавливается Райдер, все стремится довести до совершенства. Его дотошность в подготовке концерта Райдера доходит до безумия. Вспомним также носильщика Густава, который следует придуманному правилу «не опускать чемоданы» на пол, при этом испытывая явные затруднения в силу своего преклонного возраста.

Характерной чертой величайшего поколения является и то, что для них вся жизнь подчинена служению «великой» цели. Оно – художник, чье

искусство на службе у растущих националистических и империалистических стремлений Японии. Проблема Оно, по словам К. Исигуро в одном из интервью, заключается в том, что ему не доставало перспективы, чтобы что-то увидеть за пределами своего собственного окружения и оставаться в стороне от актуальных ценностей своего времени [Mason 2008: 9]. Стивенс свою работу на лорда Дарлингтона воспринимает как важную миссию, ведь в Дарлингтон-Холл обсуждаются важные политические вопросы по разрешению кризиса в Европе после Первой мировой войны. К. Бэнкс – детектив, для которого его профессия – это призвание, которому он готов посвятить всю жизнь. Сара Хэммингз выходит замуж за сэра Сэссила, который намного старше ее, чтобы быть для него опорой в совершении его «великого подвига» по разрешению политической ситуации в Шанхае. Таким образом, представители величайшего поколения, оставаясь в тени политической жизни общества 30 гг. XX в., видят в своем служении важную миссию, не осознавая при этом возможных последствий своего самопожертвования. Для многих из них чувство долга и призвание настолько важны, что они готовы отказаться ради этого от любви. Личное счастье для них имеет меньшую значимость, чем выполнение долга. Вспомнить хотя бы Стивенса, который отпустил мисс Кентон, хотя она явно намекала на свои чувства к нему. Больше всего, по собственному признанию дворецкого, его раздражали любовные отношения экономок в ущерб профессии [Ishiguro 1989: 53]. К. Бэнкс ради поиска родителей и восстановления утраченной гармонии в последний момент оставляет Сару Хэммингз, покинувшую ради него мужа. Объяснение такому поведению мы находим в японской философии, согласно которой «...общая картина мира – это не сражение между добром и злом, а достижение гармонии между различными сферами жизни, при подчинении их главному делу жизни конечно.» [Бенедикт 2016: 29]. Превосходство чувства долга в жизни героев приводит к личной трагедии и является серьезной проблемой величайшего

поколения, так как вся жизнь представителей этого поколения нередко была посвящена служению ложным идеалам.

Некоторый снобизм и желание быть причастными к высшим кругам являются неотъемлемой частью характеристического портрета величайшего поколения. Оно даже испытывает гордость от того, что перед покупкой дома Сигимуры его репутация будет проходить проверку. Для него это благородное состязание, при котором на всеобщее обозрение представлены высокая моральность и духовность, а не материальные достижения потенциального покупателя [Ishiguro 1986: 10]. К. Бэнкс осознает важность «хороших связей» [Ishiguro 2000: 5], а Сара Хэммингз и вовсе отказывала человеку в уважении, если тот не обладал громким именем [Ishiguro 2000: 19].

Красной линией в романах К. Исигуро проходит другая типичная черта характера величайшего поколения – прямолинейность. Оно подмечает не проходящую с годами прямолинейность Мацуды. Мисс Хеммингз также нажила себя немало врагов из-за своей прямолинейности [Ishiguro 2000: 18]. Примечательно, что данная прямолинейность граничит с внутренней неспособностью к честной саморефлексии.

Внутрипоколенческая проблема величайшего поколения усугубляется тем, что герои обманывают сами себя. Они умело задействуют ряд защитных механизмов, чтобы избежать своего прошлого. В частности, проявляют подавление и проекцию до такой степени, что лгут себе, оправдывая прошлые поступки, выражают свое мнение через других и избирательно фильтруют воспоминания о прошлом. С психологической точки зрения амнезия и подавление становятся единственной защитой сознания. Жертва впадает в забвение и забывает произошедшее. Данный феномен отсылает нас к исследованиям ученых-психиатров Б. Ван дер Колка и О. Ван дер Харта, которые утверждают, что феномен «диссоциации» не позволяет травме стать частью объединённых, постоянно меняющихся историй автобиографической памяти, что приводит к формированию двойной системы памяти. Если

нормальная память воспроизводит мысли и события единым потоком, то из-за травмы эмоции и мысли хранятся отдельно друг от друга [Van der Kolk 1995: 432]. Диссоциация связана с защитным механизмом, который притупляет осознание эмоционально-подавляющей информацией. К наиболее частым симптомами диссоциации относятся: эмоциональное онемение, дереализация (похожее на сновидение ощущение реальности) и неспособность помнить детали событий прошлого [McNally 2005: 172]. Так, например, Оно отказывается признавать, что помолвка дочери не состоялась именно из-за его милитаристского прошлого, а не из-за войны или несоответствия статуса семьи жениха. Эцуко, вспоминая события прошлого, часто указывает на то, что не помнит деталей; она не может до конца принять своей косвенной вины в самоубийстве Кейко и ее постоянно мучают кошмарные сновидения. К тем же психологическим уловкам прибегает и Стивенс, оправдывая лорда Дарлингтона, не желая видеть его антисемитизма и откровенного пособничества нацистскому режиму. Исходя из точки зрения самого К. Исигуро, двойственная природа памяти героев лежит в основе их самообмана («memory is this terribly treacherous terrain, the very ambiguities of memory go to feed self-deception.») [Swift 2008: 39].

В одном из своих интервью К. Исигуро подчёркивает важность обращения к величайшему поколению и отмечает свой искренний интерес в исследовании поколения людей, которые посвятили свою жизнь служению ложным идеалам: «I'm interested in people who, in all sincerity, work very hard and perhaps courageously in their lifetimes toward something, fully believing that they're contributing to something good, only to find that the social climate has done a topsy-turvy on them by the time they've reached the ends of their lives. The very things they thought they could be proud of have now become things they have to be ashamed of. <...>I'm drawn to that period in Japanese history because that's what happened to a whole generation of people» [Mason 2008: 7]. На наш взгляд, портрет величайшего поколения в произведениях автора имеет даже более

широкий национальный охват; внутрипоколенческая проблематика, которую затрагивает К. Исигуро, понятна не только японцу и англичанину, а носит универсальный характер.

Обратимся к портрету поколения «Silent» (Молчаливые) в творчестве К. Исигуро. Впервые название «*The Silent Generation*» (Молчаливое поколение) использовалось применительно к поколению людей 1925–1942 г.р. (данные временные границы могут варьироваться в различных странах) в статье газеты «Time» от 5 ноября 1951 г. под заголовком «The Younger Generation» (Молодое поколение). Причина «молчания» поколения была выдвинута позже и заключалась в том, что молодёжь в нестабильную эпоху Маккарти считала неблагоприятным высказываться [Time 1951].

Н. Хоув и У. Штраус относят молчаливое поколение к архетипу «Художники». Данное рецессивное поколение, появляется на свет в кризисный период, когда угроза обществу нивелирует социальные и политические трудности в пользу общественного согласия, утверждения сильных социальных институтов и личного самопожертвования. Они трудолюбивы, стремятся к плюрализму, компетентности и соблюдению процессуальных норм [Strauss 1997: 126–127].

Для портрета-описания представителей молчаливого поколения в произведениях К. Исигуро примечательна внешняя строгость и серьёзность: Дзиро («Там, где в дымке холмы») изображен со строгим выражением лица («wearing a stern expression») [Ishiguro 1982: 28]; Суити («Художник зыбкого мира») обладает грубыми чертами лица («a physically powerful man and his features rather fearsome») [Ishiguro 1986: 58].

Одежда героев-представителей молчаливого поколения скорее напоминает нам служащих, так называемых, «белых воротничков», чем наследников самурайской традиции. Дзиро даже дома не снимает галстук, Сигаэ Мацуда носит очки и не выпускает из рук портфеля [Ishiguro 1982: 144], Дзиро Мияке изображен с портфелем («...clutching a briefcase under his arm.»)

[Ishiguro 1986: 53], Кардинал мл. предстает с портфелем («Остаток дня») [Ishiguro 1989: 112]. Здесь важна даже не сам аксессуар, а какое впечатление представители молчаливого поколения производят в обществе. Внешний вид Дзиро Мияке свидетельствует о том, что им постоянно все помыкают [Ishiguro 1986: 53]. Оно, рассуждая о таком типе людей подчеркивает их низкую респектабельность [Ishiguro 1986: 159]. Кроме того, одежда часто говорит о низком социальном положении героев: пальто Синтаро старое и поношенное [Ishiguro 1986: 101], Дзиро Мияке изображен в выдавшем виды дождевике [Ishiguro 1986: 53]. Любопытно, что многие «японские» герои продолжают носить традиционную японскую одежду и выглядят при этом более презентабельно и уверенно (Норико после работы переодевается в кимоно [Ishiguro 1986: 106], Сатико выходит в город в кимоно [Ishiguro 1982: 105], Дзиро Мияке дома в лучшем убранстве [Ishiguro 1986: 53]). Внешние портретные черты помогают автору зафиксировать специфическую внутрипоколенческую проблематику, связанную с переходным характером исторического периода в японском обществе, когда новые ценности еще не успели сформироваться, а традиции сохраняются преимущественно внутри семьи, что ставит героев в ситуацию сложного нравственного выбора [Любеева 2021а: 3350].

Характерной чертой портрета является чрезмерное трудолюбие героев. Очевидно, что представители величайшего поколения трудились во имя процветания своих империй (японской в «Художнике зыбкого мира», или британской в «Остатке дня»), в то время как представители молчаливого поколения в основном работают на американцев, что может указывать на выбор демократического пути развития для обеих стран после Второй мировой войны. Подобным образом К. Исигуро стремится передать значительную перемену, произошедшую в мировоззрении молчаливого поколения – осознание краха двух великих империй и создание новой мировой силы в лице США. Доказательством этому служит то, что услужливый

Синтаро пытается угодить новым американским властям, отказывается от прошлой связи со своим сенсеем и предает его ради выживания в новом мире. Таро и Суити трудятся в компаниях, где прошли послевоенные чистки и на смену старым руководителям пришли «энергичные и дальновидные» проамерикански настроенные начальники. Стивенс начинает свое повествование в 1956 г. и работает уже на нового владельца Дарлингтон-Холла, американца Фаррадея. Важно в этой связи отметить и историко-политический контекст. О.А. Джумайло обращает внимание на то, что 1956-й – год Суэцкого кризиса, ставшего финальным рубежом в осознании британцев краха великой империи [Джумайло 2014: 200]. Можно предположить, что услужливый характер героев может свидетельствовать о желании героев найти свое место в новом мире.

В портрете-сравнении Эцуко отмечается, что у представителей двух поколений, отца и сына, отсутствует явное фамильное сходство. Дзиро изображён как толстый человек [Ishiguro 1982: 28], даже его поза отличается от позы отца. Походка Дзиро неуверенная («...has this same tendency to hunched forward – in a manner not unlike that of boxer – whether standing or walking.») [Ishiguro 1982: 28]. В дальнейшем контрастный портрет-сравнение героев находит отражение и в их внутренних характеристиках. Так, Дзиро уступает в находчивости своему отцу.

Одно из основных свойств характера молчаливого поколения – это желание уклониться от потенциально неловкого положения. Дзиро не спешит отстаивать честь семьи, когда Сигао Мацуда (его товарищ и ученик его отца) критикует отца Дзиро в своей статье. По мнению Эцуко, — это всего лишь желание избежать потенциально неловкого положения; то, из-за чего впоследствии разрушился их брак [Ishiguro 1982: 126]. Дочери Оно, Норико и Сэцуко, явно не разделяют взгляды отца и стыдятся его милитаристского прошлого, которое может помешать Норико на пути к замужеству, но они предпочитают не выказывать свое недовольство отцу напрямую. Райдер,

подобно кафкианским героям, постоянно находится в круговороте чужих проблем и не находит время на свою собственную жизнь. Пытаясь отстоять свою точку зрения, представители молчаливого поколения делают это неловко и неуверенно. Дзиро, озлобленный на критику отца, в гневе намерен опрокинуть шахматную доску, но лишь неловко разбивает чайник и молча выбегает из комнаты [Ishiguro 1982: 129]. Неоконченная шахматная партия Дзиро с отцом также становится способом художественного изображения позиции, которую свойственно занимать Дзиро по жизни: он бежит, как только его план игры рушится. Отец видит в этом склонность к пораженчеству, которое было присуще Дзиро с детства [Ishiguro 1982: 129]. Синтаро, нервно запинаясь, отрицает свои прежние взгляды и влияние учителя. Норико, остроумная и красноречивая в кругу семьи, с трудом находит нужный тон и молча уходит в себя, желая понравиться семье потенциального жениха и опасаясь, что ее вторая помолвка не увенчается успехом [Ishiguro 1986: 173]. Все это наталкивает на мысль, что некоторый конформизм и неспособность пойти на риск во имя собственных целей, или во имя тех принципов, которые они исповедуют, отличают молчаливое поколение от поколения их предшественников.

Трудолюбие и упорство в профессиональной сфере постепенно заменяют традиционные семейные ценности в жизни молчаливого поколения. Данный аспект является важной психологической чертой портрета молчаливого поколения. Дзиро настолько занят на работе, что даже не находит времени на приехавшего погостить отца. Райдер изображается как человек слишком занятый своей музыкальной карьерой, чтобы проводить достаточно времени со своей семьей. Складывается впечатление, что он позволяет своим повседневным занятиям, а иногда и самим своим мыслям, формироваться в соответствии с требованиями его так называемой «публики». Дженнифер, воспитанница К. Бэнкса, жалуется, что не может выйти замуж и завести семью [Ishiguro 2000: 307]. Распад семьи и утрата дома в самом широком смысле, а

также смена ориентиров в пользу профессионального самосовершенствования становятся знаковыми внутрипоколенческими проблемами молчаливого поколения.

К. Исигуро также дает ключ к психологическому состоянию молчаливого поколения через изменения их внешних и внутренних проявлений, обусловленных трагическим опытом Второй мировой войны. Сын Оно Кэндзи вместе с молодыми товарищами погиб в безнадежной попытке прорваться через минное поле [Ishiguro 1986: 57]. Суити испытывает сильное эмоциональное потрясение, вызванное похоронами сверстников и своим поистине ужасным военным опытом [Ishiguro 1986: 59]. Трагедия войны запечатлелась в выражении лиц героев: у Эцуко вид несчастный («a little miserable») [Ishiguro 1982: 24], лицо Суити иногда бывает словно застывшим («a still, expressionless») [Ishiguro 1986: 58], лицо Куроды не выражало ровным счетом ничего и сильно изменилось после войны («...looking expressionlessly <...>Kuroda's face, which had been quite round before the war, had hollowed out around the cheekbones, and what looked like heavy lines had appeared towards the chin and the throat.») [Ishiguro 1986: 77–78]. Автор обращает внимание на изменение психологического портрета молчаливого поколения в послевоенный период. Суити переполнен желчью, однако до войны он был вежливый и скромный [Ishiguro 1986: 59]. В его новой манере речи не осталось и следа от скованности, свойственной ему до ухода на фронт [Ishiguro 1986: 59]. Впрочем, Мияке наделен тем же скептицизмом. В романе подчеркивается, что Мияке и Суити в этом не одиноки и это настроение свойственно всему их поколению [Ishiguro 1986: 61].

Зачастую К. Исигуро передает чувства, которые испытывают представители молчаливого поколения, через их взгляд. Сложно не заметить враждебно-обвинительный взгляд Суити [Ishiguro 1986: 59]. Обвиняющим кажется Оно взгляд Мицуо Сайто (младшего брата жениха Норико) [Ishiguro 1986: 117], Энти (ученик Куроды) обвиняет Оно в причастности к аресту его

учителя. Вспомним статью Сигаэ Мацуда, в которой он критиковал своего учителя Огату-сана за то, что в его времена в Японии учили страшным вещам [Ishiguro 1986: 176]. В молчаливом бездействии Дзиро также кроется скрытое обвинение отца и его поколения в том, что они привели Японию к поражению. Таким образом, важной внутр поколенческой проблемой молчаливого поколения является осознание жесткой бессмысленности войны и ее осуждение.

Очевидно, что представители молчаливого поколения страдают от болезненного прошлого и чувства личной неудачи, которые они пытаются, иногда успешно, а иногда и нет, подавить. В прошлом браке Сатико, как и в браке Эцуко и Дзиро, присутствуют намеки на признаки жестокого обращения к женщине. Упоминается, что муж Сатико был очень строг и патриотичен. Он запрещал Сатико изучать английский и даже выбрасывал ее книги: «He was never the most considerate of men» [Ishiguro 1982: 110]. В обоих браках наблюдается тревожная разобщенность – недостаток общения и духовной близости между супругами. Эта разобщенность перекликается с отношениями между коллегами Дзиро, Ханадой и его женой. Ханада, по-видимому, угрожал избить свою жену клюшкой для гольфа, потому что та не собиралась голосовать во время выборов так, как он хотел [Ishiguro 1982: 62].

Ю. Кристева говорит о том, что беременность и материнство являются серьезнейшим испытанием для женщины, что находит свое художественное воплощение в форме серьезной внутр поколенческой проблемы молчаливого поколения в творчестве К. Исигуро. В своем эссе «Время женщин» (Women's Time, 1979) Ю. Кристева описывает два поколения женщин-феминисток, чьи убеждения были созданы самой жизнью [Kristeva 1986b]. Первое поколение связано с зарождением борьбы суфражисток и феминисток, а второе поколение — это женщины, которые пришли в феминизм после мая 1968 г. Также отмечается, что желание быть матерью первое поколение, к которому можно отнести женщин молчаливого поколения, считало отчуждающим или

реакционным [Kristeva 1986b: 194]. Так, например, в рассказе Эцуко о беременности есть намеки на двойственное отношение к материнству. Эцуко признает, что во время беременности была излишне тревожна: «...small things were capable of arousing in me every kind of misgiving about motherhood». [Ishiguro 1982: 17]. Даже когда Эцуко говорит о том, что она счастлива, в ее повествование вплетены тревожные упоминания об убийстве детей в Нагасаки, что говорит о неспособности героини прямо признать негативные чувства по поводу беременности и предстоящего материнства. Символически мотив детоубийства может быть соотнесен с утоплением котят Мариико ее матерью Сатико. Отчуждающее отношение к материнству может быть вызвано проявлением внутреннего стремления к личной свободе, которое прорывается наружу именно в период исторической неопределенности, вызванной крахом традиций.

Внутрипоколенческая проблематика молчаливого поколения связана со столкновением старых патриархальных принципов жизни и стремлением героев к свободе, что обусловлено их существованием на пороге исторических перемен. Рассмотрение Ю. Кристевой психологического аспекта материнства и беременности перекликается с опытом материнства Эцуко, Сатико («Там, где в дымке холмы») и Мичико («Странная порой проходящая грусть»). В своей ранней работе «Мать скорбящая» (Stabat Mater, 1977) Ю. Кристева также отмечает, что материнство является серьезным испытанием для матери, связанным с разделением как самой плоти, так и языка («...a continuous separation, a division of the very flesh. And consequently, a division of language – and it has always been so») [Kristeva 1986a: 178]. Направленность личности Эцуко разделена между ее стремлением к самореализации и независимости как женщины и социальными обязанностями, предписанными патриархальной средой для нее как жены и матери. Данное разделение личности Эцуко, по мнению исследователей творчества К. Исигуро, выражается в форме двойничества Эцуко и Сатико [Ishiguro 1982: 43]. Через Сатико воплощается

та сторона личности Эцуко, что стремится к самореализации и личной свободе. Образ Сатико явно противоречит ожиданиям японского патриархального общества: героиня постоянно бросает ребенка, грезит о том, чтобы убежать с любовником Френком в Америку. Это то, чего Эцуко больше всего боится и подавляет в себе, но вместе с тем тайно желает. Подтверждением сказанному служит то, каким образом в итоге сложилась судьба Эцуко: она вышла замуж за американского журналиста, переехала в Англию, пренебрегая интересами своей дочери Кейко.

Материнство, с точки зрения Ю. Кристевой, сопряжено с переживанием телесной и душевной боли своего ребенка через разделение самой плоти: «My body is no longer mine, it doubles up, suffers, bleeds, catches cold, puts its teeth in, slobbers, coughs, is covered with pimples, and it laughs. And yet, when its own joy, my child's, returns, its smile washes only my eyes. But the pain, its pain – it comes from inside, never remains apart, other, it inflames me at once, without second's respite. As if that was what I had given birth to and? Not willing to part from me, insisted on coming back, dwelled in me permanently. One does not give birth in pain, one gives birth to pain:<...>a mother is always branded by pain». [Kristeva 1986a: 167]. Самоубийство дочери наполняют Эцуко болью, которую невозможно преодолеть. В данном контексте важной становится символическая деталь веревки в романе «Там, где в дымке холмы». Эцуко упоминает о том, как веревка обмоталась вокруг ее ноги, когда она искала Марико на пустыре; неоднократно в сознании Эцуко всплывает образ девочки на веревке (качели, фуникулер, веревка на дереве). По нашему предположению, символическая деталь веревки относится к перманентной связи матери и ребенка, в том числе через боль. Таким образом, необъяснимая связь между матерью и ребенком, о которой говорит Мичико, – «эмоциональная пуповина» в рассказе «Странная, порой проходящая грусть», выражается в образе веревки, связанной с переживанием боли невосполнимой утраты.

Следовательно, с помощью психологического портрета К. Исигуро удалось отразить сложное эмоциональное состояние представителей молчаливого поколения, а также ротацию таких состояний, обусловленную стремительной сменой ориентиров и взглядов в японском обществе в послевоенный период, что является значимой внутр поколенческой проблемой молчаливого поколения.

Можно предположить, что взгляды молчаливого поколения перекликаются с воззрениями Ф. Ницше о «последнем человеке», который не ищет ничего, кроме собственного комфорта, который не видит смысла в стремлении к чему-то великому [Nietzsche.ru 2021]. Однако есть и более глубокая причина исторического выбора поколения: жизнь, ценности и убеждения отдельных людей и целых обществ определяются историческими процессами, о которых они едва осведомлены или чья истинная природа слишком сумрачна и неоднозначна, чтобы ее признавать.

2.2 Поколения бумеров и миллениалов II пол. XX в.

В настоящем параграфе объединены поколения бумеров и миллениалов, поскольку их жизненные циклы, которые совпадают с периодом окончания Второй мировой войны и начала третьего тысячелетия, связаны с новым современным этапом мировой истории и культуры.

Вторая половина XX в. и начало нового тысячелетия относительно более спокойный период по сравнению с началом века. Колониальная система потерпела крах и в мире появилось много новых независимых государств. Идеологическое противостояние ослабло. В результате научно-технологической революции происходят глубинные перемены в мире, которые получили отзвук в духовной и культурной жизни. Прорывы в науке, медицине и технике неизбежно затронули все области

человеческой жизни. Рост политического влияния США и распространение американского образа жизни в мире также становятся причинами глубинных трансформаций в обществе. Несмотря на изменения материально-технической базы и внешних условий человеческой жизни, для каждого нового поколения неизменно актуальными остаются общечеловеческие проблемы.

Бумеры (Boomers)— термин, применяемый в теории поколений Штрауса – Хоува к людям, родившимся в период с 1943 по 1960 гг. Название поколения связано со всплеском рождаемости в мире после Второй мировой войны. В этом отношении значимо то, что сам К. Исигуро, родившийся в 1954 г., является представителем данного поколения [Strauss, 1997: 124].

Поколение бумеров соответствует архетипу «Пророк». В молодые годы представители поколения показывают новое видение и пытаются переизобрести существующие ценности. В выражении нового мнения и взгляда «Пророку» помогают стареющие «Герои», которые понимают, что им должна прийти новая смена. «Пророки» видят своей задачей создание в обществе морали, религии, построение длинных планов. Они ратуют за возрождение и укрепление семейных ценностей. Особый приоритет для «Пророков» — спасение детей в широком смысле слова. Они зачастую идеалисты. К. Исигуро в интервью К. Бигсби говорит о том, что чувствует себя частью счастливого поколения, для которого жизнь не заключалась исключительно в погоне за материальными благами, так как в первую очередь его современники стремились к тому, чтобы преобразить мир: «I grew up very much in that affluent era when it seemed that it was not enough simply to earn your living. You had to do something useful with your life, something good for humanity in some way: improve the world, make the world a better, more peaceful place. I suppose I grew up in that climate of 1960s idealism. I came through school and went to university in that time when people like myself and my peers competed, not in terms of whether we were going to get jobs that would enable us to have bigger cars

than the next person, but really in terms of how useful we were being. Were we making a useful contribution to humanity? Were ideologically sound?» [Bigsby 2008: 21].

Уже в своих ранних произведениях малой формы К. Исигуро формулирует серьезные внутр поколенческие проблемы поколения бумеров и миллениалов: распад семьи и утрата дома. В рассказе 1990-х гг. «Деревня после заката» старик Флетчер возвращается в родную деревню и не может вспомнить, где находится его дом. Непринятый и непощенный своими современниками, Флетчер остается в одиночестве на автобусной остановке, но с чувством возрождающейся надежды, что молодежь деревни окажет ему более радужный и теплый прием [The New Yorker 2001]. Внутр поколенческая проблематика, затронутая в данном рассказе, отсылает нас к осмыслению глубинных истоков конфликта молчаливого поколения и бумеров и связана с мотивом утраты дома и темами вины, памяти, одиночества, которые красной нитью проходят сквозь все творчество К. Исигуро.

Мать-одиночка в рассказе «Отравление» заботится лишь о собственной личной жизни [Ishiguro 1981b]. Отношения женщины с грубым и жестоким бойфрендом носят деструктивный характер: он унижает и избивает ее, из-за чего она постоянно плачет. Несмотря на это, женщина снова ищет встреч с возлюбленным, что свидетельствует о садомазохистских порывах героини.

Роман «Там, где в дымке холмы» начинается с портрета-описания дочери повествовательницы Эцуко - Ники. Она изображается как модная и современная девушка («...thin figure squeezed into her tight clothes...») [Ishiguro 1982: 9]. Представителями поколения бумеров в романе «Не отпускай меня» [Ishiguro 2005] выступают молодые героини-клоны. К. Исигуро, используя реальное время – конец 1990-х., повествует об альтернативном будущем в Англии, где проводится клонирование людей с целью трансплантации органов. Дети-клоны до шестнадцатилетнего возраста воспитываются в

Хейлшеме, напоминающем закрытую английскую школу, построенную в 50-е гг. Известны имена героев-клонов, в то время как фамилии сокращены до буквы (Кэти Ш., Сюзи К., Кэрол Х., Аманда С., Полли Т., Мойра Б., Мидж А., Патриция С., и др.), что может свидетельствовать об изначальной лишённости героев любой фамильной принадлежности и отсутствию отчего дома. Таким образом, герои воплощают естественное состояние для человека второй пол. XX в. – состояние разрыва с существующей традицией и утрату корней.

Портрет-впечатление представителей поколения бумеров отличается демонстрацией прекрасной образованности и начитанности героев. Герои-клоны из романа «Не отпускай меня» читают М. Пруста, Ф. Кафку, Л. Толстого и Джордж Элиот и рассуждают об искусстве. Поразительным является то, что ни один из них не противится уготованной судьбе. Избранный героями для любования вид увязшей в болоте лодки символизирует обреченность и безвыходность их положения. Их неотвратимое самопожертвование совершается добровольно. Для них это является данностью, как безысходность смерти в конце жизни для обычного человека. Жизненные принципы героев основываются на чувстве долга и признании неизбежности судьбы. Внутрипоколенческая проблема поколения бумеров связана с их чувством долга и инстинктом компромисса, что вызывает в героях паралич воли, не позволяющий им даже задуматься о побеге от уготованной им участи, или осуществлении своей мечты. Они покорно следуют заданному обществом пути, что, конечно, сближает их с обычными людьми, представителями поколения бумеров.

Другой важной составляющей характеристического портрета бумеров являются ролевые модели, на которые они ориентируются. Представители поколения бумеров заимствуют американский образ жизни, что связано с процессом американизации, который особо активно развивался именно в послевоенной Японии. Итиро, внук Оно, восхищается одиноким рейнджером, персонажем американских книг и комиксов [Ishiguro 1986: 30]. Борис из

романа «Безутешные» пытается изобразить супермена [Ishiguro 1995: 94], который считается иконой американской культуры. Акира знает названия всех городов в Америке. Мальчик мечтает стать генеральным директором компании «Митсубиси» [Ishiguro 1982: 116], а Итиро намерен возглавить «Ниппон Электрик» [Ishiguro 1986: 187]. Можно предположить, что компании с международными именами символизируют большие амбиции представителей поколения бумеров в капиталистическом обществе, где основными ценностями становятся власть и деньги. Сверхсильный мужчина как образец для восхищения также выбран не случайно. Он может свидетельствовать о нехватке сильного отца в жизни мальчиков, что свидетельствует о внутриспоколенческой проблеме «безотцовщины» бумеров.

Значительный интерес представляет контрастный портрет-сравнение двух сестер, Кейко и Ники, который раскрывает их мать Эцуко. В ходе повествования становится понятным, что у девушек были разные отцы. Мать упоминает о том, как дочерям выбирали имена. Кейко – японское имя, ведь она была чистокровной японкой. Ники – это некий компромисс родителей, мать хотела дать дочери чисто английское имя и таким образом распрощаться со своим японским прошлым, а отец, напротив, хотел сохранить в имени дочери «смутное эхо Востока» [Ishiguro 1982: 9]. Кризис идентичности, связанный с национальным самоопределением, с которым, вероятно, столкнулся и сам автор, является характерной внутриспоколенческой проблемой поколения бумеров. Несмотря на значительные различия в характерах Кейко и Ники, обе были своенравны («Both had fierce temper; both were possessive <...>») [Ishiguro 1982: 94]. Подчеркивается беспокойный и резкий характер Ники: она быстро ходит, слушает и недослушивает, бегло пролистывает стопки журналов [Ishiguro 1982: 9]. Ники тяготит тишина английской провинции, в которой живет мать; она привыкла к другому ритму жизни, так как давно живет самостоятельно в Лондоне. Ники, избрав западный путь развития, превратилась в уверенную в себе женщину, олицетворяющую

«Запад», тогда как Кейко («Восток»), обладая чисто японским нравом, стала несчастной в чужой Англии и в итоге покончила жизнь самоубийством. Кейко вела отшельнический образ жизни и почти не выходила из своей комнаты. Это объединяет ее с другой представительницей бумеров, Марико, двенадцатилетней девочкой из воспоминаний Эцуко о молодости, проведенной в Нагасаки. Марико часто уединялась на мрачном пустыре и обладала резким и вспыльчивым своенравным характером. Вспомнить хотя бы ее агрессию в отношении мальчика Акиры в парке. Марико дерется, пропускает школу, она часто предоставлена сама себе. Даже внешне она больше походила на мальчишку. Можно предположить, что поводом для агрессивного и вызывающего поведения девочки может служить частое отсутствие матери и недостаток близости между ними. Обратим внимание на тот факт, что подобный образ жизни ведут «японские» героини, что может быть связано с феноменом отшельничества «хикикомори» в японской культуре, который стал вновь популярен именно начиная с 1970-х гг. XX в. Такое поведение подростков можно воспринимать как форму эскапизма, или «тихого бунта», поколения бумеров против социального устройства общества [Войскунский 2019: 30].

Ники отстаивает свои личные границы и предпочитает, чтобы мать не знала подробностей ее личной жизни; и даже где именно девушка живет, мать не знает. Западная парадигма ценностей и жизненных приоритетов становится во главе угла у бумеров. Возраст для Ники – пустяки, важен лишь жизненный опыт. Ники не желает заводить семью, так как считает, что многие семейные женщины несчастны, но неспособны поменять свою жизнь [Ishiguro 1982: 90]. Она, как и «упрямая и агрессивная» Яцуко из рассказа «Странная, порой проходящая грусть», живет с бойфрендом и не стремится замуж. Женщины-бумеры, как утверждают Н. Хоув и У. Штраус, восхищаются тем, что американский психоаналитик и философ К. Эстес называет «дикой

женщиной» («wild woman<...>comes ahead, claws out and fighting») [Estes 1995: 11].

В случае с другим представителем бумеров, клоном Томми из романа «Не отпускай меня», его приступы внезапной ярости могут быть связаны со страхом потери физической целостности и, как следствие, потерей собственной идентичности. О.А. Джумайло обращает внимание на то, что именно над ним подшучивают другие подростки, когда он поранил локоть [Джумайло 2014: 339]. Они пугают его тем, что локоть расстегнется, как молния у сумки [Ishiguro 2010: 82-83]. Обратим внимание также на его необычные крошечные рисунки, где особое значение уделяется деталям: «...miniature crews and wheels were all drawn with obsessive precision, and only when you held the page away could you see it was some kind of armadillo, say, or a bird» [Ishiguro 2010: 185]. Рут, главная героиня романа, напротив, склонна идеализировать. Ее идеализированные и иллюзорные мечтания показаны через ряд сентиментальных сюжетов: о спасении от похищения опекунами мисс Джеральдин; о пенале, якобы подаренном ей мисс Джеральдин; о поиске своего «возможного Я», о вере в отсрочку донорства при доказательстве истинной любви и т.д. Для нее, в отличие от Томми, стремление к идеалу имеет большее значение, чем телесная целостность. Сам Томми говорит Кэти о стремлении Рут верить, несмотря ни на что («You and me, right from the start, even when we were little, we were always trying to find things out. <...>But Ruth wasn't like that. She always wanted to believe in things») [Ishiguro 2010: 278–279]. Кэти, будучи помощницей доноров, видит исключительность своего положения, ведь она могла свободно перемещаться от больницы к больнице, оказывая психологическую поддержку донорам. Однако в конце концов ей также придется выполнить свое предназначение и стать донором, так как исключения не делается ни для кого. По-видимому, ее поиск собственной идентичности связан с эмпатическими порывами в эмоциональной связи с другими. Она хранит коллекцию личных вещей, связанных с детством в

Хейлшеме. Копия кассеты с любимой песней «Не отпускай меня», вынесенная в заглавие романа, так дорога Кэти именно потому, что она ассоциируется с подругой Рут, которая помогала ей найти потерянную запись. Внутрипоколенческая проблема поиска пути выражения собственной идентичности (идеалистический, материалистический и эмпатический), с нашей токи зрения, формирует особый психологический портрет поколения бумеров в новом мире второй пол. XX в., лишенном морально-этического измерения и движущимся по пути внедуховного прогресса.

Психологический портрет представителей бумеров также тесно связан с мотивами сиротства и утраты дома в произведениях К. Исигуро. Многие герои произведений К. Исигуро – сироты в прямом, или переносном смысле. О.А. Джумайло отмечает, что «сиротство это дано не как личностная ущербность, а как забвение райской полноты мира, способности к спасительному для души анамнезу о потерянном рае» [Джумайло 2014: 76]. В романе «Не отпускай меня» мотив сиротства и утраты дома доведен до своего апогея, так как у героев-клонов нет и не может быть семьи, они не имеют корней и именно потому для них так важно найти свою идентичность. По лицу Бориса, который обычно пребывал веселым и бодрым, пробегает тень при виде матери, озадаченной поисками дома для них [Ishiguro 1995: 14]. Райдер постоянно в разъездах и не находит времени на Бориса. Отец Итиро – Синтаро сломлен в результате глубоких нравственных потрясений. Финальная сцена прощания Софи и Бориса с Райдером показана как окончательный разрыв и может символизировать проблему распада традиционной семьи. Как результат, герои остаются с чувством отчужденности и вечным поиском чего-то навсегда утраченного: дома, семьи, человеческой близости. Единственное, что объединяет героев, – это тотальное чувство разобщенности.

Первые успешные эксперименты в области генной инженерии в 70-х гг. XX в. вызвали оживленные общественные дискуссии и серьезные опасения по поводу потенциального вреда природе и человечеству из-за вмешательства в

фундаментальные законы самой жизни. Активное развитие генной инженерии и биотехнологий подразумевает вторжение в умы и тела людей, что несет серьезную угрозу правам, достоинству, равенству и уважению людей в обществе и является важным внутр поколенческим вызовом не только для бумеров, но и последующих поколений. Это также подрывает основы личности, свободы воли и самоидентичности, на которых были построены эти идеалы. Несмотря на то, что биотехнологии предназначены для того, чтобы приносить людям пользу, они часто являются объективирующей и контролирующей формой власти, которая разрушает «Я» как уникальный субъект. Индивидуализированные субъекты становятся взаимозаменяемыми частями, отредактированными организмами, написанными правильными или ошибочными кодами, т.е. «здоровыми» людьми или людьми с генетическими дефектами. Точно так же биоэнергетика и биотехнологии изменяют либеральное, индивидуалистическое представление о политическом и моральном сообществе.

В романе «Не отпускай меня» К. Исигуро исследует потенциальные страхи и надежды общественности по поводу развития биотехнологий и медицины в целом. Особое внимание литературной критики романа К. Исигуро обращено к проблематике современной биоэтики и биополитики, уделяющих внимание фундаментальным связям этики, условиям существования свободной личности и власти [Jennings 2010]. В романе «Не отпускай меня», обнажая точку зрения одного из клонов – представителя нового класса людей, созданных этой системой, и акцентируя постепенно возникающее осознание героем своего статуса и функции в мире, автор исследует амбивалентность, защитное отрицание и сложный процесс формирования идентичности. Кэти Х. и ее сверстники-клоны постепенно осознают, что они члены синтетической касты, неспособной к размножению, обученной пассивности и принятию своей роли, лишенной каких-либо жизненных планов или возможностей на будущее, помимо жертвенности во

благо общества. Внутрипоколенческая проблематика романа К. Исигуро заключается в противоречиях между индивидуальными чувствами самоидентификации и самоуважения героев, которые считают себя личностями, с одной стороны, и реальностью системы и ситуации власти, которая использует их просто как материал, с другой стороны. Авторский интерес к данной проблематике требует углубленного и фундаментального осмысления и не поддается простым интерпретациям, но побуждает читателя задуматься над важными вопросами, касающимися будущего каждого человека.

В отмеченной связи возникает и другая важная внутрипоколенческая проблема, вытекающая из определения и критериев смерти, когда «речь идет о биополитической процедуре отзыва имени «человек», ранее принадлежавшего некоторому существу, что «автоматически переводит его из класса «людей» в класс вещей» — труп, подлежащий захоронению, или «ферму» органов и тканей для индустрии трансплантологии» [Тищенко 2001: 8]. В «Не отпускай меня» эта проблема представлена посредством оценки мнения Томми, который больше всех остальных беспокоится по поводу утраты физической целостности, связанной с разборкой на части и изъятием органов. Томми выражает свое беспокойство перед четвертой процедурой изъятия органов («You know why it is, Kath, why everyone worries so much about the fourth? It's because they're not sure they'll really complete. If you knew for certain you'd complete, it would be easier. But they never tell us for sure») [Ishiguro 2005: 274]. За наивным, на первый взгляд, обращением Кэти Ш. к читателю («You'll have heard the same talk») по поводу опасений Томми скрываются важные и актуальные вопросы определения и критериев смерти («How maybe, after the fourth donation, even if you've technically completed, you're still conscious in some sort of way; how then you find there are more donations, plenty of them, on the other side of that line; how there are no more recovery centers, no carers, no friends; how there's nothing to do except watch your remaining donations

until they switch you off») [Ishiguro 2005: 274]. С биологической точки зрения процесс смерти проходит в несколько этапов: сначала погибает кора мозга, затем исчезает сознание, нарушается способность организма поддерживать гомеостатическую целостность и на этой стадии гибнет ствол мозга. В ненаучной среде именно последняя стадия связана с покиданием тела душой. На этом этапе существование человека можно назвать «вегетативным». Несмотря на то, что деятельность организма как целостного индивида уже прекратилась, его отдельные органы и ткани продолжают существовать, на чем и строится возможность пересадок органов. Пока существует хотя бы одна клетка с жизнеспособным геномом, сохраняется потенциальная возможность воспроизвести организм «в целом» методом клонирования. На заключительном этапе погибают клетки, что свидетельствует о полной смерти организма. Выявление в результате прогресса биотехнологий сложного процесса начала и конца человеческого существования вносит фундаментальную неопределенность в восприятие экзистенциальных границ человека, что, безусловно, является важной внутривнутрипоколенческой проблемой бумеров и будущих поколений.

Миллениалы (Millennial), известные также как поколение «Y», «эхо-бумеры», «сетевое» поколение и поколение «Next», описываются Н. Хоувом и У. Штраусом как утратившие укорененность, любящие веселье и осознающие важность защиты окружающей среды. Представители поколения также известны как предприимчивые, прагматичные и ориентированные на рыночные отношения глобалисты. В социальном плане они отличаются ксенофобией, больше заинтересованы в зарабатывании денег, чем в политике [Strauss 1997: 143]. Данное поколение также относится к архетипу «Герои».

Рассказ К. Исигуро «Отравление», пожалуй, самая откровенная и провокационная работа автора. Здесь К. Исигуро, в несвойственном для себе стиле, обращается к проблемам подросткового секса и подростковой жестокости. Важно отметить, что данная проблематика была достаточно

популярна в британской литературе того периода. В этом контексте можно вспомнить роман современника К. Исигуро И. Макьюэна «Цементный сад» (The Cement Garden, 1978), в котором автор также исследует тему секса как инициации, дающей пропуск во взрослую жизнь. Джон – главный герой рассказа «Отравление», тринадцатилетний подросток, испытывающий на себе безразличие родителей и выплескивающий свою агрессию во внешний мир, что приводит к трагическим последствиям. Деструктивные отношения в семье — это не единственная проблема мальчика. Джон подвергается побоям сверстников в школе, к чему он уже практически привык. Единственное, что увлекает мальчика, — это разглядывание эротических журналов отца, которые он находит в кладовке [Ishiguro 1981b: 40].

Портрет-описание худой, уставшей и изнеможенной мамы Джози Крисси («Клара и Солнце») способствует раскрытию ее внутреннего мира («...black-haired and thin...age to forty-five...the deep etches around her mouth, and also a kind of angry exhaustion in her eyes») [Ishiguro 2021: 19]. Портрет-впечатление воссоздается в повествовании андроида Клары, интеллектуальной подруги, которая создана помогать подросткам избегать одиночества. Клара наделена уникальной способностью пиксельного видения. Данный взгляд на мир Клары выбран автором не случайно, поскольку пиксельная картина мира связана с определением культуры XX в. как фрагментарной, коллажной и мозаичной. Андроид Клара видит мир в акцентировано-пиксельных формах, порожденных репрезентативными возможностями цифровой культуры в целом и компьютерного искусства в частности [Николаева 2010: 180]. Так, Крисси напомнила Кларе темную птицу («...the dark birds that perched on the high traffic signals even as the winds blew fiercely»). [Ishiguro 2021: 28]. Крисси много работает в юридической фирме, мало улыбается и выглядит изнеможенной. Каждую ее минуту определяет подписанный ею когда-то контракт. Ведь, если она перестанет упорствовать, мир ее дочери Джози и ее мир – рухнет, как она сама признает [Ishiguro 2021:

132]. Крисси, как и многие другие представители современного общества, отдает себе отчет, что в новом тысячелетии необходимо совершенствоваться, развиваться, активно и целенаправленно добиваться выполнения поставленных задач в стремлении превзойти окружающих и занять своё «место под солнцем», чтобы обеспечить себе и своей семье лучшие условия для жизни. Высокий темп жизни и конкуренция в современном обществе становятся важными внутр поколенческими проблемами миллениалов.

Концепция труда для миллениалов сменилась с работы на карьеру, а призвание – на необходимость и статус. Крисси обладает решительным и отважным характером. Ради будущего своей дочери женщина готова решиться на опасную для здоровья своей дочери процедуру «форсирования» (генетическую модификацию с целью усовершенствования интеллекта) несмотря на то, что из-за этого умерла ее дочь Сал. Мать Рика, Хелен, напротив, не решилась на форсирование интеллекта своего сына, однако она не теряет надежды устроить будущее для него. Женщина ведет затворнический образ жизни, не работает, у нее мало друзей, и она много болеет.

Кажется очевидным, что уникальный взгляд Клары на мир в романе также несет художественную функцию «лакмусовой бумаги» для раскрытия психологических особенностей портретов героев. Крисси и другие персонажи романа проецируют свои переживания на Клару; она же только констатирует происходящее, не вовлекаясь эмоционально, что отсылает нас к объектно-ориентированной метафизике Г. Хармана, который предлагает «оставив за скобками все, кроме актов сознания», вернуться к «вещам как они есть» [Головашина 2018: 7]. Поэтому взгляд Клары гармоничен, и он помогает автору передать объективную картину действительности.

Социальное разделение общества на «форсированных» (подвергшихся генному редактированию) и «нефорсированных» (не подвергшихся генному редактированию) в романе основывается на роботизации и автоматизации,

что, в свою очередь, породило массовую безработицу, когда миллионы людей оказались на улице без средств к существованию. Здесь мы сталкиваемся с художественным воплощением другой важной проблемы – это потеря рабочих мест из-за роботизации и автоматизации производства. В отличие от промышленной революции прошлого, которая хотя и уничтожала рабочие места, но создавала новые, сейчас есть опасения, что замены не будет. В романе мы сталкиваемся с тем, что отец Джози, Пол, физик высочайшего класса, и другие персонажи из прежних профессиональных элит живут в резервации, изолированной от общества, где процветает бандитизм и много оружия. Пол радикально настроен отстаивать свои права любой ценой, из-за чего Хелен даже сравнивает его мировоззрение с фашизмом. Однако дело не только в разделении общества и радикализме. Люди, которые останутся без работы, столкнутся со своего рода духовным кризисом. В обществе долгое время существовала идея о том, что каждый человек делает свой вклад в благополучие общества. А люди, которые этого не делают, или не могут делать, теряют статус, престиж и самоуважение и превращаются в социальных отшельников, что можно расценивать как определённую форму эскапизма, который для Пола и его ровесников-миллениалов выливается в серьёзную внутрипоколенческую проблему. Тем не менее, Пола данный кризис не сломал, а побудил посмотреть на мир другими глазами и отделить «важное от неважного» [Ishiguro 2021: 151]. Иными словами, быть счастливым для него – значит отстраниться от реальной действительности. В то же время необходимо понимать, что данная мировоззренческая парадигма предполагает пассивность, намеренный уход от мира и от решения текущих проблем.

Существует и другая внутрипоколенческая проблема, затрагивающая острые и важные аспекты современности. Это проблема «черного ящика», о которой пока мало говорят за пределами научного сообщества. Функционирование компьютерных алгоритмов является неявным и неподотчетным процессом, что в научной литературе принято называть

проблемой «черного ящика» [Кутейников 2020]. Другими словами, искусственный интеллект часто приходит к выводам, с которыми люди считаются и которые используют, но не понимают до конца, каким именно путем эти выводы были получены.

К. Исигуро в интервью Н. Ломыкиной выражает опасения по поводу того, что люди могут потерять контроль над искусственным интеллектом [Forbes 2021]. Научное сообщество также беспокоится на этот счет. Отечественный исследователь мозга, психолингвист и нейробиолог Т.В. Черниговская отмечает, что в результате развития науки искусственный интеллект когда-то может стать личностью, «выйти из-под контроля человека», самостоятельно «принимать решения» [РИА новости 2019] и даже формировать «свои планы, свои мотивы, свои цели» [AdMe 2021]. В этой связи важно обратить внимание на отчаянное желание Клары из романа К. Исигуро спасти Джози и те причинно-следственные связи, которые она для этого выстраивает. Клара обращается с просьбой спасти Джози к Солнцу, от которого искусственная подруга получает питание и которое, как она считает, способно помочь всем людям. Клара в почти языческой манере приходит к выводу, что должна принести жертву Солнцу. Вследствие ее хотя и детской логики возникает идея, что она должна уничтожить другого робота, «КОТЭ-машину», который, по ее логике, намеренно загрязняет окружающую среду. Важная мысль заключается в том, что искусственный интеллект, который может блестяще справляться во многих отношениях и порой способен решать задачи далеко за пределами человеческих возможностей, часто не может выполнять очень простые вещи. В романе мы находим намеки автора на то, что и Клара неидеальна: она не способна видеть пространство целиком; часто ИП помещает вещи в собственный контекст, существующий вне известных нам связей. Например, женщина на улице вызывает у нее ассоциацию с кофейной чашкой [Ishiguro 2021: 26]. Таким же необъяснимым образом она

объявляет причиной глобального загрязнения не деятельность человека, а конкретную КОТЭ-машину, которую намерена уничтожить.

Настораживает здесь и то, что Пол, отец Джози, не понимая, в чем смысл такого акта, доверяется роботу. Пол слепо следует за идеей робота, полагаясь на сверхспособности ИП. Обратим внимание, что Клара уничтожает КОТЭ-машину, пожертвовав частью своей жидкости, которая ей необходима для правильного функционирования. Этот факт отсылает нас к роману «Не отпускай меня», где жертвовали своими органами клоны. Данная параллель не случайна, так как указывает на то, что, как андроид Клара, так и герои-клоны из романа «Не отпускай меня», изначально лишены свободы нравственного выбора. В этой связи возникает важный вопрос: гуманно ли допускать самопожертвование существа, наделенного сознанием и эмпатией, но изначально лишенного свободы нравственного выбора? И вытекающая отсюда проблема, связанная с уникальностью человека. В романе эта проблема поднимается автором в ключе рассуждений о существовании человеческой души. Так, например, представитель науки в романе, доктор Капальди, занимающийся разработкой «копии» Джози, утверждает, что в человеке нет ничего уникального и непередающегося андроиду («Our generation still carry the old feelings. A part of us refuses to let go. The part that wants to keep believing there's something unreachable inside each of us. Something that's unique and won't transfer. But there's nothing like that, we know that now») [Ishiguro 2021: 141]. Крисси также задается вопросом: насколько незаменима ее дочь и можно ли «сохранить» ее после смерти [Ishiguro 2021: 142]. Осмысление этической стороны непростой проблемы уникальности человека является приоритетной задачей цифрового поколения уже сегодня, но потенциальное столкновение с этой глубокой и неоднозначной проблемой предстоит уже будущим поколениям.

Одной из внутрипоколенческих проблем для миллениалов становится их отказ от традиционных мировоззренческих парадигм, который приводит к

тому, что уникальность человека теперь под сомнением. Пол, как и другой представитель поколения миллениалов, ученый Капальди, занимающийся разработкой точной копии Джози на случай ее кончины, сомневается в том, что в человеке есть что-то «уникальное и непередающееся». Крисси несовременна, а потому, по словам Пола, никогда не сможет принять и полюбить копию дочери. Таким образом, внутрипоколенческая проблема миллениалов в романе реализуется через осознание героями своей глубокой отчужденности ввиду необходимости отказа от чувств, притяжения уникальности человеческой души, надежды на чудо и веры в Бога ради выживания в рациональном и высокотехнологичном мире.

2.3 Цифровое поколение конца XX – начала XXI в.

В XXI веке человечество вступило в новую эру кардинальных трансформаций, которые также сулят немало угроз для него. Современный период в мировой истории нередко определяется как эпоха столкновения цивилизаций, мировоззренческого кризиса, как время поисков, связанных с появлением новых вызовов, с которыми люди ранее не сталкивались. Прежние мировоззренческие парадигмы не способны выдать решения, релевантные запросам сегодняшнего стремительного и нестабильного мира.

В конце XX – начале XXI в. получают распространение различные мировоззренческие системы, которые направлены на постижение современности. Доминирующую в современном мире мировоззренческую парадигму, существующую в большинстве религиозных и материалистических понятийных системах, можно выразить вслед за В. В. Синельниковым следующим образом: 1) существование человека отделено от окружающей среды, но в тоже время зависит от природной и социальной среды; 2) окружающий мир враждебен человеку; 3) человек живет в мире

ограниченных ресурсов, что вызывает необходимость постоянной конкурентной борьбы.

С другой стороны, существует иная мировоззренческая парадигма, которую можно охарактеризовать как холистическую, то есть «целостную, рассматривающую мир и человека как единое взаимосвязанное целое, включающее в себя все уровни от грубой материи до самых тонких духовных сфер» [Артефьева 1997: 37]. В этой системе человек является активным творческим началом и обладает бесконечными возможностями, а также несет абсолютную ответственность за окружающий его мир.

Н. Хоув и У. Штраус для описания поколения людей, родившихся примерно с 2003 по 2023 гг. употребляют термин «generation Z». Для обозначения данного поколенческого цикла также встречаются следующие понятия: «цифровое поколение», «цифровые аборигены» [Нечаев 2016], «Homelanders», «Homeland Generation» [Howe 2008: 109]. В контексте нашего исследования при описании этого поколения употребляется термин «цифровое поколение». Н. Хоув и У. Штраус относят данное поколение к архетипу «Художники». С. Носова, основываясь на выводах Н. Хоува и У. Штрауса и проанализировав ряд современных исследований по цифровому поколению, выделяет следующие характерные черты, присущие цифровому поколению: способность одновременно и быстро выполнять несколько действий; клиповое мышление; высокая степень информированности; ориентация на сетевое «сотрудничество»; ощущение себя абсолютно самостоятельной личностью при одновременном инфантилизме; высокое проявление индивидуальности, с одной стороны, и стремление к стадности, с другой [Носова 2014].

Материалом для рассмотрения цифрового поколения в творчестве К. Исигуро послужит опубликованный в марте 2021 г. роман-антиутопия «Клара и Солнце», в котором автор, с одной стороны, вновь обращается к альтернативной реальности, а, с другой стороны, фантазирует на тему

будущего, которое всех нас ждет. Художественное видение автора помогает иначе посмотреть на мир после цифровой революции и этические дилеммы, которые возникают перед человечеством. В интервью, которое К. Исигуро дал накануне выхода романа ряду журналистов из ведущих мировых СМИ (на эту встречу в том числе была приглашена Н. Ломыкина, литературный обозреватель «Forbes Life» из России), автор высказывает свои опасения по поводу того, что предыдущие поколения неправильно понимали мир: «Человеку моего поколения, воспитанному в духе либеральных гуманитарных традиций, кажется, что мир не просто меняется, но что он никогда и не был таким, каким мы его считали. Возникает ощущение, что мы неправильно толковали важные составляющие нашей жизни. Мы неправильно понимали даже людей, рядом с которыми живем, наших соседей, членов тех же сообществ. И я, конечно, хотел бы осмыслить все это в творчестве» [Forbes 2021]. Поскольку временные рамки повествования в романе не обозначены, точкой отсчета для определения поколенческих границ была принята дата выхода романа «Клара и Солнце»: 2021 г. Получается, что представителями цифрового поколения будут выступать ведущие персонажи-подростки: Джози, Рик и другие.

Повествование в романе ведется от лица андроида Клары, или как ее называют в романе «интеллектуальная подруга» (Artificial Friend), или сокращенно «ИП», созданной для подростков и наделенной определенным функционалом: заботиться, помогать и поддерживать. К. Исигуро, по его словам, всегда интересовала детская литература, поэтому Клара – типичный персонаж из детской книги. Логика ее воспринимается странной, порой даже безумной. Однако автор подчеркивает, что такая логика ему кажется естественной и допустимой в современном мире: «Клара начинает свою жизнь как младенец, она ничего не знает о мире, но учится очень-очень быстро. Как все маленькие дети, она зачастую соединяет немногочисленные фрагменты доступной ей информации и приходит к странным выводам. Мы обычно

называем подобные выводы детскими» [Forbes 2021]. Уникальная логика Клары дала автору совершенно другую оптику и поспособствовала более глубокому раскрытию портретов представителей цифрового поколения и осмыслению их внутриспоколенческой проблематики.

Портрет-описание цифрового поколения в романе «Клара Солнце» не отличается от образа современных тинейджеров. Например, подростки в романе экспериментируют с энергетиками и алкоголем, смотрят ужасы и играют в компьютерные игры с элементами насилия. Джози, в дом к которой попадает андроид Клара, четырнадцать с половиной лет, она – бледная и худая [Ishiguro 2021: 16]. Неуверенная походка девочки говорит о том, что она, как и многие другие дети в романе «форсирована» («lifted»), т.е. прошла рискованную процедуру по генетическому усовершенствованию интеллекта. «Неудачное» форсирование Джози – не редкость, многие дети становятся инвалидами, или умирают, как ее сестра Сал, из-за опасной процедуры. Рик – физически здоровый, одаренный, но не форсированный («unlifted») юноша и потому обреченный на пожизненное прозябание. Он с матерью живет в доме намного проще, чем дом Джози, расположенном в некотором отдалении от других домов, что может свидетельствовать о снижении социального статуса и социальном отторжении семей, в которых дети не подверглись опасной генетической процедуре форсирования интеллекта. По нашему предположению, К. Исигуро с помощью портрета-описания цифрового поколения удалось передать актуальную внутриспоколенческую проблему, связанную с возможным разделением общества на «привитых» и «непривитых» от коронавирусной инфекции, держащей мир в напряжении с 2019 г., хотя сам автор в одном из своих интервью, приуроченных к выходу книги, заявлял, что это является полным совпадением [Forbes 2021].

При рассмотрении портрета-сравнения сестер Джози и Сал, представленного матерью девочек, становится понятным, что не пережившая форсирования Сал складом характера отличалась от Джози. Джози более

импульсивная и менее чувствительная. Мать предполагает, что Сал тяжелее переносила болезнь именно из-то того, что все обдумывала внутри себя и была более чувствительна и ранима [Ishiguro 2021: 85]. Отсюда следует: в современном обществе способен выжить невосприимчивый человек, не подверженный излишней рефлексии.

Психологический портрет подростков, представителей цифрового поколения в романе, может быть прочитан и как исследование любой инаковости в обществе и границ ее принятия. Нежелание принимать тех, кто слабее, не форсирован, или чем-то иным отличается от других, является формой ксенофобии, которая также является внутр поколенческой проблемой цифрового поколения. Современные исследования, рассматривающие различные формы деструктивного поведения подростков, особое место отводят буллингу – относительно новому в научной литературе социальному явлению, связанному с насильственными действиями детей и подростков в отношении других детей и подростков-сверстников, младших или старших [Волкова 2016: 28]. Показательной в этом смысле является встреча в доме Джози, проводимая для налаживания общения между подростками. Подростки во время встречи подшучивают над Риком, намекая на его неполноценность, а к Кларе и вовсе грубо относятся: один из подростков даже предлагает подбросить ее, чтобы «оживить» [Ishiguro 2021: 69]. В роли агрессоров выступают форсированные подростки, ощущающие свое физическое и интеллектуальное превосходство над нефорсированными сверстниками. Эти подростки в большинстве своем ведут себя вызывающе по отношению к ровесникам. Так, например, подросток с форсированным интеллектом Денни был выше своих сверстников, что также говорит о его физическом превосходстве [Ishiguro 2021: 69]. Подростки-агрессоры в романе импульсивны, доминантны, менее эмпатичны и используют насилие, в том числе психологическое, как наиболее удобное средство для подавления других подростков. Это самоуверенные и надменные личности, с демонстративной,

провокационной манерой поведения. Кроме того, их отличает низкий порог фрустрации и недостаточный контроль в ситуации конфликта. Однако они сильнее своих сверстников, прежде всего тех, кого они выбирают в качестве жертвы, тем, что прошли процедуру модифицирования интеллекта и могут конкурировать наравне с другими форсированными подростками при поступлении в высшее учебное заведение; «нефорсированные» же лишены такой возможности. Подобный психологический и социальный портрет форсированных подростков цифрового поколения еще раз подчеркивает тот факт, что в основе внутр поколенческой проблемы буллинга, в том числе среди подростков цифрового поколения, лежит социальное и физическое неравенство.

Стремление к стадности вопреки собственным желаниям и чувствам — еще одна внутр поколенческая проблема подростков цифрового поколения. Джози вынуждена надевать «социальную маску» равнодушия по отношению к изгоям Рикю и Кларе в кругу форсированных сверстников, осознавая «правила игры», хотя при личном общении очень тепло к ним относится.

Единственным выходом для подростков из жестокой реальности становится эскапизм в придуманный мир. В комнате больной Джози они с Риком проводят странный ритуал, рисуя наброски, напоминающие картины воспитанников Хейлшема в романе «Не отпускай меня». Джози рисует карикатуры на людей, а Рик пишет в пузырьках их мысли, раскрывая глубокие истины о безумных, изнеможенных взрослых и одиноких, больных детях. Эти наброски вскоре приобретают глубокое символическое значение, демонстрируя силу искусства выражать невысказанное. Другая важная функция придуманного Джози и Риком ритуала — это коммуникация. Очевидно, что цифровое поколение разучилось общаться, гораздо легче для них выразить свои мысли в соответствующих картинках с мыслями, написанными в пузырьках, что напоминает смайлики и сообщения, которые заменили в XXI в. личное общение. Таким образом, некомуникабельность

цифрового поколения также является важным аспектом внутр поколенческой проблематики цифрового поколения.

Тем не менее, коммуникация продолжает играть важную роль в современном обществе. Мать Джози в разговоре с дочерью подчеркивает важность коммуникативных навыков: «It's not enough just being clever. You have to get along with others» [Ishiguro 2021: 61]. В школе подростки обучаются в дистанционном режиме, что вызывает дефицит живого общения между сверстниками. Именно поэтому родители устраивают встречи социализации для налаживания личного общения между подростками, навыки которого могут пригодиться им при поступлении в колледж, так как там сохраняется традиционный формат обучения. Высокую значимость и дефицит живого общения цифрового поколения со своими родителями подмечает андроид Клара: «There was often not much time for Josie and the Mother to converse, but I soon learned how important it was, nonetheless, for Josie to be able to sit with the Mother during the quick coffee» [Ishiguro 2021: 53]. Нехватка личного общения с матерью для Джози выливается в чувство невосполнимого одиночества. Клара отмечает, что, если девочке не удавалось пообщаться с мамой сутра перед уходом на работу, то целый день для нее был испорчен: «... there was the danger of loneliness creeping into her day, no matter what other events filled it» [Ishiguro 2021: 53].

К. Исигуро в романе «Клара и Солнце» указывает на серьезную угрозу для современного общества, связанную с гуманизацией машины и механизацией человека: «Если мы живем в мире, где невидимые силы подсказывают, что нам купить или посмотреть (и мы нередко соглашаемся с их предложениями), если это становится все более нормальным, то, возможно, мы и сами — набор алгоритмов», — выражает свои опасения писатель в интервью Н. Ломыкиной [Forbes 2021].

Со второй половины XX в. стало очевидно, что механизация труда — не единственный способ механизации человека. Вследствие радикального

вмешательства в природу у процесса механизации человека появилось новое измерение, которое получило название «трансгуманизм». Трансгуманизм — современная философская доктрина, утверждающая, что человек не сохраняет свои природные качества по мере своего развития и под действием генной инженерии превращается в существо, подобное вещи, которое в зависимости от обстоятельств имеет различные интеллектуальные, креативные, физические и другие свойства. [Луков 2017: 245]. Трансгуманизм как новая концепция эволюции человека в современном мире вводит понятия «трансчеловек» и «постчеловек» как следующие этапы развития человека. Трансчеловек — «переходный человек», термин, которым обозначают себя трансгуманисты в качестве первого шага на пути преодоления человеческой природы и эволюции в постчеловека. Постчеловек (англ. «posthuman») — это новый модифицированный человек, который обладает умственными и физическими возможностями, превосходящими возможности обычного человека [Луков 2017: 246].

На основе данной концепции построен целый ряд культовых фантастических фильмов: «Терминатор» (The Terminator, 1984) Дж. Кэмирона, «Робкоп» (RoboCop, 1987) П. Верховена, «Киборг» (Cyborg, 1989) А. Пьюна, «Универсальный солдат» (Universal Soldier, 1992) Р. Эммериха, «Я, робот» (I, Robot, 2004) А. Прояса по мотивам цикла А. Азимова позитронных роботах («Три закона роботехники»), «Суррогаты» (Surrogates, 2009) Дж. Мостоу. Следовательно, дистанция между человеком и техникой стремительно уменьшается. К. Исигуро в соответствии с духом трансгуманизма демонстрирует разрушение привычных бинарных оппозиций: естественного / искусственного и живого / неживого в романах «Не отпускай меня» и «Клара и Солнце». В результате, в последнем романе «Клара и Солнце» человек и андроид меняются местами: андроид наделен эмпатией, заботой и верой; человек под маской определенной «социальной роли» чаще

всего исполняет определенные задачи по удовлетворению потребностей общества.

К. Исигуро в своем последнем на сегодняшний день романе также обращается к освещению проблемы нерационального потребления в новом веке, что, безусловно, является значимой внутр поколенческой проблемой для цифрового поколения. В «Кларе и Солнце» демонстрируется, как быстро вещи в обыденной жизни теряют свою ценность. Андроидов ИП и ИД сменили БЗ, отличавшиеся всевозможными усовершенствованиями: хорошими когнитивными способностями и памятью. Вот и Клара заканчивает свою жизнь на свалке списанных роботов. Данный эпизод отсылает нас к сюжету о небывалой жертвенности соловья в сказке Оскара Уайльда «Соловей и роза» (The Nightingale and the Rose, 1882). Задолго до того, как человечество начало беспокоиться о проблемах, связанных с искусственным интеллектом, птица накалывает себя на шип, чтобы покрасить белый цветок в красный цвет, надеясь угодить мужчине, которого она любила. Учитывая современный контекст, можно рассматривать соловья как символ технологических изобретений человечества, запрограммированных на уничтожение самих себя и природного мира, чтобы удовлетворить мимолетную прихоть каждого человека. Клара показывает нам, с какой радостью и подлинным альтруизмом она отдает себя в жертву, но важно здесь, насколько равнодушны и бессердечны к ней остаются те, кто принимает эту жертву как само собой разумеющееся. Неслучайно мысль об эмпатии как о качестве, от которого следует отказаться, чтобы выжить в современном мире, лейтмотивом проходит через всю книгу. Не пережив опасного форсирования интеллекта, умирает Сал, отличающаяся чувствительностью и эмпатией. У последней усовершенствованной модели андроида БЗ, несмотря на все его технические преимущества, в меньшей степени развита именно эмпатия. Авторская концепция альтернативного мира будущего развивает идею о том, что простая человеческая способность сопереживать может утратить свою ценность и

уступит место хладнокровной прагматичности. Таким образом, мотив утраты эмпатии напрямую связан с важной внутр поколенческой проблемой цифрового поколения – дегуманизацией. К. Исигуро указывает на то, что в XXI в. происходит смещение фокуса с человека, который из центра мироздания превращается в сконструированный объект с набором алгоритмов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Таким образом, в данной главе мы проанализировали способы художественного воплощения портретных характеристик (портрет-описание, портрет-сравнение, портрет-впечатление, характеристический портрет, психологический портрет). Основываясь на теории архетипов когорты Хоува-Штрауса, нами были выделены и описаны представители величайшего, молчаливого, бумеров, миллениалов и цифрового поколений в творчестве К. Исигуро.

В ходе проведенного анализа мы пришли к выводу, что внутрипоколенческая проблематика отдельных поколенческих циклов имеет как универсальный, так и специфический характер. Наиболее наглядным, на наш взгляд, будет предложить результаты распределения персоналий изучаемых поколений и выявленной внутрипоколенческой проблематики в формате таблицы (Таблица 1 в Приложении). К основным универсальным внутрипоколенческим проблемам в творчестве К. Исигуро (Таблица 2.1 в Приложении) относятся: безотцовщина; изменение общественного и материального статуса; распад семьи и утрата корней; кризис идентичности; разделение общества; эскапизм; профессиональная самозабвенность; отчуждающее отношение к материнству; жестокость; восприятие экзистенциальных границ человека.

Подавляющая часть внутрипоколенческих проблем имеет универсальный характер и может затрагивать интересы любых поколений на том или ином историческом этапе. К таким проблемам, например, относится внутрипоколенческая проблема «безотцовщины». С одной стороны, эта проблема выражается в утрате авторитета старшего поколения перед младшим и отрицании роли отца как таковой. Одной из скрытых причин отрицания роли отца в романе «Остаток дня» является то, что Стивенс выбирает как образец для подражания своего хозяина лорда Дарлингтона, а не родного отца.

С другой стороны, проблема безотцовщины связана с отсутствием отца в жизни ребенка, или дефицитом общения с ним. Для поколений I пол. XX в. (молчаливое и величайшее поколения) отсутствие отца в жизни героев в основном обусловлено печальными последствиями войны: гибель родителей во время войны у Эцуко («Там, где в дымке холмы»), Сары Хэммингз («Когда мы были сиротами»). Истоки внутр поколенческой проблемы безотцовщины для бумеров и миллениалов кроются в социальном кризисе II пол. XX — начала XXI в.: «бегство» Пола («Клара и Солнце») от общества, служение Райдера («Безутешные») интересам публики.

Мы выделили также ряд универсальных внутр поколенческих проблем, обусловленных крахом традиционной системы и сменой мировоззренческих парадигм в послевоенном обществе. Одной из таких проблем для величайшего и молчаливого поколений является изменение общественного и материального статуса героев после войны. Так, например, такие представители величайшего поколения, как Оно, Мацуда («Художник зыбкого мира»), Огата-сан («Там, где в дымке холмы»), лорд Дарлингтон («Остаток дня») и др. теряют высокий статус и положение, которое они занимали в обществе до войны, что вызвано глобальной переоценкой ценностей в мире после войны.

Внутр поколенческая проблема распада семьи и утраты дома встречается на жизненном пути молчаливого поколения и бумеров в творчестве К. Исигуро, но впоследствии становится всеобъемлющей проблемой XXI в. Мотив сиротства и утраты дома доведен до своего апогея в романе «Не отпускай меня», так как у героев-клонов нет и не может быть семьи, что свидетельствует, по нашему мнению, о тотальном разрушении патриархальной модели семьи.

Нами отмечаются также тенденции к разобщенности и кризисному состоянию общества (кризис идентичности), которые наблюдаются у всех рассматриваемых поколений. При этом варьируются формы выражения

кризиса идентичности для каждого отдельного поколения. Для представителей величайшего поколения, например, характерно отождествление собственного «Я» со своей профессией (Стивенс «Остаток дня» отождествляет себя с ролью дворецкого, К. Бэнкс «Когда мы были сиротами» полностью сливается с профессией детектива).

Универсальной внутр поколенческой проблемой всех исследуемых поколений является разделение общества. Специфику различий поколений характеризует принцип разделения общества у каждого отдельно взятого поколенческого цикла в произведениях К. Исигуро:

- величайшее поколение – классовый («Остаток дня») /иерархичный («Художник зыбкого мира»);
- бумеры – клоны /обычные людей («Не отпускай меня»);
- миллениалы – конкурирующие в условиях современного социума / социальные отшельники («Клара и Солнце»);
- цифровое поколение – форсированные / нефорсированные подростки («Клара и Солнце»).

Мы полагаем, что многообразные формы эскапизма героев-представителей пяти исследуемых поколений в творчестве К. Исигуро отражают способы преодоления кризисного состояния поколений и характеризуют специфику различий поколений XX — начала XXI в. Так, например, бумеры выбирают как способ эскапизма форму отшельничества. Кейко, героиня романа «Там, где в дымке холмы», вела отшельнический образ жизни и почти не выходила из комнаты, что можно рассматривать как форму эскапизма, или «тихого бунта», поколения бумеров против социального устройства общества.

Характерной чертой величайшего, молчаливого поколений и миллениалов является чрезмерное трудолюбие, выражающееся во внутр поколенческой проблеме профессиональной самозабвенности. Очевидно, что представители величайшего поколения трудились во имя

процветания своих империй (японской в «Художнике зыбкого мира», или британской в «Остатке дня»), в то время как представители молчаливого поколения в основном работают на американцев, что может указывать на выбор демократического пути развития для обеих стран после Второй мировой войны.

Отчуждающее отношение к материнству, на наш взгляд, может быть вызвано проявлением внутреннего стремления героев к личной свободе, которое прорывается наружу именно в период исторической неопределенности, вызванной крахом традиций. Характерными примерами художественного воплощения данной внутр поколенческой проблемы могут служить эпизод о тревожности Эцуко в отношении материнства и мотив детоубийства в романе «Там, где в дымке холмы».

Универсальная внутр поколенческая проблема жестокости из открытой формы проявления агрессии у молчаливого поколения (осуждение войны зятьями Оно в романе «Художник зыбкого мира») трансформируется в скрытую форму бумеров и миллениалов (агрессия Джона к своей матери в рассказе «Отравление») и воплощается в буллинг «нефорсированных» подростков в последнем на сегодняшний день романе К. Исигуро «Клара и Солнце».

Специфическая внутр поколенческая проблематика в творчестве К. Исигуро, присущая определенным поколениям, выражается в следующих аспектах: величайшее поколение – слепое служение долгу, самообман; молчаливое поколение – травма войны, конформизм; бумеры – паралич воли; миллениалы – проблема «черного ящика», высокий темп жизни и конкуренция; цифровое поколение – стремление к стадности, некоммуникабельность, дефицит живого общения, нерациональное потребление, дегуманизация (Таблица 2.2 в Приложении).

Нами выделен круг специфических внутр поколенческих и межпоколенческих проблем, связанных с ригидностью взглядов величайшего

поколения и их неготовностью менять привычную картину мира: слепое служение долгу; спасительный самообман. К примеру, Оно («Художник зыбкого мира») отказывается верить, что помолвка дочери не состоялась именно из-за его милитаристского прошлого, а не из-за войны.

Ряд специфических внутрипоколенческих проблем детерминирован психологическими особенностями реагирования представителей отдельных поколений на вызовы своего времени: травма войны, конформизм (молчаливое поколение), паралич воли как неспособность к сопротивлению (бумеры).

Проведенный в данной главе анализ позволяет констатировать, что специфические внутрипоколенческие проблемы поколений конца XX – начала XXI в. (стремление к стадности, некоммуникабельность, дефицит живого общения, нерациональное потребление, проблема «черного ящика»), встречающиеся в романе «Клара и Солнце», вызваны стремительным технологическим прогрессом, последствия которого человечество не всегда способно осознать.

Основное место среди специфических проблем конца XX – начала XXI в. в творчестве К. Исигуро отводится вопросам вмешательства человека в фундаментальные законы природы, определения и критериев смерти, дегуманизации.

ГЛАВА 3. КОНФЛИКТ КАК ИСТОЧНИК МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ИСИГУРО

На этапах развития литературного процесса по-разному рассматривался конфликт поколений, проистекающий с большей или меньшей степенью напряжённости, а иногда переходящий в открытое столкновение. Каждая культурно-историческая эпоха специфична, «...поскольку протест детей носит, как правило, не только индивидуальный характер, но и связан с исканиями целого поколения, оставаясь неизменно актуальным, конфликт «отцов и детей» выходит на первый план в наиболее драматические моменты истории» [Лисенко 2014: 3].

Изучение противостояния между поколениями в произведениях К. Исигуро важно для понимания своеобразия литературного творчества автора, основанного на симбиозе двух культур – английской и японской.

Прежде чем перейти к рассмотрению конфликта как источника межпоколенческой проблематики в произведениях К. Исигуро, обратимся к теории конфликта в литературоведении. В статье В.А. Сахновского-Панкеева из «Литературной энциклопедии терминов и понятий» конфликт понимается как столкновение между персонажами, либо между персонажами и средой, героем и судьбой, а также как противоречие внутри сознания персонажа или субъекта лирического высказывания [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 393]. Сравнивая природу конфликта с природой эпической ситуации, Н.Д. Тамарченко и коллектив влиятельных авторов в области теории литературы подчеркивают, что конфликт – это противостояние не мировых сил, а человеческих позиций, которое возникает в результате самоидентификации человека по отношению к действующим мировым силам [Тамарченко 2004: 316]. Обращая внимание на существование сложных в рамках единичных жизненных ситуаций, а то и неразрешимых в целом

устойчивых конфликтных положений, В.Е. Хализев водит в научный лексикон понятие «субстанциальный конфликт». Такого рода конфликты не имеют четко выраженных временных границ, так как они «неизменно и постоянно окрашивают жизнь героев, составляя некий фон и аккомпанемент изображаемого действия» [Хализев 2004: 239].

В современной теории литературы конфликт в художественном тексте трактуется не только как столкновение, но и как характер взаимоотношений и состояние. Характер конфликта и та роль, которую он выполняет в художественном произведении, являются лучшим признаком того, что отражаемая в этом тексте реальность дуалистична и оппозиционна. Данная оппозиционность – основополагающий принцип строения и существования реальности. Таким образом, в конфликте соединяется два оппозиционных компонента, которые не всегда очевидны: один с положительным, а другой с отрицательным эмоциональным восприятием, что не исключает возможности наличия положительного потенциала в обоих компонентах. Роль таких оппозиций могут выполнять различные структурные элементы художественного произведения.

А.Н. Семенов выделяет десять типов конфликта, основанных на следующих оппозиционных составляющих: положительный герой и его антипод, персонаж и природа, противоречия общественных и мировоззренческих структур, две противоборствующие силы природы, персонаж и общество, персонаж и судьба, качества внутреннего мира героя, вступающие в противоречие друг с другом, творец и творчество, духовное и телесное начала, внешнее проявление событий и их сущность [Семенов 2011: 53-54]. Конфликт, основываясь на идее противоположности (противоречия) между составляющими его элементами, раскрывает характер взаимоотношений между персонажами и образами художественного текста, а также стадии развития сюжета. При этом конфликт всякий раз побуждает как

героев, так и автора, к выбору, который «может быть философским, нравственным, логическим, эстетическим» [Семенов 2011: 57].

В эпическом произведении конфликт в основном основан на принципе сочетания авторской речи (субъект) и речи персонажа (объект) за счет совмещения в одном художественном пространстве языковых позиций автора текста и его героев.

Кроме того, известны и такие примеры, когда в тексте есть только один тип речи. Практически все произведения К. Исигуро написаны от первого лица (за исключением романа «Погребенный великан» (*The Buried Giant*, 2015), в котором только две главы написаны от первого лица), т.е. в них присутствует только речь изображенная (речь объекта). Следовательно, автор становится в позицию посредника между речью изображающей и речью изображенной, становится творцом «образа чужого слова» (Н. Д. Тamarченко) [Семенов 2011: 57]. При этом «Я»-повествование в произведениях К. Исигуро становится речью «ненадежной» для трактовки истинных побуждений персонажа. Речь героев К. Исигуро, подобно речи героев Ф.М. Достоевского, является «исповедью с лазейкой», по определению М.М. Бахтина. В своей работе «Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг.» 2014 г. О.А. Джумайло, опираясь на труды Л. Витгенштейна, обращает внимание на неразрешимость исповедальной задачи автора, «ищущего особый язык чистой саморефлексии» [Джумайло 2014: 60]. Обращаясь к рассмотрению конфликта как источника межпоколенческой проблематики в произведениях К. Исигуро, данный факт необходимо также учитывать.

3.1 Характер антагонизма величайшего и молчаливого поколений

Величайшее поколение (1901–1924 г.р.) известно также как поколение «победителей», ведь, как верно отмечал Т. Брокау, никто из представителей этого поколения не сражался за славу и признание; они боролись именно за

правое дело [Brokaw 2001]. В соответствии с теорией архетипов когорты Хоува-Штрауса представители величайшего поколения отличаются трудолюбием, категоричностью суждений, почти религиозной верой в светлое будущее, приверженностью идеологии и почитанием семьи и семейных традиций.

В отличие от поколения своих предшественников, которое боролось за изменение системы, молчаливое поколение (1925–1942 г.р.) ратовало за работу в системе. Представители поколения не склонны к риску, бережливы, стремятся к профессионализму и компетентности.

Мастерство К. Исигуро в создании драматического напряжения в семейных и поколенческих конфликтах раскрывается уже в дебютном рассказе «Семейный ужин» (Family Supper, 1983). В этом рассказе, который по своей лаконичности, тонкости и мощи напоминает чеховскую прозу, автор исследует способы, которыми благонамеренные отцы, в прямом или переносном смысле, убивают своих жен и детей. В свойственной К. Исигуро манере повествование о «японскости» превращается в рассказ о поиске утраченных связей между близкими людьми.

Разрыв связей и отсутствие близости между отцом и сыном раскрывает сюжет о приезде Огаты-сана («Там, где в дымке холмы») к сыну Дзиро. Форма поведения Дзиро нередко предстает как источник конфликта с отцом. Дзиро каждый раз занят, чтобы провести время с отцом, который ждет его по вечерам, словно ребенок, чтобы сыграть партию в шахматы. Огата-сан нуждается в сыне, как и пожилой Киносито («Странная, порой проходящая грусть»), у которого после смерти жены не осталось никого, кроме дочери. Данный аспект можно связать с воззрениями М. Мид о наступлении конфигурации и кризисе постфигуративной культуры, который может быть следствием войны и уничтожения старшего поколения [Мид 1988: 322–361]. Красноречивые декламации Огаты-сана по воду шахматных и жизненных стратегий сына на фоне молчаливости Дзиро приводят последнего в ярость

[Ishiguro 1982: 129]. Игру в шахматы в романе можно рассматривать как метафору жизненного пути, в котором каждая ситуация – это напряженная партия, требующая от игроков следования определенной стратегии, продумывания ходов и способности мыслить логично, не поддаваясь эмоциональным порывам. Огата-сан резко критикует шахматную и (жизненную) стратегию сына за неумение придерживаться заведомо выбранной стратегии и за то, что тот опускает руки при первом же поражении: «Don't you remember what I always used to tell you? Chess is all about maintaining coherent strategies. It's about not giving up when the enemy destroys one plan but to immediately come up with the next. A game isn't won and lost at the point when the king is finally cornered. The game's sealed when a player gives up having any strategy at all. When his soldiers are all scattered, they have no common cause, and they move one piece at a time, that's when you've lost» [Ishiguro 1982: 128-129]. Сызмала Дзиро бежит, когда загнан в угол, и это то качество, которым отец не может гордиться [Ishiguro 1982: 129]. Дзиро не дает отпор отцу и не пытается отстоять себя, а лишь констатирует, что не считает себя таким мастером, как отец.

О.А. Джумайло проводит параллель между К. Исигуро и выдающимся японским режиссером Я. Озу в способе изображения японской семьи в состоянии распада [Джумайло 2014: 286]. Сюжеты фильмов Я. Озу лишены зримого трагизма, или выраженного конфликта несмотря на то, что повествуют о распаде традиционной японской семьи. Персонажи большинства его фильмов («Поздняя весна» 1949, «Раннее лето» 1951, «Токийская повесть» 1953, «Ранняя весна» 1956, «Поздняя осень» 1960, «Вкус сайры» 1962) довольны своей жизнью, но есть ощущение того, что семья перестает быть тем, чем была раньше. Молодые герои фильмов Я. Озу, как и персонажи К. Исигуро, все чаще живут отдельно и не находят времени на пожилых родителей. Показателен в этом смысле визит Оно к дочери («Художник зыбкого мира» К. Исигуро), живущей в современной квартире настолько

маленькой, что отец не может найти себе места на крохотной кухне. Родители убеждают себя в том, что так устроен мир и их дети не виноваты, однако в глубине души они словно осиротели, ведь японец, в отличие от западного человека, идентифицирует себя прежде всего с группой, в том числе с семьей.

Окончательно утрачивает близость носильщик Густав с дочерью Софи в романе К. Исигуро «Безутешные». По ходу романного повествования становится понятно, что дочь и отец не разговаривают друг с другом на протяжении многих лет и общаются только через посредников. Потеря спрятанного в сувенирной коробке хомья Ульриха оборачивается трагедией для Софи и символизирует окончательный разрыв близких отношений с отцом [Ishiguro 1996: 83]. Даже в этот горький для дочери момент отец не находит в себе сил нарушить затянувшееся молчание и утешить любимую дочь. Тяжелую ношу вины Густава перед дочерью символизируют чемоданы гостей отеля, в котором он работает, и которые он когда-то решил не отпускать ни при каких обстоятельствах, что становится довольно тяжёлой ношей для него в преклонном возрасте. Обет Густава «никогда не опускать чемоданы» трансформируется в своеобразное профессиональное кредо, которое позволяет сублимировать боль от утраты близости с дочерью в профессиональную самозабвенность. Данный факт сближает Густава со Стивенсом («Остаток дня»), который настолько отдается своим обязанностям дворецкого, что не находит времени на умирающего в этот момент отца. Бездна между Густавом и Софи настолько глубока, что даже перед смертью отца Софи не способна поговорить с ним. На первый взгляд, абсурдная идея Софи— подарить отцу пальто, которое она повсюду носит с собой и достает в самые неподходящие моменты, оказывается единственным возможным способом для нее проявить свою заботу об отце.

Глубокое и более зрелое понимание истоков межпоколенческой проблематики величайшего и молчаливого поколений в произведениях К. Исигуро часто лежит в подтексте. Дочери Оно («Художник зыбкого мира»)

в глубине души обвиняют отца и величайшее поколение в милитаристской идеологии, которую те поддерживали до и во время войны, и в которой молчаливое поколение видит одни пороки. Оно и его современники, в свою очередь, упрекают представителей молчаливого поколения в том, что те перенимают чуждые японской культуре американские ценности и разрушают систему, которую их предки веками создавали («We devoted ourselves to ensuring that proper qualities were handed down, that children grew up with the correct attitude to their country, to their fellows. There was a spirit in Japan once, it bound us all together») [Ishiguro 1982: 66]. Обратим внимание на еще одну важную деталь в романе: бомба разрушила восточную часть дома Оно во время войны. Как отмечалось ранее, Сигамура построил дом в некотором отдалении, предназначая его для своих родителей [Ishiguro 1986: 11].

Мотив отчужденности поколений маркирует утрату связей между членами семьи и самого Оно. Обе дочери Оно стремятся жить на новый лад в современных многоэтажных домах, в которых уже нет места пожилым родителям. Их мужья, идеологические противники отца, принадлежат молодому поколению, открыто критикующему политические ошибки прошлого, приветствующему американизацию Японии. Действительно, исторический диапазон, который выбирает К. Исигуро, – повествование начинается с октября 1948 и длится по июнь 1950 года – знаменует собой глубоко неоднозначный момент в истории Японии. В начале этого периода деморализованная страна находилась под военным правлением генерала Д. Макартура (Верховный главнокомандующий Союзными державами), который позиционировал себя как создатель новой демократической Японии. Кроме того, экономика Японии пережила катастрофический спад и даже запасы продовольствия были на исходе [Goto-Jones 2009: 89–97]. В эпизоде, отмеченном апрелем 1949 г., Оно смотрит на город и видит часть схемы восстановления Макартура. Он видит новые жилые дома, которые у него, странным образом, вызывают ассоциации с остатками послевоенной

разрушений [Ishiguro 1986: 99]. Для героя зарождающаяся новая Япония соотносится с разрушением исчезающего старого мира, в котором Оно процветал. Восстановив эти руины, новая Япония способна окончательно закрепить свои претензии на экономическое господство в настоящем. Повествование романа резко заканчивается началом экономического возрождения в 1950-х гг., когда Япония впервые начала превращаться в азиатский экономический центр, которым она окончательно стала во времена холодной войны. К. Исигуро выбирает этот переломный для судьбы Японии период неслучайно. Общую нестабильность можно рассматривать как выражение периода исторической неопределенности, в которой поколения борются за то, чтобы претендовать на историю, значение которой все еще оспаривается. Роман находится на пороге исторической инверсии, когда этика сыновьей верности и почтительности, ранее лежащая в основе национального духа Японии, начала давать трещину, что привело к столкновению представителей величайшего и молчаливого поколений.

Далее камнем преткновения для молчаливого поколения и бумеров становится повсеместное проникновение американской культуры в сознание молодых японцев. В «Художнике зыбкого мира» прослеживаются многочисленные намеки на напряженность между поколениями вследствие послевоенной американизации Японии. Например, внук Оно Итиро не только не обладает уважением и страхом перед старшим поколением, как его мать [Ishiguro 1986: 31], но и подражает американскому Одинокому рейнджеру и герою американских комиксов и мультфильмов, Моряку Попаю. Такие популярные японские герои, как Минамото-но Ёсицунэ или воины-самураи, больше не вызывают восхищения у японского поколения бумеров [Ishiguro 1986: 30, 152]. Выражая преобладающее мнение, Суити заявляет, что американские герои – лучший пример для японских детей. Он считает, что лучше Итиро восхищаться ковбоями, чем такими людьми, как Миямото Мусаси, который был прославленным мастером самурайского боя [Ishiguro

1986: 36]. Этот факт объясняется чувством глубочайшей обиды молчаливого поколения на величайшее за то, что отцы привели мир к войне.

Нападки молчаливого поколения связаны с попыткой заставить величайшее поколение раскрыть свои настоящие чувства и раскаяться за былые ошибки. Положение представителей величайшего поколения «между двух миров»: патриархальным и новой системой ценностей послевоенного мира побуждает их к переосмыслению прошлых ошибок, от чего зависит их место и роль в новом миропорядке. При этом неопределенность положения Оно обусловлена не роковыми заблуждениями героя в прошлом, а зыбкостью постоянно меняющегося мира. Мост Сомнений («Bridge of Hesitation»), к которому Оно так любит возвращаться, является удачной метафорой колеблющегося и неопределенного психологического состояния героя между признанием ошибок прошлого и отстаиванием своих идеалов в послевоенный период. Данная метафора раскрывается в словах самого Оно, который вспоминает, что пересекая этот мост можно было попасть в «веселый квартал», где мужчины, страдающие от угрызений совести, находятся перед выбором: продолжить поиск вечерних развлечений, или отправиться домой к своим женам [Ishiguro 1986: 98]. «Весёлый квартал», герой и сам часто посещал, чтобы заглянуть в любимый бар г-жи Каваками. Хотя бизнес г-жи Каваками терпит одни убытки, Оно утешает себя и г-жу Каваками тем, что никогда не поздно начать восстанавливать былое [Ishiguro 1986: 76]. Вследствие бомбардировки ничего практически не осталось от «веселого квартала» и большинство баров закрылось. Сейчас этот район представляет собой не более чем пустырь, усеянный грудями обломков и напоминающий кладбище [Ishiguro 1986: 27]. Тем не менее, Оно не желает признавать реальное положение дел и то, что теперь бар выглядит неуместно на фоне современных застроек [Ishiguro 1986: 205]. Таким образом, это свидетельствует о психологически затруднительном положении Оно: герой страдает от угрызений совести, хотя и отрицает это, мечется между

признанием своих прошлых ошибок и их утаиванием; между моральной ответственностью и целесообразностью настоящего; между признанием и дальнейшим сокрытием своей затянувшейся вины. Признание вины, с одной стороны, может стать актом морального очищения «отцов», но, с другой стороны, это необходимо молчаливому поколению, чтобы утвердить новую систему ценностей, с которой можно было бы жить дальше.

Мировоззренческий конфликт величайшего и молчаливого поколений выражается в столкновении убеждений, связанных с верой в иерархию и уверенностью в ее необходимости и тенденцией к равноправию в обществе. Пример такого столкновения встречается в романе «Там, где в дымке холмы» и выражается в возмущении Огаты-сана по поводу того, что муж с женой могут голосовать за разные партии («Look what happens. Husband and wife voting for different parties. It's a sad state of affairs when a wife can't be relied on in such matters anymore») [Ishiguro 1982: 65]. Иными словами, выражение собственного мнения женщиной у патриархального Огаты-сана приравнивается к предательству, что он связывает со установлением демократических ценностей в Японии в послевоенный период («That's so typical of the way things have gone in Japan. All in the name of democracy people abandon obligation») [Ishiguro 1982: 65].

Вместе с тем старая добрая Англия, которая выступала как оплот традиционных ценностей, столкнулась с послевоенным хаосом и болезненным осознанием краха великой империи. В романе «Остаток дня» сразу после дани уважения английскому загородному дому, Дарлингтон-Холл как средоточию цивилизации, Стивенс описывает два случая, когда он отрицал, что когда-либо служил лорду Дарлингтону [Ishiguro 1989: 126; 130]. Данный факт представляет особый интерес для нашего исследования, особенно если рассматривать лорда Дарлингтона в роли символического и культурного отца Стивенса. Очевидно, что Стивенс полностью идентифицирует себя не со своим родным отцом из низшего класса, а со своим хозяином из высшего

класса, лордом Дарлингтоном. Как справедливо отмечает Д. Гуревич, только благодаря своему хозяину, Стивенсу удается утвердить собственную значимость [Gurewich 1989: 19]. Эпизоды, упомянутые Стивенсом, свидетельствуют об изменении отношения в обществе к английскому загородному дому – символу старой доброй Англии. И вновь К. Исигуро выбирает временем действия для своего романа период исторической неопределенности. Английская общественность оказывается в состоянии переоценить некоторые аспекты, связанные с данным мифом, что привело к появлению нового идеала в обществе – джентльмена-руководителя, который оставляет умственную работу профессионалам [Girouard 1978: 271–272]. Отдав свои жизни и победив врага, простые англичане осознали, что тоже имеют право на свободу и достоинство [Ishiguro 1989: 196]. Представители величайшего поколения считают, что решать судьбу нации простой народ не может и что это прерогатива высшего класса, в то время как представители молчаливого поколения отрицают власть былых авторитетов и прежде всего высоко ценят компетентность и профессионализм. Следовательно, конфликт величайшего и молчаливого поколений также выражается в столкновении традиционных патриархальных и демократических принципов в обществе в переломный этап его развития.

Противоречия взглядов на войну и на те жертвы, которые были во имя нее принесены, выливаются в серьезный конфликт между представителями величайшего и молчаливого поколений. Оно («Художник зыбкого мира») во время войны в Маньчжурии потерял сына, Кэндзи, когда сын и его сослуживцы безнадежно пытались прорваться через минное поле. Тот факт, что жена Оно погибает, когда война уже почти кончилась [Ishiguro 1986: 90], а Кэндзи погибает не во время военных действий [Ishiguro 1986: 57], говорит о том, что автор намеренно пытается снять героический ореол с гибели персонажей и показать бессмысленную трагичность человеческих жертв. Представители величайшего поколения считают подобные жертвы

оправданными, так как солдаты сражались за величие своей родины, во имя процветания великой японской империи. Они хотели видеть Японию в одном ряду с могущественной Британской империей.

Представители молчаливого поколения полагают, что человеческие жертвы были напрасными, а имперские амбиции японского руководства только привели Японию к краху. Суити, зять Оно приходит к выводу, что жертвы молодых людей неоправданные («Brave young men die for stupid causes, and the real culprits are still with us» [Ishiguro 1986: 58]. Агрессия и озлобленность молодого поколения достигает своего апогея в сюжете о городском сумасшедшем. Хирояма-бой прославился тем, что слонялся без дела, выкрикивая милитаристские лозунги и распевая патриотические песни. В довоенное время Хирояма-бой пользовался популярностью в обществе: «...>with his war songs and mimicking of patriotic speeches» [Ishiguro 1986: 60]. Ему давали деньги и подкармливали. После войны настроения в обществе резко изменились и теперь его жестоко избивают из-за того, что он распевает все те же военные песенки. Подлинная причина ярости представителей молчаливого поколения состоит в том, что, несмотря на то уважение, которое они испытывали к своим «отцам», те оказались ни на что не годными и не смогли ни на что повлиять, когда столкнулись поистине могущественные силы. Это подобно тому сильному чувству ярости и разочарования, которое испытал К. Бэнкс («Когда мы были сиротами») в детстве, когда его мать похитили, а его няня, Мэй Ли, беспомощно плакала, не сумев этому воспрепятствовать [Ishiguro 2000: 123].

Следовательно, межпоколенческая проблема величайшего и молчаливого поколений состоит в обвинении молчаливым поколением своих «отцов» в том, что те привели мир к войне. Многие представители молчаливого поколения, увидев бессмысленную смерть в таких огромных масштабах, потеряли веру в традиционные ценности, такие как патриотизм и мужественность. Некоторые, в свою очередь, стали бесцельными,

безрассудными и сосредоточенными на материальном богатстве, неспособными верить в абстрактные идеалы, что роднит данное поколение с потерянными поколением, которое пережило Первую мировую войну.

Мотив отцеубийства в романе «Художник зыбкого мира» свидетельствует об обострении межпоколенческого антагонизма, так как связан с желанием молчаливого поколения физической смерти своим предшественникам для искупления их вины за поражение в войне и послевоенный кризис в Японии. Эпизоды о самоубийствах бывших японских лидеров появляются в романе в контексте темы искупления вины. Так, например, дочь Оно упоминает о добровольном уходе из жизни композитора Юкио Нагути, песни которого были популярны в период милитаризации. Мияке, несостоявшийся зять Оно, также рассказывает о самоубийстве президента их компании и воспринимает это как способ извиниться перед семьями тех, кто погиб вовремя войны: «Our President clearly felt responsible for certain undertakings we were involved during the war» [Ishiguro 1986: 55]. Более того, Мияке констатирует, что ему и его коллегам это принесло огромное облегчение.

Американский исследователь национального характера японцев Р. Бенедикт в своей книге «Хризантема и меч» 2016 г. отмечает важность темы самоубийства (сеппуку) в японской культуре: «В Японии же — это [самоубийство] рассказ об инициативности и непоколебимой решимости. Герои прилагают все усилия, чтобы расплатиться с одним из долгов, лежащих на них» [Бенедикт 2016: 33]. Прежде всего, этот «долг» связан с колоссальным напряжением из-за чувства ответственности перед семьей и своей страной. Высокая степень напряжения рано или поздно прорывается в акты агрессии либо по отношению к врагу, либо по отношению к себе [Бенедикт 2016: 34]. Смыть подобный долг, согласно японскому мировоззрению, возможно только собственной кровью. В каком-то смысле Япония после поражения во Второй мировой войне также стала «обществом без отцов», поскольку весь

существующий порядок и власть с приходом западной цивилизации был уничтожен. До завершения войны на отцов смотрели с большим пиететом, а после уважение к ним стало резко падать, поскольку поражение нанесло решительный удар по прежним моральным принципам. Послевоенный хаос и политические трансформации повлияли на глобальную переоценку ценностей в обществе, и как результат – величайшее поколение стало дрейфовать в сторону отрицания отцовской власти.

Понятие «общество безотцовщины» впервые было использовано последователем З. Фрейда Паулем Фидерном в работе «О психологии революции: общество безотцовщин» [Federn 1919], опубликованной в 1919 г. Как следует из названия, в книге анализируется политическая ситуация в Европе после окончания Первой мировой войны. Однако предпосылки для возникновения подобных перемен следует искать в XX в. в трудах Ч. Дарвина, К. Маркса и Ф. Ницше, каждый из которых внес значительный вклад в разрушение унаследованной его эпохой системы ценностей. Данный факт заложил основу для социального кризиса и возникновения столкновения между поколениями. Важным в этом смысле также является постоянное обращение З. Фрейда к теме отцеубийства, которая напрямую связана с проблемой «безотцовщины». Интерпретация отсутствия отца у З. Фрейда связана с результатом отцеубийства. З. Фрейд рассматривает отцеубийство не в настоящем, а как проекцию на предысторию человечества. Таким образом, мы сталкиваемся с первым Эдипом, отличающимся от многочисленных Эдипов, возникавших впоследствии в истории и реально убивающих своих отцов. З. Фрейд считает, что это послужило причиной для возникновения чувства вины у детей, что способствовало появлению религии и морали. Тем не менее, множество других исследователей (К. Юнг, Л. Ранке, Л. Ференце, Э. Фромм) отвергали теорию З. Фрейда и основным значением при формировании личности ребенка считали отношения с матерью. Иными словами, теория об отсутствии отца возникла не на почве отсутствия отца, а

из-за его отрицания. Безусловно, сам З. Фрейд считал эту концепцию очередным повторением вечного мотива отцеубийства [Дои 2020: 171–172].

Конфликт между величайшим и молчаливым поколениями также выражается в форме противоречий между учителем и учеником. Противоречия между учителем и учеником, лидером и последователем, родителем и ребенком определяют проблематику романа «Художник зыбкого мира» и лежат в основе развития главного героя Оно от юноши ко взрослому человеку, от последователя к лидеру и от ученика к сенсею. Цитируя Н. Ханта, Б. Шеффер подчеркивает, что в «Художнике зыбкого мира» исследуется влияние и ответственность художника перед обществом, а также то, как настоящее меняет наше восприятие прошлого [Shaffer 1998: 39]. Путь Оно как художника от раннего разочарования его строгим и порицающим отцом до ученичества и, наконец, до руководящей должности представлен в образе этого извечного и неизбежного конфликта. К. Исигуро говорит в одном из своих интервью, что его заинтересовало изображение мира, в котором фигура лидера обладала невероятной психологической властью над своими последователем, ведь для того, чтобы вырваться на свободу ему нужно было проявить небывалую решимость. Автор подчеркивает цикличность конфликта между лидером и последователем в мире: «I needed to portray this world where a leader figure held this incredible psychological sway over his subordinates. And for subordinates to break free, they had to display a remarkable amount of determination. <...>I'm pointing to the master – pupil thing recurring over and over again in the world» [Mason 2008: 8].

Если бывший учитель Оно придерживался мнения: «искусство ради прибыли», то новый наставник, Мацуда, считает, что искусство должно подчиняться государственным интересам и возвышать величие Японии. Оно приходит служить новому патриотическому духу и за это время герой достигает вершины своего развития. Теперь Оно – это деспотичный, авторитарный, жестокий слуга власти, сжигающий работу своего ученика

Куроды и, возможно, виновный в его аресте. Позднее Оно будет сам предан учеником Синтаро, который отказывается от прошлого влияния своего сенсея для того, чтобы получить работу. «Единство эпохи состоит прежде всего в общности средств, которыми пользуется каждое поколение для выполнения тех или иных исторических задач своего периода», – заявлял К. Мангейм [Мангейм 1998: 13]. Как можно заметить, в произведениях К. Исигуро конфликт поколений, реализуемый через противостояние ученик – учитель имеет циклический хронотоп, поскольку поиск собственного художественного языка всегда начинается с отвержения языка учителя. Конфликт поколений в творчестве К. Исигуро заявлен как неизбежное следствие самой меняющейся жизни. Подобно тому, как растет и меняется все вокруг, так же закономерно и трагическое отчуждение нового поколения, желающего обрести свой собственный стиль и полного амбиций изменить сам мир вокруг себя.

Непомерные ожидания, возлагаемые представителями величайшего поколения на своих детей, вызывают в них одновременно и чувство вины, и жажду освобождения от пут. На начинающего молодого пианиста Штефана Хоффмана («Безутешные») возложено бремя высоких музыкальных ожиданий его родителей и их постоянное разочарование в нем. Юноша пытается угодить своим родителям, но в то же время жаждет освободиться от тяжелых оков и замкнутого городка, в котором живет, чтобы продолжить свое музыкальное образование в менее тяготящей обстановке. Характер отношений Штефана с родителями схож с отчуждением родителей Райдером в романе. Райдер также постоянно упоминает о приезде родителей на концерт и озадачен тем, как их встретят. Он охвачен леденящей паникой, осознанием того, что совсем не подготовил пьесу, которую должен был исполнить перед родителями на концерте [Ishiguro 1995: 328]. О.А. Джумайло справедливо указывает на то, что Штефан является двойником главного героя Райдера в молодости [Джумайло 2014: 85]. Хоффман, отец Штефана, становится эмоционально

отчужденным от своей жены Кристины, так как провел большую часть своей супружеской жизни, пытаясь соответствовать тому, что он считает ее ожиданиями и добиваясь ее признания.

Давление Хоффмана, оказанное на него им самим, становится совершенно очевидным в его эмоциональном срыве в концертном зале в четверг вечером [Ishiguro 1995: 506-507], когда герой заявляет, что потерпел неудачу в том, чтобы быть достойным мужем, и что жена должна оставить его и найти кого-то более соответствующего ее высокому положению. Штефан повторяет модель отношения отца к матери. Отец и сын не в состоянии оправдать ожидания Кристины, а значит оказываются неспособными получить ее любовь и признание.

Родители-перфекционисты внушили Штефану представление о том, что он должен быть талантливым, иначе он превратится в ничтожество. Только талант способен сделать его сколько-нибудь значимым в их глазах. Родители любят и принимают своего сына не таким, какой он есть, а только при наличии таланта, вызывающего восхищение других людей, и способности быть лучше, чем другие. Райдер вспоминает, как в детстве страшно боялся не оправдать ожидания общества и что его родители затеют одну из своих всегдашних ссор на людях [Ishiguro 1995: 264]. В итоге они больше не будут выглядеть как благопристойная семья в глазах окружающих. При этом Штефан и Райдер воплощают в жизнь не свои желания и стремления, а родительские. У Штефана формируется чувство вины из-за родительского недовольства, сопровождаемое страхом разочаровать родителей в их ожиданиях, следствием чего является появление устойчивого страха потери любви. Данное чувство вины как несоответствие ожиданиям родителей негативно влияет на самооценку героя. Штефан находит в себе силы продолжить выступление, несмотря на то, что родители покинули концертный зал, разочаровавшись в его игре. Теплый прием публики говорит о том, что единственной помехой,

тормозящей развитие Штефана как музыканта, была его низкая самооценка, вызванная тем, что они предъявляли к нему завышенные требования.

3.2 Специфика конфликта и проблем между молчаливым поколением и бумерами

Н. Хоув и У. Штраус относят к поколению бумеров людей, рождённых в период с 1943 по 1960 гг. Всплеск рождаемости 1946–1964 гг. также часто используется демографами для определения этого поколения. В молодости бумеры демонстрируют уникальность мировоззрения и стремятся пересмотреть существующие ценности. Бумеры наделены моральной ясностью, широтой духовного мира, а также придерживаются семейных ценностей. Негативными их качествами являются жестокость, нарциссизм и бесцеремонность. Они являются поколением идеалистов. Важным приоритетом для данного поколения становится спасение детей [Strauss 1997: 124].

Рассказ «Деревня после заката» (A Village After Dark, 1990), хоть и является своеобразным литературным экспериментом К. Исигуро в поиске собственного авторского стиля, но, по словам Б. Шеффера, в нем звучат важные темы в контексте творчества К. Исигуро: столкновение живого чувства и холодного рассудка, конфликт духовной сферы и бездуховной социальной среды, проблема вины и покаяния за ошибки прошлого [Shaffer 2009: 9]. Данный текст не раскрывает явно сути философских взглядов протагониста Флетчера, который читателю может напомнить странствующего философа, или религиозного проповедника. Поскольку рассказ был написан в начале 90-х гг., а главный герой изображается как старик, есть все основания отнести его к поколению бумеров, тем более учитывая тот факт, что он явно не разделяет современных взглядов, скорее занимая позицию социального отшельника. Современники Флетчера вспоминают о том, что когда-то его

идеи обладали небывалой силой и что многие не могли устояли перед его колдовским обаянием. Тем не менее, теперь бывшие последователи его идей обвиняют и порицают старика, так как чувствуют себя обманутыми. Флетчер признает ошибки прошлого, но отмечает, что они были совершены из лучших побуждений, так как долг своего поколения и личную миссию он видел в том, чтобы действовать, не теряя времени на раздумья («All I said in those days was that it was our duty, all of us, to contribute to the debate. We knew so much more about the issues than the ordinary people here. If people like us procrastinated, claiming we didn't yet know enough, then who was there to act? But I never claimed I had the answers. No, you're being unfair») [Ishiguro 2001]. Кроме того, здесь можно усмотреть столкновение философских взглядов героев на осмысление современного мира.

Ю. И. Линник, которому принадлежит перевод рассказа на русский язык, в статье «О рассказе К. Исигуро “Деревня после заката”», опубликованной в журнале «Новый берег», предполагает, что в юности Флетчер мог разделять мировоззрение хиппи, которые протестуют против современной культуры и рационалистической цивилизации и призывают вернуться к природной чистоте [Линник 2012]. Данное предположение подтверждает тот факт, что расцвет культуры хиппи приходится на начало 70-х гг. да и сам К. Исигуро в одном из своих интервью говорил о том, что собирался стать хиппи.

Главный герой другого рассказа «И в бурю, и в ясные дни» (Come Rain or Come Shine, 2009) из сборника новелл «Ноктюрны» (Nocturnes, 2009), предположительно современник К. Исигуро, вспоминает, что в молодости разделял философию хиппи, как многие его сверстники: «My fellow students fell into two broad camps: the hippie types with their long hair and flowing garments who liked ‘progressive rock’, and the neat, tweedy ones who considered anything other than classical music a horrible din» [Ishiguro 2019].

Таким образом, основной конфликт рассказа «Деревня после заката» можно интерпретировать как столкновение живого чувства и рационального рассудка, который уничтожает духовное начало в человеке, конфликт духа и материи в бездуховной социальной среде, в которой ценится лишь материальный успех и внешний лоск. Здесь также уместно будет вспомнить новеллу «Виолончелисты» (Cellists, 2009) из сборника «Ноктюрны», где женщина, от природы наделенная незаурядным музыкальным дарованием, намеренно не развивает его из страха испортить, так как верит, что всякое музыкальное образование только вредит природным талантам людей. Другими словами, героиня новеллы «Виолончелисты» также протестует против современной цивилизации, с ее сугубо материальными ценностями.

Межпоколенческая проблематика молчаливого поколения и бумеров в произведениях К. Исигуро раскрывается также через отношение к детям. Уже в дебютном рассказе «Странная, порой проходящая грусть» автором поднимается проблема отчужденности и отсутствия близости между детьми и родителями. Духовная близость, присущая отношениям матери и ребенка с самого рождения, утрачена. Истоки дистанцированного характера отношений Мичико и Яцуко, главных героинь рассказа, следует искать в различии национального менталитета и мироощущения. Яцуко выросла настоящей англичанкой, впитав западные ценности, а ее мать так и не смогла прижиться в английской провинции и ностальгирует по родной Японии. В этом рассказе К. Исигуро также обращается к теме переживания сложной беременности и вынужденного перемещения. Несмотря на то, что в нем нет прямых описаний военных действий, мы понимаем, какие трагические последствия принесла героине Мичико и ее близким война. Местом действия рассказа, как и дебютного романа «Там, где в дымке холмы», выступает послевоенный Нагасаки, еще не оправившийся от страшного ядерного взрыва.

Данный выбор локации не случаен, так как является частью семейного прошлого К. Исигуро, поскольку мать писателя была в числе выживших после

ядерной катастрофы. Сам писатель родился в Нагасаки в 1954 г. и в течение первых пяти лет своей жизни жил там со своим дедом и родителями. Три года из этих пяти лет его отец работал в Англии, а дедушка выполнял роль главы семьи. Когда К. Исигуро исполнилось пять лет, родители переехали в Англию и взяли его с собой. Писатель констатировал, что его связь с дедом не прервалась, так как родители всегда говорили ему, что они еще вернутся в Нагасаки [Jaggi 2008:116]. Однако этого так и не произошло. Дедушка К. Исигуро умер, когда писатель был в Англии. Это свидетельствует о том, что эмоциональная связь мальчика с дедом была преждевременно прервана, оставив после себя чувство потери, которое пронизывает всю жизнь писателя. К. Исигуро признается в беседе с М. Джагги, что есть ощущение «никогда не возвращаться» в Нагасаки, где ему суждено было вырасти и почувствовать себя совершенно другим человеком, которым он должен был стать. Рассматривая этот факт с более широкой перспективы, можно предположить, что личный опыт К. Исигуро, связанный с потерей деда, его ранними годами в Нагасаки и вынужденным переездом в Англию, отражает потерю, которую город Нагасаки пережил после ядерной катастрофы, разрушившей север города в августе 1945 г. Ю. Тео выражает мнение, что ощущение будущего, которое могло бы быть, но которое внезапно исчезло и безвозвратно изменилось, находит отражение в рассказе «Странная, порой проходящая грусть» и в романе «Там, где в дымке холмы» [Тео 2014: 49]. В интервью, которое К. Исигуро дал С. Маккензи, писатель упоминает о своем чувстве, что его поколение должно помнить войну; даже если некоторые его ровесники не стали свидетелями войны непосредственно, но они выросли в ее тени [The Guardian 2000].

Межпоколенческая проблематика молчаливого поколения и бумеров, связанная с переживанием психологической травмы войны и ее последствий, находит отражение в рассказе «Странная, порой проходящая грусть». Психологическая травма как результат трагического опыта войны могла стать

причиной тяжелого самочувствия как Мичико, так и ее ребенка. Мичико, несуетливая по своей природе, упоминает о том, что они с дочерью были связаны неведомыми силами, из-за чего ее ребенок переживал состояние, аналогичное состоянию матери, которая находилась на тот момент в больнице в разлуке с новорожденным ребенком [Ishiguro 1981a: 14]. Когда состояние матери ухудшается, ребенок беспокоен и не спит, но когда матери становится лучше, то и девочка спит спокойно всю ночь. Героине кажется, что эти незримые узы свяжут ее и дочь на всю оставшуюся жизнь. Данный факт можно соотнести с феноменом передачи межпоколенческой травмы, так как мать пережила последствия войны и ядерной катастрофы в Нагасаки.

Феномен близости матери и ребенка на раннем этапе его жизни также отсылает читателя к японской философской системе воспитания икудзи, важнейший элемент воспитания в которой представляет собой неразрывный телесный и духовный контакт ребенка и матери. Более того, до года мать и дитя в Японии представляет собой практически единое целое. Тесная эмоциональная связь между матерью и ребенком соотносится с понятием «амаэ» в японской культуре. Как отмечает один из ведущих психиатров и психоаналитиков Японии Т. Дои, в японском языке понятие «амаэ» изначально передает чувства, которые каждый ребенок-грудничок испытывает к своей матери – зависимость, стремление быть любимым, нежелание выходить из тепла отношений «мать – дитя» в мир объективной реальности. В Японии данная ментальность в различных своих проявлениях пронизывает всю жизнь индивидуума и общества [Дои 2020: 7].

Повествование из сюжета об эмоциональной привязанности матери и ребенка переходит в рассказ о приезде уже взрослой дочери Яцуко к матери, живущей в английской провинции. Такой переход от раннего детства к зрелым годам Яцуко привлекает внимание к кардинальной смене характера ее взаимоотношений с матерью. Яцуко кажется матери, не проявляющей интерес и раздражительной [Ishiguro 1981a: 13]. Также отмечается, что Яцуко выросла

упрямой и агрессивной и не походила на мягкую и нежную японскую подругу юности Мичико, в честь которой была названа [Ishiguro 1981a: 14]. Создается впечатление, что женщина вместе с именем стремилась передать дочери частичку японского менталитета. Очевидно, что эмоциональная связь между матерью и дочерью навсегда утрачена. Ценности, которые впитали обе дочери Мичико, отличаются от нравов той среды, в которой воспитывалась она сама. Но настораживает здесь даже не то, что дочери Мичико не знают японского языка и культуры, а то, что они не разделяют с матерью память о страшных событиях, которые произошли на их родине и жертвами которых они косвенно являются. В конце рассказа Яцуко просит мать подписать петицию против ядерного вооружения, но упоминает только о «цифрах и фактах» и никогда не говорит о Нагасаки [Ishiguro 1981a: 25]. У матери даже складывается впечатление о том, что дочь забыла, что мать была там. Таким образом, эмоциональная связь матери и дочерей в рассказе зависит не столько от их знаний друг о друге, сколько от того, что дочери не до конца осознают значение прошлого травмирующего опыта своей матери, который не резонирует в их сердцах, а связан с неприятием войны лишь на ментальном уровне. Автор уже в дебютном рассказе обращает внимание на значимость проблемы коллективной памяти для последующих поколений, поскольку отсутствие личного отождествления с ужасами войны без оглядки на память вызывает серьезные опасения повторения фатальных ошибок, приведших к мировой трагедии. Ю. Тео, исследовавший проблему памяти и травмы в произведении К. Исигуро, справедливо отмечает важность передачи последующим поколениям свидетельств о пережитых событиях очевидцами: «With a generation of people who have survived the war disappearing, the work of testimony and witness must be passed on to the next generation so that <...> may continue into the future» [Тео 2014: 49].

Отсутствие близости и понимания между матерью и ребенком приводит к самоубийству Кейко в романе «Там, где в дымке холмы». А герои рассказа

«Молверн Хиллз» (Malvern Hills, 2009), Тило и Соня, пожертвовали ради музыкальной карьеры единственным сыном, который ненавидел школу-интернат, бабушек и дедушек, воспитывавших его, и, в итоге, возненавидел родителей. К. Бэнкс («Когда мы были сиротами») оставляет свою приёмную дочь Дженнифер ради поиска родителей, пренебрегая ее чувствами.

В романе К. Исигуро «Безутешные» также присутствует образ ребенка Бориса, являющегося одновременно сыном главного героя, пианиста Райдера, и одним из его двойников, с помощью которого демонстрируется неосознанная детская травма Райдера. Дисфункциональные семейные отношения Райдера в детстве воспроизводятся во взрослой семейной жизни. Как утверждает А. Брук, Райдер повторяет цикл семейной болезни, отравившей собственную жизнь героя, вымещая свою ярость по отношению к родителям на Софи и маленьком Борисе [Brooke 1995]. Борисом (как и Райдером в детстве) пренебрегает отец, мальчик боится его и одновременно глубоко нуждается в нем. Компенсацией за отчаяние и детские страдания для Райдера становится иллюзия о том, что его семейная жизнь с родителями была здоровой и счастливой. Данная иллюзия нашла свое отражение в фантазиях Бориса о единстве и гармонии его семьи. В фантазии, что, по словам Райдера, Борис разыгрывает снова и снова на протяжении последних двух недель: семья осаждается бандой «головорезов», которые нападают на дом в хорошо организованных волнах террора [Ishiguro 1995: 218]. Затем дедушка Бориса, Густав, призывает «головорезов» оставить их семью в покое и отмечает, что их семья была счастлива до того, как они начали преследовать ее: «This was a very happy home before you started to terrorise it» [Ishiguro 1995: 221–222]. История заканчивается тем, что Райдер благодарит Бориса за спасение семьи: «Now things can be as they were. The way they were before» [Ishiguro 1995: 222]. В этой эскапистской фантазии проблемы семьи приходят извне, а не изнутри, а сын выступает в роли спасителя семьи.

Другая причина столкновения молчаливого поколения и бумеров может заключаться в том, что родители сами не сумели продемонстрировать своим детям модель счастливых отношений и гармоничной семьи. В романе «Там, где в дымке холмы» Эцуко вышла замуж за Дзиро не по любви, а из чувства благодарности за то, что его семья приютила ее, осиротевшую во время войны. Очевидно, что женщина не сумела построить счастливую семейную жизнь. В свою очередь, Ники отвергает перспективу семейной жизни из-за страха повторить судьбу матери и выбирает свой личный путь развития. Эцуко и Ники страдают от переживания «вины выжившего», психического состояния, влияющего на качество «эмоциональной жизни, межличностных отношений, семейного и родительского функционирования» [Тарабрина 2013: 97]. Мать и дочь мучают постоянные кошмары, связанные с Кейко. Родитель, переживший травмирующий опыт, подавляя свои эмоции, стремится освободить свое сознание от болезненных воспоминаний. Сам автор характеризует манеру изложения рассказчицы как язык самообмана: «... the language of self-deception and self-protection.» [Mason 2008: 5]. Таким образом, Эцуко, не вербализировав и не «переработав» психологически свою травму, не сумела передать дочери соответствующий защитный механизм, который помог бы той справиться с переживанием собственного травмирующего опыта [Любеева 2022б: 128].

Последствием переживания травмирующего опыта во взаимоотношениях матери и дочери является и то, что роли родитель – ребенок меняются: ребенок вынужден играть роль стабилизатора для своего тревожного родителя. Данный феномен также находит отражение в сюжете романа «Там, где в дымке холмы». Ники играет своего рода роль «заместительного» ребенка в семье, миссия которого состоит в том, чтобы утешить, отвлечь мать от мучительных страданий и невыносимого чувства вины. И сама Эцуко говорит о приезде Ники как о об определенной миссии: «...she had come to me out of the sense of mission» [Ishiguro 1982: 10]. И. Бозормени-Надь и Х. Стиерлин

называют это «семейным делегированием»: бессознательная передача родителями своим детям ролей и задач, связанных с исправлением ошибок, облегчением страданий, избавлением от тревог. Не всегда эти задачи патологичны, но они могут быть непосильными для неокрепшей детской психики и не соответствовать возможностям и потребностям ребенка [Тарабарина 2013: 97].

Сквозной мотив детоубийства также служит важным аспектом исследования характера, глубины и сложности межпоколенческой проблематики в творчестве К. Исигуро. Общая атмосфера ужаса войны в произведениях часто подкрепляется сообщениями об убийствах детей. В романе «Там, где в дымке холмы» мотив детоубийства и выживания связан с эпизодом утопления ее котят матерью Мариико. Сюжет об убийстве кошки также присутствует в раннем рассказе К. Исигуро «Отравление», где история о жестоком обращении с детьми рассказана подростком, отравившим сначала свою кошку, а затем и девушку Кэрол, не осознавая при этом, что сам является жертвой пренебрежительного и безразличного отношения родителей. По мнению Б. Шеффера, эпизод утопления котят в романе «Там, где в дымке холмы» демонстрирует не только жестокость матери по отношению к дочери, но и садомазохистский характер их взаимоотношений [Shaffer 1998:32]. К. Исигуро отмечает, что Сатико видит, как дочь наблюдает за утоплением котят, но продолжает держать котенка под водой, что может символизировать акт убийства ребенка [Ishiguro 1982: 167]. Тот факт, что Мариико стремится наблюдать убийство, говорит о мазохистском складе характера девочки, так как кажется, что она получает удовольствие от собственных страданий.

Символическое убийство Мариико матерью напоминает отношение Эцуко к Кейко. Сюжет о почти намеренном уничтожении помидоров Эцуко раскрывает, что она обращалась с Кейко так же, как обращалась со своими помидорами. Эцуко попустительски относится к помидорам и тем самым губит их. Таким образом она повторяет риторику Сатико о котятках Мариико.

Кроме того, убийством котят мать хочет избавить дочь от излишних привязанностей, тем самым желая «закалить» и подготовить ее к выживанию в жестоком мире, в котором нет места сентиментальным переживаниям. Из этого следует, что мать перекладывая свой личный негативный опыт на жизнь ребенка, заранее формирует у дочери отрицательное представление об окружающем мире, как о враждебном и опасном месте, что только усложнит ее жизненный путь в будущем [Ishiguro 1982: 165]

Важнейшим аспектом межпоколенческой проблематики молчаливого поколения и бумеров является деструктивное стремление последних к саморазрушению, вызванное подавлением агрессии. Мистический характер присущ необъяснимому интересу Кейко и Мариико к мрачной реке, которая символизирует в романе «Там, где в дымке холмы» смерть, по мнению Б. Шеффера. У героев романа река вызывает одновременно и страх, и необъяснимое влечение. Вспомним, что и Мариико постоянно убегала к реке и даже видела там призрак женщины, утопившей собственного ребенка. Этот факт отсылает нас к теории З. Фрейда о свойственном человеку инстинкте агрессии и саморазрушения [Freud 1955: 162–163]. Триггером для данного деструктивного процесса является то, что личностная агрессия не находит путей выхода во внешний мир и таким образом обращается против собственного «Я». Данный психологический феномен позволяет объяснить причины гнева Кейко и Мариико по отношению к ним же самим. Рассмотрение суицида Кейко с точки зрения психиатрии сопоставим с актом мазохизма. С точки зрения З. Фрейда, моральный мазохизм тесно связан с влечением человека к смерти, т.е. подавляя направленные вовне агрессивные порывы, человек как бы вбирает их в себя. Происходит саморазрушение человека, способствующее возникновению и усилению морального мазохизма. Б. Шеффер предполагает, что самоубийство Кейко связано с ее подсознательным желанием смерти своей жестокой и пренебрежительной матери [Shaffer 1998: 31].

Мотив отчуждённости детей выражается в том, что герои-бумеры дому и семье предпочитают одиночество. Мариико уединяется, бежит из дома на жуткий пустырь, который автор описывает как жуткое и отталкивающее место: «...craters filled with stagnant water and in the summer months mosquitoes became intolerable» [Ishiguro 1982: 11]. В комнате Кейко, из которой она почти не выходила, также царит беспорядок и стоит отвратительный запах: «<...> was in terrible condition. An odour of stale perfume and dirty linen came from within» [Ishiguro 1982: 54]. Почему же дети бегут от семьи, уединяясь в таких жутких местах? Ответ возникает в монологе самой Эцуко о Кейко: «It was for her own protection I opposed her so vehemently» [Ishiguro 1982: 54]. Желая лучшего для своей дочери, как и Сатико, героиня осталась глухой к чувствам и желаниям дочери.

Эгоистичное погружение представителей молчаливого поколения в себя оборачивается непоправимыми ошибками в отношениях с бумерами. Одна из самых нетрадиционных и смелых «японских» героинь К. Исигуро Сатико («Там, где в дымке холмы») строит планы об отъезде в Америку с любовником-американцем Френком, несмотря на то, что ее дочери Мариико это не нравится. Сатико выступает своеобразным двойником Эцуко, осуждая и в то же время оправдывая ее. Эцуко пытается переосмыслить собственные отношения с дочерью и справиться с чувством вины. Поскольку приоритетом для представителей молчаливого поколения является обретение утраченной гармонии, борьба с мировым злом, налаживание личной жизни, это смещает их ракурс с переживаний собственных детей. Такая широкая перспектива не дает им возможность увидеть проблемы тех, кто находится рядом и нуждается в них. В благих намереньях родителей интересы детей часто остаются не услышанными. Таким образом, эмоциональная глухота и неспособность к эмпатии молчаливого поколения является основной причиной отчуждённости их детей.

Особого внимания заслуживает также мировоззренческое столкновение молчаливого поколения и бумеров, которое основывается на разрыве с существующей традицией и утрате корней. Бумеры явно презирают образ мыслей своих родителей и отвергают традиционные семейные ценности. Например, Ники («Там, где в дымке холмы») и Яцуко («Странная, порой проходящая грусть») считают нормальным иметь детей вне брака, или вовсе не выходить замуж и жить с бойфрендами, перенимая американский образ жизни. Эцуко («Там, где в дымке холмы»), воспитанная в традиционной японской семье, этого образа жизни явно не одобряет, хотя и старается демонстрировать вдумчивую и демократичную модель воспитания по отношению к своим дочерям. Причины такого поведения бумеров вполне очевидны: они были воспитаны в мире, где воцарились демократические ценности, а одной из главенствующих категорий признавалась личная свобода [Любеева 2022с: 343].

Бумеров раздражают постоянные ссылки молчаливого поколения на возраст и жизненную мудрость, так как мерилom благополучия для бумеров становятся деньги. «It doesn't matter how old someone is, it's what they've experienced that count» [Ishiguro 1982: 89], – говорит Ники своей матери. Преимущество бумеров перед молчаливым поколением в том, что они способны отпустить былое и идти вперед, не оглядываясь. Ники пытается забыть сестру Кейко, решившую уйти из жизни, в то время как Эцуко погрязла в воспоминаниях и чувстве вины по отношению к Кейко, что не позволяет ей жить в настоящем и быть вовлеченной в жизнь Ники. Мать даже не знает, где именно живет ее дочь Ники. Ники выступает в роли «заместительного» ребенка для своей матери, миссия которого состоит в том, чтобы утешить и отвлечь Эцуко от болезненных воспоминаний и мучительного чувства вины.

Кристофер Бэнкс, главный герой романа «Когда мы были сиротами», также указывает на уникальную способность своей приемной дочери Дженнифер смотреть в будущее с оптимизмом («You're making a marvellous

job of putting the pieces together again <...> I know you have it in you to go on and build a happy future for yourself») [Ishiguro 2000: 149]. О.А. Джумайло указывает на то, что лейтмотивные образы коробки – сундука – ящика (сундук Дженнифер, коробка для овощей, которую выигрывает в лотерею Марико, коллекция личных вещей героев-клонов, коробка с номером Девять Бориса, чемоданы гостей гостиницы как непомерная ноша для Густава и т.д.) символизируют утраченное счастливое прошлое, дом, идентичность, а трансформация этих мотивов в ношу «чемодан – груз» соотносится со значением бремени – боли – груза прошлого [Джумайло 2014: 91]. Мы считаем, что в данном контексте важно обратить внимание на то, как легко с этой ношей расстаются бумеры. На наш взгляд, это обусловлено, прежде всего тем, что они оторваны от своих корней и не идентифицируют себя с материальным миром прошлого. Тогда как представители молчаливого поколения обрекли себя на вечную ношу «груза» прошлого и буквально раздавлены бременем бывшего опыта и вины, без чего они не мыслят своего настоящего.

Своего экзистенциального пика конфликт молчаливого поколения и бумеров достигает в романе «Не отпускай меня», где герои-клоны по своей природе лишены родителей и не способны иметь детей. Современный британский исследователь М. Карри поднимает вопрос о том, почему герои-клоны не только не борются за собственную жизнь, но фактически добровольно идут на самопожертвование в угоду обществу [Currie 2009: 1997].

Роман «Не отпускай меня» назван в честь одноименной песни популярного исполнителя 1960–1980 гг. Э. Хампердинка, где парадокс нежелательной свободы является результатом сравнения любви и заключения. В способах интерпретации звучащей рефреном в романе фразы из песни «Детка, детка не отпускай меня» (Baby, baby never let me go) заложено важное значение для осмысления истоков конфликта между молчаливым поколением и бумерами. Мертвая метафора «ребенка» (baby) в детском воображении Кэти

оживает и понимается буквально, тогда как это явно не совпадает с общим смыслом песни. В воображении Кэти слова этой песни вызывают ассоциации с образом женщины, не способной иметь детей, но которой все-таки посчастливилось испытать радость материнства, что вызывает в ней смешанное чувство счастья и страха за своего ребенка («...she holds this baby very close to her and walks around singing: 'Baby, never let me go...' partly because she's so happy, but also because she's so afraid something will happen, that the baby will get ill or be taken away from her. Even at the time, I realised this couldn't be right, that this interpretation didn't fit with the rest of the lyrics. But that wasn't an issue with me. The song was about what I said, and I used to listen to it again and again, on my own, whenever I got the chance») [Ishiguro 2005: 64]. Совершенно иначе интерпретирует эту сцену и смысл песни в конце романа Мадам, осуществляющая личный патронаж в приюте («I saw a little girl, her eyes tightly closed, holding to her breast the old, kind world, one that she knew in her heart could not remain, and she was holding it and pleading, never to let her go») [Ishiguro 2005: 167]. Некоторое противоречие или парадокс нежелательной свободы встречается в обеих этих интерпретациях. Кэти связывает слова песни с образом матери, находящейся в добровольном плену любви к своему ребенку, но испытывающей страх, что с ним что-то может случиться. Мадам считает, что ребенку угрожает опасность быть отвергнутым старым, добрым миром, который она прижимает к груди, словно своего собственного ребенка.

Если пойти в трактовке еще дальше, то можно усмотреть связь «Не отпускай меня» с притчей Ф. Кафки о привратнике («Процесс», 1925) как аллегории нежелательной свободы главного героя Йозефа К. В притче прохожий, намереваясь пройти через ворота, спорит с капелланом и в конце концов приходит к выводу, что нет ничего героического в сопротивлении. Эта притча отлично передает общую атмосферу художественного мира Ф. Кафки и К. Исигуро в романе «Не отпускай меня», где всё, что происходит с человеком, — это безвыходные ситуации, с которыми нет смысла бороться.

Переживания героев, несмотря на фантастический фон, отсылают к современной реальности, поскольку подобные проблемы и чувства присущи человеку вне зависимости от того, каким образом он пришел в этот мир. Смысл жизни человека может заключаться в обогащении знаний, в получении удовольствий, в сексуальных отношениях и т.д., но все это тщетно при осознании скорой и неминуемой смерти. Однако если данная проблема будет рассмотрена через призму конфликта поколений, возникает вполне предсказуемый вопрос: кто допустил подобное?

Ответ на этот неоднозначный вопрос мы можем увидеть в романе «Не отпускай меня». К. Исигуро изображает высокотехнологичный мир, в котором с помощью клонирования люди победили рак и другие опасные болезни, но вместе с тем общество настолько незрело, что не готово нести ответственность в отношении этической стороны вопроса клонирования. Мадам говорит о том, что общество испугало возможное превосходство «искусственных детей»: «The world didn't want to be reminded how the donation programme really worked. They didn't want to think about you students, or about the conditions you were brought up in» [Ishiguro 2005: 259]. С другой стороны, как утверждает один из самых влиятельных мыслителей XX в. М. Фуко, чтобы подчиняться, надо что-то делать, то есть осуществлять подчинение. Власть не может быть реализована, если тот, на кого она направлена, не способствует продвижению этой власти, подчиняясь ей и исполняя ее [Гапова 2011]. Форма доминирования эпохи бумеров и последующих имеет экономическую, политическую или культурную природу и осуществляется более мягким способом, чем это было раньше. Клоны в романе лишены индивидуальной свободы, личного пространства, возможности для самовыражения, тем не менее, испытывают чувство привилегированности, осознавая, что может быть гораздо хуже, так как им известны и более жестокие примеры обращения с такими как они. В конце романа воспитанники Хейлшема узнают от Мадам о

существовании государственных «домов», где выращивают доноров для медицины в жутких условиях.

3.3 Противостояние миллениалов и цифрового поколения

В XXI веке особенно остро ощущается кризис в отношениях людей, принадлежащих к разным поколениям. В обществе предшествующих эпох человек с самого рождения совершенно четко осознавал свое место и отведенную ему роль, а также существующий порядок взаимодействия разных поколений и передачи жизненного опыта. В современном, стремительно развивающемся мире, каждое последующее поколение сталкивается с новыми вызовами и задачами самоопределения и вынуждено искать свой собственный путь развития. Это приводит к тому, что опыт предыдущих поколений перестаёт полностью отвечать задачам настоящего и будущего, постепенно исчезая из сознания потомков и теряя свою былую ценность.

Ярким примером иллюстрации конфликта миллениалов и цифрового поколения в литературе XXI в. является последний роман К. Исигуро «Клара и Солнце» (*Klara and the Sun*), вышедший в марте 2021 г.

Термин «миллениалы» «Millennial» был предложен У. Штраусом и Н. Хоувом и обозначает людей, родившихся с 1982 по 2002 гг. и встречавших новое тысячелетие в юном возрасте. Поколению «Millennial» посвящены следующие книги Н. Хоува и У. Штрауса: «Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069» (1991) и «Millennials Rising: The Next Great Generation» (2000), «Millennials & K-12 Schools : Educational Strategies for a New Generation» (2008). Молодость миллениалов пришлась на период неопределенности, наступивший вследствие глубоких трансформаций нового тысячелетия и мирового экономического кризиса. В постоянно меняющемся мире мгновенный отклик является единственно приемлемой формой реакции. Технологические инновации, кажущиеся вечной гонкой, становятся символом

власти и единения с миром для миллениалов. Высокий темп жизни вызывает ожидание немедленной отдачи от всех начинаний, из-за чего миллениалы становятся нетерпеливыми. Миллениалы — это самое разнообразное поколение в истории с точки зрения этнического происхождения, географии, языка, возраста, предпочтений в образе жизни, сексуальной ориентации, антропологических характеристик и т.д., что одновременно заставляет их чувствовать себя оторванными от общества или враждебными ему. Для миллениалов иерархия имеет меньшую значимость, чем для других поколений. Представители данного поколения не считают необходимым соответствовать каким-либо стандартам для того, чтобы получить доступ к общественным благам; они стремятся к тому, чтобы выделяться на фоне других членов общества [Сетевое издание «Harvard Business Review Россия» 2017].

Цифровое поколение (также известное как поколение «Z», «The Homeland Generation», «Zoomers», «digital natives», «цифровое поколение») — это люди, рожденные в период между 2003 г. по настоящее время. Дети цифрового поколения растут в атмосфере родительской гиперопеки в эпоху цифровых и мобильных технологий. Существуют серьезные опасения, что из-за чрезмерной опеки родителей дети цифрового поколения могут вырасти из воспитанных, прилежных, сообразительных в наивных, пассивных и эмоционально неустойчивых взрослых [Howe 2008: 110]. Технологизация образовательного процесса и высокий уровень конкуренции в профессиональной среде требует от представителей цифрового поколения сфокусированности, самодисциплины и высокой цифровой компетентности.

Истоки межпоколенческой проблематики в романе «Клара и Солнце» имеют разнообразный характер: это и вечный конфликт отцов и детей, когда молодость хочет доказать свою самостоятельность и самодостаточность; конфликт взаимоотношений поколений в переломную эпоху новой цифровой реальности, когда обостряются вечные и относительно разрешимые

конфликты во времена стабильности; столкновение противоположных точек зрения родителей в отношении выбора будущего для своих детей. Изучив ключевые эпизоды романа и обратившись к его композиции, мы полагаем, что есть также все основания рассматривать конфликт поколений в виде определенной иерархии. Первый слой конфликта в романе представляет собой столкновение отцов и детей, людей разного возрастного и культурного типа. Внутри этого слоя можно усмотреть более острый и актуальный конфликт – конфликт технологий и законов природы. Но и этим не ограничивается глубина и самобытность романа. В ядре конфликта поколений в романе мы отчетливо различаем важную философскую мысль: отчуждение человека нового времени от мира без Бога.

Поскольку временные рамки повествования в романе «Клара и Солнце» не обозначены, точкой отсчета для определения поколенческих границ будет принята дата выхода романа: 2021 год. Исходя из теории Хоува-Штрауса, представителями цифрового поколения будут выступать ведущие персонажи-подростки: Джози, Рик, а основными представителями поколения миллениалов будем считать их родителей: Крисси, Пол, Хелен.

Андроид Клара, выступающая в роли повествовательницы в романе, обладает пиксельным взглядом на мир, который способствует осмыслению причин конфликта «отцов и детей» в романе, так как герои романа проецируют свои чувства на Клару; она же только констатирует происходящее. Данный факт отсылает нас к современному научному направлению объектно-ориентированной метафизики Г. Хармана, который предлагает, «оставив за скобками все, кроме актов сознания», вернуться к «вещам как они есть» [Головашина 2018: 7]. Так, например, Крисси, мать девочки-подростка Джози, в дом к которой Клара попадает, делится с андроидом своими внутренними переживаниями. Крисси – сильная и самостоятельная женщина, но болезнь дочери, вызванная неудачным «форсированием» (генетическая модификация интеллекта с целью его усовершенствования), истощила ее эмоционально и

физически. Джози, тем не менее, стремится продолжать полноценный образ жизни, в то время как ее мать проявляет излишнюю тревожность по этому поводу. Мать девочки можно понять, поскольку ее старшая дочь, Сал, не пережила опасной процедуры.

В сюжете о поездке на водопад Морганс-Фолс между матерью и дочерью вспыхивает конфликт, который возникает на почве того, что Джози пытается скрыть свое плохое самочувствие и поехать в долгожданную поездку, чтобы показать любимое место Кларе, а мать запрещает девочке ехать и объясняет свою жестокость тем, что дочь игнорирует ее чувства. Данное столкновение матери и дочери основано на неизбежных противоречиях отцов и детей, обусловленных самой природой этих отношений. Джози по причине своей юности пытается всеми силами отстоять свое право на полноценную жизнь, а Крисси как самоотверженная и любящая мать стремится уберечь дочь, защитить ее от потенциальной опасности. Таким образом, Джози не способна оценить самоотверженности матери не только из-за юношеского эгоизма, а вследствие естественных инстинктов молодости и жажды жизни.

Далее обратимся к более глубокому слою внешнего конфликта между миллениалами и цифровым поколением в романе «Клара и Солнце»: противостоянию технологий и законов природы. Характерной чертой мира будущего, изображаемого автором, является социальное разделение общества на «форсированных» и «нефорсированных», основанное на роботизации и автоматизации, что, в свою очередь, породило массовую безработицу, когда миллионы людей оказались на улице без средств к существованию. Данное разделение толкает родителей сделать судьбоносный выбор в отношении будущего своих детей. Перед родителями стоит неразрешимая дилемма: форсировать интеллект своих детей, а значит подвергнуть их здоровье риску, но таким образом дать им «билет в жизнь», или не форсировать, следовательно, обречь своих детей на вечное прозябание. Противоположные способы разрешения этого конфликта воплощают главные идейные

антагонисты романа: Крисси, мать Джози, и Хелен, мать Рика. Крисси решает пойти на риск и не форсировать интеллект Джози, оправдывая это тем, что жить не по законам, диктуемым современным обществом, значит поставить крест на себе. Хелен придерживается противоположной точки зрения и не готова рискнуть здоровьем своего сына Рика, хотя и возлагает последние надежды на его незаурядный ум и природную одаренность. Универсального пути разрешения данного конфликта нет и быть не может, что делает каждую из матерей в романе несчастной по-своему, так как здоровье и благополучие их детей зависит от сделанного ими выбора.

И, наконец, обратимся к ядру конфликта поколений в «Кларе и Солнце»: отчуждению человека нового времени от мира без Бога. Само название романа свидетельствует о том, что текст не просто повествует о взаимоотношениях робота и девочки-подростка, иначе бы он назывался «Клара и Джози». Солнце для Клары – это источник жизни, ведь она получает питание от Солнца. Оно, по мнению Клары, спасает нищего Попрошайку [Ishiguro 2021: 43]. Кроме того, Клара уверена, что Солнцу не нравится загрязнение окружающей среды — прямое следствие технического прогресса. К Солнцу Клара тайно обращается с молитвой о спасении Джози [Ishiguro 2021: 174]. В то же время Солнце требует определенного рода послушания и веры. Клара — единственная, кто борется со смертью и не теряет веры в исцеление Джози. С этой стороны роман можно рассматривать как приглашение к разговору о скрытой сути язычества и христианства. Родители не верят в спасение Джози и не надеются на чудо, а скорее полагаются на современные научные достижения. Мама Джози даже готовит себе замену Джози — программу, которая после смерти Джози будет «загружена» в сознание андроида Клары и которая должна будет стать «продолжением» ее [Ishiguro 2021: 174]. Любовь матери эгоцентрична, в то время как любовь робота безусловна. Все это наводит на мысль, что пара «Клара и Солнце» является метафорой отношений Робота и Бога в романе.

Люди, утратившие веру, надежду и любовь, брошены на выживание в вечной гонке высокотехнологичного мира, в то время как тихие молитвы робота услышаны: Джози в конце романа выздоравливает. Теперь в Кларе перестают нуждаться и она оказывается на свалке списанных роботов. Однако и там она продолжает верить как в добро, так и Солнце и следовать заложенной в нее программе. В связи с заглавием романа также важна мысль автора об олицетворении и наделении ИИ качествами и душой человека, ведь Клара способна переживать почти гамлетовский комплекс сомнений, когда речь идет о конфликте «нравственных ценностей разного Времени» [Меркулова 2006: 33]. Рассуждая на тему детской влюбленности Рика и Джози, Клара задается вопросом об истинности любви подростков («How can we be sure? What can children know about genuine love?») [Ishiguro 2021: 176].

Интертекстуальность в романе также можно увидеть в сближении сюжетов романа «Клара и Солнце» и романа американского писателя Ф. Дика «Мечтают ли андроиды об электрических овцах?» (Do Androids Dream of Electric Sheep, 1968), основная тема которого заключается в том, что человечество создало андроидов, которые в результате стали человечнее людей. В романе «Клара и Солнце» К. Исигуро намеренно изображает андроида Клару более человеческой, чем обычных героев-людей, чтобы показать деградацию общества и кризис гуманизма.

Интересная параллель преемственности прослеживается между романом «Клара и Солнце» и мифом Платона о пещере в его знаменитом труде «Государство» IV до н. э. [Платон 2013], который является аллегорией на представления идей человека о реальном мире. Как известно, миф Платона о пещере является первой утопией в мировой литературе. Согласно Платону, пещера выступает символом чувственного мира, в котором обитают все люди, живущие на Земле. Все они, словно узники в пещере, полагают, что познают реальность. Такое представление является иллюзорным, поскольку о том, что происходит в реальном мире, они могут судить лишь по ускользающим теням

предметов, которые время от времени видят на стенах пещеры. Таким образом, люди в своем большинстве не в состоянии оторваться от иллюзорности повседневного восприятия действительности. Подобно узникам в мифе Платона, Клара обращается к Солнцу – источнику света. Узники отделены от источника света ширмой, Клара видит, что ее отделяет от Солнца робот «КОТЭ-машина» – источник загрязнения окружающей среды – и даже намеревается уничтожить его, чтобы доказать свою преданность Солнцу и спасти Джози. Интересно, что в итоге Платон приходит к выводу: восприятие людей опосредовано их искаженным представлением о реальности, соответственно, представление робота Клары является кривым зеркалом, демонстрирующим иллюзорность человеческих представлений о мире и себе в соответствии с учением древнегреческого философа о реальности.

Авторская концепция философской глубины межпоколенческой проблематики миллениалов и цифрового поколений в современной антиутопии К. Исигуро «Клара и Солнце» заключается в том, что лишь истинная человечность: любовь, вера, надежда, ценность и уважение к человеческой личности, а также доброе отношение ко всему живому способны спасти человека нового времени от отчуждения и одиночества в мире стремительного технологического процесса. Необходимо воскресить ценность вечных истин.

Отдельного внимания в рамках настоящего исследования также заслуживает роман К. Исигуро «Погребенный великан» (*The Buried Giant*, 2015). Роман повествует о средневековой Англии периода V – VI вв., однако как отмечает отечественный исследователь Б. М. Проскурнин, «...всякий исторический романист, как бы глубоко он ни уходил в прошлое, на самом деле стремится сказать что-то важное о современности, заострить внимание на принципиальных для него проблемах и вопросах своего времени, истоки которых он видит в исторической дали и о последствиях необдуманных (спорных, противоречивых) решений которых он хотел бы предупредить»

читателей» [Проскурнин 2013: 216]. Отечественный историк-медиевист А. Гуревич, говоря о периоде раннего Средневековья, считает, что «Существенным аспектом времени был счет поколений. Определив принадлежность лица к тому или иному поколению или установив их последовательность, получали вполне удовлетворявшее представление о связи событий, о ходе вещей и обоснованности правовых притязаний. Понятие поколений воспроизводило ощущение живой преемственности, органических человеческих групп, в которые индивид включался как реальный носитель связей, соединяющих настоящее с прошлым и передававших их в будущее... На каждом хуторе, поселке, общине время текло, подчиняясь смене поколений» [Гуревич 1984:109]. Именно поэтому пожилой паре бриттов, главным героям романа «Погребенный великан», Акселю и Биатрис, пребывающим в забвении, так важно найти сына, чтобы не прерывалась связь поколений.

В статье «Художественный мир Средневековья в романе К. Исигуро "Погребенный великан"» (2017) [Селитрина 2017] Т.Л. Селитрина полагает, что «Погребенный великан» является своего рода романом-предупреждением будущим поколениям «... поскольку во взаимоотношениях людей существует лишь один выход – мирное и разумное сотрудничество между нациями и народами» [Селитрина 2017: 97]. Кроме того, повествование о судьбе супружеской пары Акселя и Беатрисы переходит в размышление о человеческой жизни в целом. Так, например, Аксель раскаивается в том, что, не сумев простить Беатрис измену, не позволил ей посетить могилу сына, который ушел из дома из-за разногласий родителей и умер от чумы в близлежащей деревне. Аксель и Беатрис, то ли из-за таинственной хмари, окутавшей Англию, то ли из-за глубокого чувства вины, забывают прошлое и самое главное то, куда подевался их сын. Спасительная амнезия помогает пожилой паре забыть болезненный опыт и мучительное чувство вины. Таким образом, автор демонстрирует, что за неумение прощать родителей

расплачивается их ребенок. Здесь очевидна аллюзия на ветхозаветное суждение о том, что последующие поколения (называются цифры четыре или семь) будут расплачиваться за грехи отцов. В Книге «Бытие» Библии говорится, что сын Хама Ханаан и его потомство были прокляты и несли проклятие за грех, совершенный Хамом, и проклятие было произнесено отцом Хама Ноем [Миссионерско-апологетический проект «К истине» 2007].

Следовательно, К. Исигуро в романе о Средневековье отстаивает вечные истины: умение прощать, благородство, понимание, покаяние и одновременно указывает на сложность человеческой жизни и влияние совершённых поступков на жизнь будущих поколений.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Подводя итоги размышлениям над характером конфликта между поколениями в произведениях К. Исигуро, отметим, что в большинстве своем конфликт ярко не выражен. Тем не менее, при более детальном рассмотрении текстов становится очевидным, что они рассказывают о разрыве культурных и поколенческих связей, распаде семьи, отрицании традиций и одиночестве человека в современном мире. Проанализировав произведения К. Исигуро, мы констатируем, что межпоколенческая проблематика имеет специфический и универсальный характер. Данная систематизация нашла отражение в приложении к настоящей диссертации (Таблицы 3.1 и 3.2 Приложения).

К универсальным межпоколенческим проблемам в произведениях К. Исигуро мы относим: безотцовщина, столкновение традиционных и демократических взглядов, утрата близости, потеря коллективной памяти, пренебрежение родителями детей.

В ходе проведенного анализа мы приходим к выводу, что проблему «безотцовщины» можно также рассматривать как универсальную межпоколенческую проблему, так как она, во-первых, заложила основу для антагонизма величайшего и молчаливого поколений («мотив отцеубийства» в романе «Художник зыбкого мира»), а во-вторых, встречается в поколенческой паре молчаливое поколение – бумеры и выражается в форме дефицита отца в жизни ребенка (избегание Бориса Райдером в романе «Безутешные»).

Универсальная межпоколенческая проблема столкновения традиционных и демократических взглядов встречается в поколенческих парах: величайшее – молчаливое поколения и молчаливое поколение – бумеры. Так, например, главная героиня романа «Художник зыбкого мира» Эцуко, олицетворяющая молчаливое поколение, придерживается традиционных ценностей и не одобряет западноориентированного образа жизни своей дочери Ники, которая воплощает демократическую модель

поведения (бумеры).

В большинстве случаев поколенческого взаимодействия в основе конфликта поколений лежит отсутствие близости между представителями отдельно взятых поколений. Носильщик Густав окончательно утрачивает близость с дочерью Софи в романе «Безутешные». Отец и дочь не разговаривают друг с другом на протяжении многих лет, что может являться следствием распада традиционной семьи.

Проблема потери коллективной памяти встречается в парах молчаливое поколение – бумеры и миллениалы – цифровое поколение. К примеру, дочери героини-японки Мичико из рассказа «Странная, порой проходящая грусть» не знают японского языка и культуры и не разделяют с матерью память о трагедии в Нагасаки, жертвами которых они косвенно являются. В конце рассказа Яцуко просит мать подписать петицию против ядерного вооружения, но она упоминает только «цифры и факты» и никогда не говорит о Нагасаки, демонстрируя отсутствие личного отождествления с трагедией, свидетелем которой является ее мать.

Проблема пренебрежения родителями детей наблюдается в поколенческих парах: величайшее – молчаливое поколения, а также молчаливое поколение – бумеры; бумеры – миллениаллы, которые можно рассматривать как инварианты межпоколенческого взаимодействия. Тринадцатилетний подросток Джон из рассказа «Отравление», испытывающий на себе безразличие родителей, выплескивает свою агрессию во внешний мир, что приводит к трагическим последствиям.

Специфическими межпоколенческими проблемами в исследуемых поколенческих парах являются:

- величайшее поколение – молчаливое поколение: обвинение поколения «отцов» в том, что они привели мир к войне, противоречия между учеником и учителем (лидером и последователем), непомерные ожидания родителей;

- молчаливое поколение – бумеры: повторение дисфункционального сценария семейных отношений, парадокс нежелательной свободы;

- миллениалы – цифровое поколение: конфликт отцов и детей в отношении выбора детьми будущего (форсировать/ не форсировать интеллект).

В настоящей главе мы также приходим к выводу, что универсальные («вечные») проблемы в произведениях К. Исигуро приобретают определенную специфику: конфликт отцов и детей в отношении выбора детьми своего будущего (выбор форсировать/ не форсировать интеллект детей в романе «Клара и Солнце»); противоречия между учеником и учителем (конфликт между лидером и последователем в романе «Художник зыбкого мира»).

Непомерные ожидания, возлагаемые представителями величайшего поколения на своих детей, вызывают в детях одновременно чувство вины и жажду освобождения от пут, что выливается в серьезную межпоколенческую проблему. На начинающего молодого пианиста Штефана («Безутешные») возложено бремя высоких музыкальных ожиданий его родителей и их постоянное разочарование в нем. Низкая самооценка, вызванная тем, что родители предъявляли к герою завышенные требования, становится помехой на пути развития Штефана как музыканта.

Мы считаем, что ряд специфических межпоколенческих проблем детерминирован психологическими особенностями реагирования представителей поколений на вызовы своего времени (повторение дисфункциональных сценариев семейных отношений, парадокс нежелательной свободы). Специфическую межпоколенческую проблему повторения дисфункционального сценария семейных отношений, которая встречается в паре молчаливое поколение – бумеры, олицетворяет Райдер, главный герой романа «Безутешные». Райдер повторяет цикл семейной

болезни, отравившей его собственную жизнь, вымещая свою ярость по отношению к родителям на Софи и маленьком Борисе. Борисом (как и Райдером в детстве) пренебрегает отец, мальчик боится его и одновременно глубоко нуждается в нем. Компенсацией за отчаяние и страдания в детстве для Райдера становится иллюзия о том, что его семейная жизнь с родителями была здоровой и счастливой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом исследования стало раскрытие своеобразия художественного воплощения проблемы поколений в творчестве К. Исигуро. Для этого были проанализированы основные аспекты внутр поколенческой и межпоколенческой проблематики произведений К. Исигуро. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ исследуемых произведений К. Исигуро, что позволило выявить и охарактеризовать особенности художественного воплощения внутр поколенческой и межпоколенческой проблематики на композиционном, образном, мотивном и идейном уровнях художественных текстов.

Отталкиваясь в исследовании от социологической теории архетипов-когорты Хоува-Штрауса, были выделены и описаны портреты следующих поколенческих циклов: величайшее и молчаливое поколения, бумеры, миллениалы и цифровое поколение. На основе портретных характеристик представителей вышеуказанных поколений был описан круг внутр поколенческих и межпоколенческих проблем, присущих каждому поколению. Проведя подробный анализ внутр поколенческой и межпоколенческой проблематики поколений в творчестве К. Исигуро, мы приходим к выводу, что внутр поколенческие и межпоколенческие проблемы могут иметь как универсальный (общечеловеческий) характер и затрагивать любой поколенческий цикл, так и специфический, составляя отличительную черту поколения (поколенческих пар) на конкретном историческом этапе.

Большинство проблем, с которыми встречаются отдельные поколения, имеет универсальный характер, в основе которого лежит вечный конфликт отцов и детей, когда молодость хочет доказать свою самостоятельность и самодостаточность. Универсальные («вечные») проблемы в произведениях К. Исигуро приобретают определенную специфику: конфликт отцов и детей в отношении выбора детьми своего будущего: форсировать/ не форсировать

интеллект; противоречия между учеником и учителем (лидером и последователем). В основе универсальной проблематики зачастую лежит стремление индивида к самореализации (личностной, профессиональной, творческой, общественной). Объединяет поколения прежде всего общность средств, которыми пользуются представители каждого отдельного поколенческого цикла для выполнения тех или иных задач. Специфику их различий характеризует отличие социально-исторического местоположения.

Так, например, мы видим, что представители разных поколений сталкивались с проблемой «безотцовщины», связанной с отрицанием фигуры отца. Однако если причины этой проблемы для поколений I пол. XX в. (молчаливое и величайшее поколения) связаны с последствиями войны и разрушением унаследованной системы ценностей (гибель родителей во время войны у Эцуко, Сары Хэммингз; противоречиями взглядов на войну Оно и его зятьев), то для бумеров и миллениалов истоки данной проблемы кроются в социальном кризисе II пол. XX – начала XXI в. («бегство» Пола от общества; служение Райдера интересам публики). С другой стороны, проблему «безотцовщины» можно рассматривать и как специфическую межпоколенческую проблему, так как она заложила основу для антагонизма величайшего и молчаливого поколений («мотив отцеубийства»).

В работе нами отмечаются универсальные проблемы, обусловленные крахом традиционной системы и сменой мировоззренческих парадигм в послевоенном обществе: столкновение традиционных и демократических взглядов, распад семьи и утрата дома, утрата близости, потеря коллективной памяти, отчуждающее отношение к материнству. При этом фиксируются тенденции к разделению и кризисному состоянию общества (кризис идентичности), которые наблюдаются у всех рассматриваемых поколений. Различные способы преодоления данного кризиса (конформизм, многообразные формы эскапизма, профессиональная самозабвенность) характеризуют специфику различий поколений.

Отдельно выделяется круг специфических внутр поколенческих и межпоколенческих проблем, связанных с ригидностью взглядов величайшего поколения и их неготовностью менять привычную картину мира (слепое служение долгу, спасительный самообман, непомерные ожидания, возложенные на детей; пренебрежение родителей детьми). Проблема пренебрежения родителями детей также встречается в поколенческих парах: молчаливое поколение – бумеры; бумеры – миллениаллы, которые можно рассматривать как инварианты межпоколенческого взаимодействия. Это свидетельствует о том, что данный вопрос приобрел универсальный характер. Ряд специфических межпоколенческих проблем вызван психологическими особенностями реагирования представителей поколений на вызовы своего времени (повторение дисфункциональных сценариев семейных отношений, парадокс нежелательной свободы). Проблема жестокости из открытой формы проявления агрессии (открытая агрессия из-за осуждения войны) у молчаливого поколения трансформируется в скрытую форму (агрессия к матери) бумеров и миллениалов и воплощается в буллинг в XXI в.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что специфические внутр поколенческие проблемы поколений конца XX – начала XXI в. (миллениалы и цифровое поколение): стремление к стадности, некоммуникабельность, дефицит живого общения, нерациональное потребление, проблема «черного ящика» вызваны стремительным технологическим прогрессом, последствия которого человечество не всегда успевает и способно осмыслить.

Основное место среди специфических проблем конца XX – начала XXI в. в творчестве К. Исигуро отводится вопросам вмешательства человека в фундаментальные законы природы, определения и критериев смерти, дегуманизации, что, если смотреть шире, отсылает нас к глубокой рефлексии по поводу осмысления экзистенциальных границ человека. Таким образом, через внутр поколенческую и межпоколенческую проблематику К. Исигуро

изображает в своих произведениях важные изменения, происходящие в обществе I пол. XX – начала XXI вв. и выражает свое отношение к ним.

К перспективам нашего исследования можно отнести изучение, с одной стороны, внутр поколенческой проблематики других поколений (потерянное поколение (1883–1900 гг.), поколение «X» (1961 – 1980 гг.)), которые в меньшей степени представлены в творчестве К. Исигуро, а с другой – анализ проблематики в также малочисленных инвариантах межпоколенческого взаимодействия (величайшее поколение и бумеры; молчаливое поколение и миллениалы; бумеры и миллениалы). Мы полагаем, что изучение поколений в творчестве К. Исигуро не исчерпывается приоритетом исключительно исследованной нами в работе проблематики, структуры образа и конфликта, а охватывает все уровни анализа художественного текста, поэтому интересно было бы также установить возможные связи изображения поколений с элементами композиции, сюжета, спецификой жанра и т.п.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андроникова, М. И.** Портрет. От наскальных рисунков до звукового фильма : сборник / М. И. Андроникова. – Москва : Искусство, 1980. – 436 с. – ISBN 978-5-604411-2-4. – Текст : непосредственный.
2. **Аникин, Г. В.** Английский роман 60-х годов XX века : учебное пособие для филологических специальностей / Г. В. Аникин. – Москва : Высшая школа, 1974. – 103 с. – Текст : непосредственный.
3. **Барковская, Н. В.** Теория литературы : учебное-методическое пособие / Н. В. Барковская, Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. – 75 с. – Текст : непосредственный.
4. **Белова, Е. Н.** Поэтика романа Кадзуо Исигуро "Не отпускай меня": к проблеме художественного мультикультурализма : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» (литература стран германской и романской языковых семей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белова Екатерина Николаевна. – Воронеж, 2012. – 19 с. – Текст : непосредственный.
5. **Бенедикт, Р.** Хризантема и меч: Модели японской культуры / Р. Бенедикт. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – 360 с. – ISBN 978-5-02-039639-5. – Текст : непосредственный.
6. **Берн, Э.** Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений: Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – пер. с англ.; общ. ред. М. С. Мацковского; [послесл. Л. Г. Ионина, М. С. Мацковского]. – Санкт-Петербург : Унив. кн. ; Москва : АСТ, 1996. – 397 с.– ISBN 5-7841-0226-5. – Текст : непосредственный.
7. **Беспалов, А. Н.** Структура портретных описаний в художественном тексте среднеанглийского периода : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Беспалов Алексей Николаевич. – Москва, 2001. – 160 с. – Текст : непосредственный.

8. **Боуэн, М.** Теория семейных систем Мюррея Боуэна: основные понятия, методы и клиническая практика / М. Боуэн. – под ред. К. Бейкер, А. Я. Варги ; [пер. с англ. под общ. ред. В. И. Белопольского, пер.: А. Боковиков и др.]. – 2-е изд. – Москва : Когито-Центр, 2008. – 494 с. – ISBN 978-5-8935-3243-2. – Текст : непосредственный.
9. **Вераксич, И. Ю.** Зарубежная литература. XX век : курс лекций / И. Ю. Вераксич. – Мозырь : МГПУ им. Н. П. Шамякина, 2010. – 252 с. – ISBN 978-985-477-419-0. – Текст : непосредственный.
10. **Герасимова, С. А.** Коммуникативный потенциал методической записки как жанра учебно-дидактического дискурса : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Герасимова Светлана Анатольевна. – Москва, 2011. – 239 с. – Текст : непосредственный.
11. **Гурович, Н. М.** Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий : словарь / Н. М. Гурович, гл. науч. редактор Н. Д. Тamarченко / редкол. : М. М. Гиршман, М. Н. Дарвин, Д. М. Магомедова, А. Е. Махов [и др.] ; под науч. ред. Н. Д. Тamarченко. – Москва : Издательство Кулагиной : Intrada, 2008. – 358 с. – ISBN 978-5-903955-01-5.
12. **Джумайло, О. А.** Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг. : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» (английская литература) : дис. ... д-ра филол. наук / Джумайло Ольга Анатольевна. – Москва, 2014. – 395 с. – Текст : непосредственный.
13. **Джумайло, О. А.** Против сентиментальности: Иэн Макьюэн / О. А. Джумайло. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы. – 2010. – №6. – С. 242–260.
14. **Добреньков, В. И.** Социология : учебник [в 3-х т.] / В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. – Москва : ИНФРА-М, 2000. – Т. 3. – 519 с. (Учебник). – ISBN 5-160-00-365-7. – Текст : непосредственный.

15. **Дои, Т.** Структура амаэ. Фундаментальный анализ японского характера / Т. Дои. – пер. с англ. Сиренко И. Н. – Москва : Серебряные нити, 2020. – 200 с. – ISBN 978-5-8916-3273-8 – Текст : непосредственный.
16. **Есин, А. Б.** Принципы и приемы анализа литературного произведения : учебное пособие / А. Б. Есин. – Москва : Флинта, 2000. – 248 с. – ISBN 5-89349-049-5. – Текст : непосредственный.
17. **Ивашева, В. В.** Литература Великобритании XX века : учебник для студентов филологических специальностей вузов / В. В. Ивашева. – Москва : Высшая школа, 1984. – 488 с. – Текст : непосредственный.
18. **Лисенко, А. Р.** Конфликт отцов и детей в немецкой драме XX века : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» : дис. ... канд. филол. наук / Лисенко Анжела Рафизовна. – Казань, 2014. – 202 с. – Текст : непосредственный.
19. **Лунина, В. Л.** Повествовательные формы в ранних романах Марина Эмиса: «Записки о Рейчел», «Мертвые младенцы», «Успех» : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лунина Вера Леонтьевна. – Нижний Новгород, 2014. – 26 с. – Текст : непосредственный.
20. **Любеева С. В.** Портрет поколения “The Silent” в романах К. Исигуро «Там, где в дымке холмы» и «Художник зыбкого мира» / С. В. Любеева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Москва. – 2021. – Т. 14. – № 11. – С. 3349–3352.
21. **Любеева С. В.** Феномен межпоколенческой передачи психической травмы в дебютных произведениях К. Исигуро / С. В. Любеева. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование». – 2021. – №4 (44). – С. 124–130. – DOI : 10.25688/2076-913X.2021.44.4.12.
22. **Любеева С. В.** Характер конфликта между поколениями “Silent” и “Boomer” в творчестве К. Исигуро / С. В. Любеева. – Текст :

- непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №2 (15). – С. 341–345.
- 23. МакЭван, И.** Цементный садик / I. McEwan, [пер. с англ. Н. Холмогоровой]. – Москва : РОСМЭН-ПРЕСС, 2008. – 187 с. – ISBN 978-5-3530-3052-2. – Текст : непосредственный.
- 24. Мангейм, К.** Очерки социологии знания : Проблема поколений - состязательность - экон. амбиции / Карл Мангейм; [Пер. с англ. Е. Я. Додина]. – Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – Москва : ИНИОН РАН, 2000. – 162 с. – ISBN 5-248-01334-8. – Текст : непосредственный.
- 25. Мангейм, К.** Проблема поколений / К. Мангейм; [Пер. В. Плуногьяна, А. Урманчиева]. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 30. – С. 7–47.
- 26. Маркузе, Г.** Очерк об освобождении : Перевод с англ. / Г. Маркузе. – Москва : Прогресс, 1970. – 80 с. – Текст : непосредственный.
- 27. Меркулова, М. Г.** Ретроспекция в трагедии Шекспира "Гамлет" / М. Г. Меркулова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 33–43.
- 28. Михайлова, Е. В.** Дидактическая модель совершенствования речевых умений учащихся на материале портрета как жанра / Е. В. Михайлова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Института непрерывного педагогического образования. – 2000. – № 2. – С. 177–180.
- 29. Невская, П. В.** Особенности портретных описаний в художественных произведениях / П. В. Невская. – Текст : непосредственный // Европейская наука XXI века : материалы IX междунар. науч.- практ. конф. (Пшемысль, 07–15 мая 2013) / редкол. : К. Gawlik, G. Lubelski, L. Petelenz, P. Doscielniak [и др.]. – Пшемысль : Наука и студия, 2013. – С. 67–71.

30. **Нестеренко, Ю. С.** Национальная картина мира в романах Кадзуо Исигуро : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» (западноевропейская литература) : дис. ... канд. филол. наук / Нестеренко Юлия Сергеевна. – Москва, 2019. – 250 с. – Текст : непосредственный.
31. **Овчинников, В. В.** Сакура и дуб / В. В. Овчинников. – Москва : Дрофа-Плюс, 2006. – 512 с. – ISBN 5-9555-1034-6. – Текст : непосредственный.
32. **Ортега-и-Гассет Х.** Вокруг Галилея (схема кризисов) : сборник трудов / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды : пер. А. М. Руткевич ; под ред. И. Л. Шестернина. – Москва : 2-е изд. ИНФРА-М., Весь Мир, 2000. – С. 233–388. – ISBN 5-7777-0016-0. – Текст : непосредственный.
33. **Павлова, О. А.** Категории "история" и "память" в контексте постколониального дискурса: на примере творчества Дж. М. Кутзее и К. Исигуро : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» (западноевропейская литература) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Павлова Ольга Александровна. – Москва, 2012. – 18 с. – Текст : непосредственный.
34. **Пищик, В. И.** Личностные черты и ментальность поколений / В. И. Пищик. – Текст : непосредственный. – ISBN 978-5-905897-01-6. // Вопросы. Гипотезы. Ответы: наука XXI века. – коллективная монография / И. Н. Ковалева [и др.]. – Краснодар : Априори, 2014. – С. 37–50.
35. **Платон, Государство** / Платон. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений в одном томе. – Москва : Альфа-книга, 2013. – С. 748–971. – ISBN 978-5-9922-0990-7.
36. **Родионова, Н. А.** Типы портретных характеристик в художественной прозе И. А. Бунина: Лингвостилистический аспект : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Родионова Наталья Альбертовна. – Самара, 1999. – 200 с. – Текст : непосредственный.

37. **Серикова, Л. В.** Портрет персонажа в прозе В. М. Шукшина : Системное лексико-семантическое моделирование : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Серикова Лидия Валерьевна. – Барнаул, 2004. – 23 с. – Текст : непосредственный.
38. **Сидорова, О. Г.** Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» (западноевропейская литература) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Сидорова Ольга Григорьевна. – Москва, 2005. – 34 с. – Текст : непосредственный.
39. **Сизова, К. Л.** Типология портрета героя (на материале художественной прозы И.С. Тургенева) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сизова Ксения Леонидовна. – Воронеж, 1995. – 16 с. – Текст : непосредственный.
40. **Сороковых, Г. В.** Профессионализм и мастерство учителя иностранного языка / Г. В. Сороковых. – Текст : непосредственный // Учитель. Личность. Реформатор : монография / Е. М. Вишневецкая, А. Ф. Латыш, Г. В. Сороковых [и др.] ; под науч. ред. Г. В. Сороковых, Т. И. Жарковой. – Москва : Перспектива, 2020. – Разд. 3. – С. 29–53. – ISBN 978-5-98594-686-4.
41. **Стрельцов, Д. В.** Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии / Д. В. Стрельцов – Текст : непосредственный // Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов : общероссийская научная конференция (Москва, 19 декабря 2014) / редкол. : О. В. Кистанов, В. Н. Павлятенко, Т. И. Суркова. – Москва: Российское японоведение сегодня, 2015. – С. 38–45. – ISBN 978-5-8381-0300-0.
42. **Сырица, Г. С.** Язык портрета в романах Л. Н. Толстого "Война и мир" и "Воскресенье" : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд.

- филол. наук / Сырица Галина Стефановна. – Москва, 1986. – 254 с. – Текст : непосредственный.
- 43. Тамарченко, Н. Д.** Теория художественного дискурса : учебное пособие / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; под ред. Н. Д. Тамарченко. – Москва : Academia, 2004. – 512 с. – ISBN 5-7695-1413-2 (Т.1). – Текст : непосредственный.
- 44. Тищенко, П. Д.** Био-власть в эпоху биотехнологий : научное издание / Д. П. Тищенко. – Москва : Институт философии РАН, 2001. – 178 с. – ISBN 5-201-02056-9. – Текст : непосредственный.
- 45. Толкачев, С. П.** Мультикультурное пространство и мультикультурная литература / С. П. Толкачев. – Текст : непосредственный // Культура "Пост" как диалог культур и цивилизаций : монография / ред. М. К. Попова, В. В. Струкова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2005. – С. 187–201. – ISBN 5-9273-0872-4.
- 46. Хализев, В. Е.** Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – Москва : Высшая школа, 2004. – 405 с. – ISBN 5-06-005217-6. – Текст : непосредственный.
- 47. Шутценбергер, А. А.** Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / А. А. Шутценберг. – пер. с франц. Масалков И. К. – Москва : Изд-во Института психотерапии, 2005. – 256 с. – ISBN 978-5-903182-22-0. – Текст : непосредственный.
- 48. Юнг, К.** Архетип и символ / К. Юнг. – пер. с нем. А. М. Руткевича, В. М. Бакусева и др. – Москва : Ренессанс, 1991. – 297 с. – ISBN 5-7664-0462-X. – Текст : непосредственный.
- 49. Юркина, Л. Ю.** Портрет : учебное пособие / Л. Ю. Юркина – Текст : непосредственный // Литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. – Москва : Наука, 1998. – С. 181–186.

50. **Юттнер, Ф.** Судьбоанализ в выводах / Ф. Юттнер. – пер. с нем. А. В. Тихомирова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 261 с. – ISBN 5-7584-0032-7. – Текст : непосредственный.
51. **Amis, K.** Lucky Jim / K. Amis, D. Lodge (Introduction). – London : Penguin Classic, 2002. – 250 p. – ISBN 0140186301. – Текст : непосредственный.
52. **Amis, K.** That Uncertain Feeling / K. Amis. – London : V. Gollancz, 1984 – 256 p. – ISBN 0575034807 – Текст : непосредственный.
53. **Amis, M.** Einstein's Monsters / M. Amis. – New York : Vintage Books, 1990. – 149 p. – ISBN 0-679-72996-8. – Текст : непосредственный.
54. **Araki, K.** Mental Health Activities for Evacuees of the Volcanic Eruption of Mt. Unzen-Fugen: Crisis Intervention of a Psychiatrist / K. Araki. – Текст : непосредственный // *Psychiatria et Neurologia Japonica*, 97. – 1995. - № 7. – P. 430-444.
55. **Asukai, N.** Contributing Factors to Post-Disasters Stress Symptoms Among Office Workers Who Survived the 1995 Hanshi-Awaji Earthquake / N. Asukai, Y. Miyake. – Текст : непосредственный // *Clinical Psychiatry*, 40. – 1998. - № 80. – P. 889-895.
56. **Bigsby, C.** In Conversation with Kazuo Ishiguro / C. Bigsby. – Текст : непосредственный // *Conversations with Kazuo Ishiguro* / edited by B. Shaffer, C. Wong. – Jackson : University Press of Mississippi, 2008. – P. 15–26. – ISBN 978-1-934110-61-4.
57. **Blades, A.** Mrs Torture and the Widow: Margaret Thatcher in British Fiction / A. Blades, S. Pitina – Текст : непосредственный // *Footpath : A Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities*. – 2013. – № 7. – P. 13–30.
58. **Bradbury, M.** The Modern British Novel / M. Bradbury – London : Penguin Books – 2001. – 656 p. – ISBN 978-0140296952. – Текст : непосредственный.

59. **Brooke, A.** Leaving Behind Daydreams for Nightmares / A. Brooke. – New York : Wall Street Journal, 11 oct. 1995. – Текст : непосредственный.
60. **Brokaw, T.** The Greatest Generation / T. Brokaw – New York : Random House Trade Paperbacks, 2001. – ISBN 0-8129-7529-4. – Текст : непосредственный.
61. **Bentley, N.** Punk, Prog Rock, and Thatcherism in Jonathan Coe’s The Rotters’ Club / N. Bentley. – Текст : непосредственный // Footpath: Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities. – 2020. – № 13(8). – P. 44–51.
62. **Berman, M.** All that Is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity / M. Berman. – New York : Simon a. Schuster, 1982. – 383 с. – ISBN 0-671-24602-X. – Текст : непосредственный.
63. **Burnett, J.** Generations: The Time Machine in Theory and Practice / J. Burnett. – Milton Park : Routledg, 2010. – 162 p. – ISBN 0-7546-7456-8 – Текст : непосредственный.
64. **Currie, M.** Controlling Time: Kazuo Ishiguro’s Never Let Me Go / M. Currie. – Текст : непосредственный // Kazuo Ishiguro. Contemporary Critical Perspectives / edited by S. Matthews, S. Groes. – London, New York : Continuum, 2009. – P. 91–103. – ISBN 978-0-8264-9723-9.
65. **Diedrick, J.** Understanding Martin Amis / J. Diedrick. – South Carolina : University of South Carolina Press, 2004. – 330 p. – ISBN 1-5700-3516-4. – Текст : непосредственный.
66. **Duperray M.** L’étranger dans le contexte post-moderniste: «The Comfort of Strangers» d’Ian McEwan / M. Duperray. – Текст : непосредственный // L’étranger dans la littérature et la pensée anglaises. – Aix-en-Provence : Université de Province, 1989. – 429 p.
67. **Edmunds, J.** Generations, Culture And Society / J. Edmunds, B. Turner. – Buckingham : Open University Press, 2002. – 141 p. – ISBN 0-3352-0851-7– Текст : непосредственный.

68. **Estes, C.** Women who Run with the Wolves: Myths and Stories of the Wild woman archetype / C. Estes. – New York : Ballantine Books, 1995. – 560 p. – ISBN 978-0-345-4098-74. – Текст : непосредственный.
69. **Foeuer, L.** The Conflict of Generations : The Character a Significance of Student Movements / L. Feuer. – New York; London : Basic books, Cop., 1969. – 543 p. – Текст : непосредственный.
70. **Goto-Jones, C.** Modern Japan: A Very Short Introduction / C. Goto-Jones. – New York : Oxford University Press, 2009. – 144 p. – ISBN 978-0199235694. – Текст : непосредственный.
71. **Head, D.** The Cambridge Introduction to Modern British Fiction 1950 – 2000 (Cambridge Introductions to Literature) / D. Head. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 316 p. – ISBN 978-0521669665. – Текст : непосредственный.
72. **Jaggi, M.** Kazuo Ishiguro with Maya Jaggi / M. Jaggi. – Текст : непосредственный // Conversations with Kazuo Ishiguro / edited by B. Shaffer, C. Wong. – Jackson : University Press of Mississippi, 2008. – P. 110–119. – ISBN 978-1-934110-61-4.
73. **Klaus, G.** Le monstreux et la dialectique du pur et de l'impur dans «The Cement Garden» de Ian McEwan / G. Klaus. – Текст : непосредственный // Le Monstreux dans la littérature et la pensée anglaises. – Aix-en-Provence : Université de Provence, 1985. – P. 239–249.
74. **Kristeva, J.** Stabat Mater / J. Kristeva. – Текст : непосредственный // The Kristeva Reader: сборник эссе / Т. Moi (ed.). – New York : Columbia University Press, 1986. – Разд. 2. – P. 161–186. – ISBN 978-0231063258.
75. **Kristeva, J.** Women's Time / J. Kristeva. – Текст : непосредственный // The Kristeva Reader: сборник эссе / Т. Moi (ed.). – New York : Columbia University Press, 1986. – Разд. 2. – P. 161–186. – ISBN 978-0231063258.

76. **Lessing, D.** *The Fifth Child* / D. Lessing. – Hammersmith, London : Flamingo, 2001. – 83 p. – ISBN 0-5860-8903-9. – Текст : непосредственный.
77. **Lifton, R.** *Death in Life: Survivors of Hiroshima* / R. Lifton. – New York : Random House, 1967. – 606 p. – Текст : непосредственный.
78. **Mason, G.** *An Interview with Kazuo Ishiguro* / G. Manson. – Текст : непосредственный // *Conversations with Kazuo Ishiguro* / edited by B. Shaffer, C. Wong. – Jackson : University Press of Mississippi, 2008. – P. 3–14. – ISBN 978-1-934110-61-4.
79. **McEwan, I.** *Child in Time* / I. McEwan. – Boston : Houghton Mifflin, 1987. – 263 p. – ISBN 0-3954-2912-9. – Текст : непосредственный.
80. **McEwan, I.** *The Cement Garden.* / I. McEwan. – London : Vintage, 1996. – 144 p. – ISBN 0-0997-5511-4. – Текст : непосредственный.
81. **McEwan, I.** *The Comfort of Strangers* / I. McEwan. – London : Vintage, 1997. – 140 p. – ISBN 978-0-0997-5491-6. – Текст : непосредственный.
82. **McNally, R.** *Remembering Trauma* / R. McNally. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. – 448 p. – ISBN 978-0-6740-1802-0. – Текст : непосредственный.
83. **Mead, M.** *Culture and Commitment; A Study of the Generation Gap* / M. Mead. – New York : Natural History Press, 1970. – 124 p. – ISBN 0-2310-4632-4– Текст : непосредственный.
84. **Mendel, G.** *La crise de generations. Etude sociopsychanalytique* / G. Mendel. – Paris : Payot, 1969. – 256 p. – Текст : непосредственный.
85. **Satir, V.** *Concepts of Communication: Ways of Perceiving the World: Définition of a Relationship* / V. Satir. – Текст : непосредственный // *Journal of Couples Therapy.* – 1998. – Vol. 7. – № 2-3. – P. 1-9.
86. **Shaffer, Br.** *Somewhere Just Beneath the Surface of Things` : Kazuo Ishiguro`s Short Fiction* / Br. Shaffer. – Текст : непосредственный // *Kazuo Ishiguro. Contemporary Critical Perspectives* / edited by S. Matthews, S.

- Groes. – London, New York : Continuum, 2009. – P. 9–19. – ISBN 978-0-8264-9723-9.
87. **Shaffer, Br.** Understanding Kazuo Ishiguro / Br. Shaffer. – Columbia, South Carolina : University of South Carolina Press, 1998. – 141 p. – ISBN 1-570-03-215-7. – Текст : непосредственный.
88. **Strauss, W.** Generations: The History Of America's Future, 1584 To 2069 / W. Strauss, N. Howe. – New York : Harper Perennial, 1991. – 538 p. – ISBN 0-6881-1912-3. – Текст : непосредственный.
89. **Strauss, W.** The Fourth Turning: an American Prophecy: What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny / W. Strauss, N. Howe. – New York : Broadway Books, 1997. – 461 p. – ISBN: 978-0-3074-8505-2. – Текст : непосредственный.
90. **Swift, G.** Sorts: Kazuo Ishiguro / G. Swift. – Текст : непосредственный // Conversations with Kazuo Ishiguro / edited by B. Shaffer, C. Wong. – Jackson : University Press of Mississippi, 2008. – P. 35–41. – ISBN 978-1-934110-61-4.
91. **Teo, Y.** Kazuo Ishiguro and Memory / Y. Teo. – London : Palgrave Macmillan, 2014. – 176 p. – ISBN 978-1-3494-6372-5. – Текст : непосредственный.
92. **Van der Kolk, B.** The Intrusive Past: The Flexibility of Memory and the Engraving of Trauma / B. van der Kolk, O. van der Hart. – Текст : непосредственный // Trauma: Explorations in Memory / in C. Caruth (ed). – Baltimore, London : The Johns Hopkins University Press, 1995. – P. 158–182.
93. **Vogda, A.** An Interview with Kazuo Ishiguro / A. Vogda, K. Herzinger. – Текст : непосредственный // Conversations with Kazuo Ishiguro / edited by B. Shaffer, C. Wong. – Jackson : University Press of Mississippi, 2008. – P. 66–88. – ISBN 978-1-934110-61-4.

94. **Willets, D.** The Pinch: How Baby Boomers Took Their Children's Future – and Why They Should Give It Back / D. Willets. – London : Atlantic books, 2010. – 314 p. – ISBN 978-1-8488-7231-8 – Текст : непосредственный.
95. **Wong, C.** Kazuo Ishiguro / C. Wong. – Tavistock : Northcote House, 2000. – 102 p. – ISBN 0-7463-1142-7. – Текст : непосредственный.
96. **Yelin, L.** From the Margins of Empire: Christina Stead, Doris Lessing, Nadine Gordimer. / L. Yelin. – Ithaca : Cornell University Press, 1998. – 197 p. – ISBN 0-8014-3503-X. – Текст : непосредственный.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В КАЧЕСТВЕ
МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

97. **Ishiguro, K.** A Family Supper / K. Ishiguro. – Текст : непосредственный // The Penguin Collection of Modern Short Stories / M. Bradbury (ed.). – Harmondsworth : Penguin, 1987. – P. 434–442. – ISBN 978-0-6708-1926-3. – Текст : непосредственный.
98. **Ishiguro, K.** An Artist of the Floating World / K. Ishiguro. – London : Faber and Faber, 1986. – 212 p. – ISBN 0-571-14716-X. – URL: <https://archive.org/details/artistoffloating0000ishi> (Дата обращения: 21.05.2021). – Текст : электронный.
99. **Ishiguro, K.** A Pale View of Hills / K. Ishiguro. – New York : Putnam, 1982. – 183 p. – ISBN 0-399-12718-6. – Текст : непосредственный.
100. **Ishiguro, K.** A Strange and Sometimes Sadness / K. Ishiguro. – Introduction 7: Stories by New Writers. – London : Faber and Faber, 1981a. – P. 13–27. – ISBN 978-0-5711-1680-5. – Текст : непосредственный.
101. **Ishiguro, K.** A Village after Dark / K. Ishiguro. – The New Yorker : официальный сайт. – 2001. – URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2001/05/21/a-village-after-dark> (Дата обращения: 10.01.2022). – Текст : электронный.

- 102. Ishiguro, K.** Come Rain or Come Shine / К. Ishiguro. – BooksVooks : официальный сайт. – 2019. – ISBN 978-0-571-35461-0. – URL: <https://booksvooks.com/fullbook/come-rain-or-come-shine-pdf-kazu-ishiguro.html?page=8> (Дата обращения: 10.01.2022). – Текст : электронный.
- 103. Ishiguro, K.** Getting Poisoned / К. Ishiguro. – Introduction 7: Stories by New Writers. – London: Faber and Faber, 1981b. – P. 38-51. – ISBN 978-0-5711-1680-5. – Текст : непосредственный.
- 104. Ishiguro, K.** Klara and the Sun / К. Ishiguro. – New York : Alfred A. Knopf, 2021. – 208 p. – ISBN 978-0-5933-1818-8.– Текст : непосредственный.
- 105. Ishiguro, K.** Malvern Hills / К. Ishiguro. – Nocturnes : Five Stories of Music and Nightfall. – Toronto : A. A. Knopf, 2009. – ISBN 978-0-3073-9787-4. – URL: https://royallib.com/read/Ishiguro_Kazu-0/Nocturnes_five_stories_of_music_and_nightfall.html#0 (Дата обращения: 11.09.2021). – Текст : электронный.
- 106. Ishiguro, K.** Never Let Me Go / К. Ishiguro. – London : Faber and Faber, 2005. – 291 p. – ISBN 978-0-571-27212-9. – URL: https://archive.org/details/isbn_9780571272129/page/82/mode/2up (Дата обращения: 21.05.2021). – Текст : электронный.
- 107. Ishiguro, K.** The Buried Giant / К. Ishiguro. – New York : Alfred A. Knopf, 2015. – 317 p. – ISBN 978-0-307-45579-6.– Текст : непосредственный.
- 108. Ishiguro, K.** The Remains of the Day / К. Ishiguro. – London : Faber and Faber, 1989. – 258 p. – ISBN 978-0-5712-0073-3.– Текст : непосредственный.
- 109. Ishiguro, K.** The Unconsoled / К. Ishiguro. – New York : A. A. Knopf, 1995. – 535 p. – ISBN 679-40425-2. – URL: <https://archive.org/details/unconsoled00ishi/page/n7/mode/2up> (Дата обращения: 21.05.2021). – Текст : электронный.

- 110. Ishiguro, K.** Waiting for J / K. Ishiguro. – Introduction 7: Stories by New Writers. – London: Faber and Faber, 1981. – P. 28-37. – ISBN 978-0-5711-1680-5. – Текст : непосредственный.
- 111. Ishiguro, K.** When We Were Orphans / K. Ishiguro. – London : Faber and Faber, 2005. – 324 p. – ISBN 978-0-571-22540-8. – URL: <https://archive.org/details/whenwewereorphan0000ishi/page/n1/mode/2up> (Дата обращения: 21.05.2021). – Текст : электронный.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

- 112. Арефьева, Н. Т.** Начало XXI века - эпоха мировоззренческих поисков / Н. Т. Арефьева. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 2(52). – С. 35–38. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-xxi-veka-epoha-mirovozzrencheskih-poiskov> (Дата обращения: 01.11.2021).
- 113. Быкова, И. А.** Типология портрета персонажа в художественной прозе А. П. Чехова / И. А. Быкова. – Текст : электронный // Языковое мастерство А.П. Чехова. – 1990. – С. 38–46. – URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st005.shtml> (Дата обращения: 27.09.2021).
- 114. Войскунский, А. Е.** Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен / А. Е. Войскунский, Г. У. Солдатова. – Текст : электронный // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27. – № 3. – С. 22–43. – DOI 10.17759/cpp.2019270303. – URL: https://psyjournals.ru/files/108495/cpp_2019_n3_Voiskunskii_Soldatova.pdf (Дата обращения: 13.11.2021).
- 115. Волкова, И. В.** Характеристики подросткового буллинга и его определение / И. В. Волкова. – Текст : электронный // Вестник Мининского университета. – 2016. – № 2(15). – С. 20–28. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-podrostkovogo-bullinga-i-ego-opredelenie> (Дата обращения: 03.10.2021).
- 116. Гапова, Е.** Полный Фуко: тело как поле власти / Е. Гапова. – Текст : электронный // Сетевое издание «Горький» : официальный сайт. – 2011. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/2/polnyj-fuko-telo-kak-pole-vlasti.html> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 117. Глотов, М. Б.** Поколение как категория социологии / М. Б. Глотов – Текст : электронный // Социологические исследования. – 2004. – № 10(246). – С. 42–48. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17662072_75301034.pdf (Дата обращения: 13.10.2021).
- 118. Головашина, О. В.** Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана / О. В. Головашина. – DOI 10.21638/11701/spbu17.2018.101. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – № 1. – С. 4–16. – URL: <https://philosophyjournal.spbu.ru/article/view/1790> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 119. Гончарова, Е. А.** Пути лингвостилистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте : монография / Е. А. Гончарова. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1984. – 151 с. – URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000060205> (Дата обращения: 27.10.2021). – Текст : электронный.
- 120. Гуревич, А. Я.** Категория средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Искусство, 1984. – 350 с. – Текст : электронный. – URL: http://www.al24.ru/wpcontent/uploads/2012/07/A._Ya._Gurevich_Kategorii_srednevekovoy_kulturyi._2e_izd._ispr._i_dop._M._Iskusstvo_1984..pdf (Дата обращения: 01.10.2021).

- 121. Джумайло, О. А.** «Железная леди» в зеркале современной английской прозы / О. А. Джумайло – Текст : электронный // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 4. – С. 76–82. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zheleznaaya-ledi-v-zerkale-sovremennoy-angliyskoj-prozy/viewer> (Дата обращения: 10.08.2021).
- 122. Джумайло, О. А.** Против сентиментальности: Иэн Макьюэн / О. А. Джумайло. – Текст : электронный // Вопросы литературы. – 2010. – № 6. – С. 242–260. – URL: <https://voplit.ru/article/protiv-sentimentalnosti-ien-makyuen/> (Дата обращения: 10.07.2021).
- 123. Крылова, В. К.** «Бесконфликтность» в борьбе с «безыдейностью» / В. К. Крылова. – Текст : электронный // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – № 10(41). – С. 102–111. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22273765> (Дата обращения: 21.10.2021).
- 124. Кутейников, Д. Л.** Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к разрешению проблемы "черного ящика" / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. – DOI 10.17803/1729-5920.2020.163.6.139-148. – Текст : электронный // Lex russia. – 2020. – № 6(163). – С. 139–148. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/algorithmicheskaya-prozrachnost-i-podotchetnost-pravovye-podhody-k-razresheniyu-problemy-chernogo-yaschika/viewer> (Дата обращения: 11.11.2021).
- 125. Ласточкина, А. С.** Литературные дебюты Кингсли Эмиса и Мартина Эмиса: сравнительный анализ / А. С. Ласточкина. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2014. – № 2. – С. 31–37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnye-debyuty-kingsli-emisa-i-martina-emisa-sravnitelnyy-analiz/viewer> (Дата обращения: 14.12.2021).

- 126. Линник, Ю. И.** О рассказе Кадзуо Исигуро «Деревня после заката» и его месте в творчестве писателя / И. Ю. Линник. – Текст : электронный // Сетевое издание «Горький» : официальный сайт. – 2012. – URL: <https://magazines.gorky.media/bereg/2012/37/o-rasskaze-kadzuo-isiguro-8220-derevnya-posle-zakata-8221.html> (Дата обращения: 01.11.2021).
- 127. Литературная энциклопедия терминов и понятий** : энциклопедия / Гл. ред. и сост. А.Н. Николукин / редкол. : М. Л. Гаспаров, С. И. Кормилов, А. Е. Махов [и др.] ; под науч. ред. Т. Г. Юрченко. – Москва : Интелвак, 2001. – 798 с. – ISBN 5-93264-026-X. – URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Literaturnaya_entsiklopediya_terminov_i_ponyatij_2001.pdf (Дата обращения: 27.08.2021). – Текст : электронный.
- 128. Луков, В. А.** Трансгуманизм / В. А. Луков. – DOI 10.17805/zpu.2017.1.20. – Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 1. – С. 245–252. – URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/420> (Дата обращения: 01.11.2021).
- 129. Малетина, О. А.** Типология портрета в художественном дискурсе / О. А. Малетина, – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 122–125. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-portreta-v-hudozhestvennom-diskurse> (Дата обращения: 27.10.2021).
- 130. Мид, М.** Культура и мир детства : избранные произведения / М. Мид. – Москва : Наука, 1988. – 429 с. – URL: http://static.iea.ras.ru/books/Ethnographic_library/Mead_Culture_and_Childhood.pdf (Дата обращения: 21.05.2021). – Текст : электронный.
- 131. Мининков, Н. А.** Метод поколений Х. Ортеги-и-Гассета и история Дона XVII в. / Н. А. Мининков. – Текст : электронный // Логос. – 2004. – №5(44). – С. 225–234. – URL: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/44/14.pdf> (Дата обращения: 11.05.2021).

- 132. Миссионерско-апологетический проект «К истине»** : официальный сайт. – 2007. – URL: https://k-istine.ru/base_faith/piety/peity_ioann.htm (Дата обращения: 20.11.2021).
- 133. Нечаев, В. Д.** "Цифровое поколение": психолого-педагогическое исследование проблемы / В. Д. Нечаев, Е. Е. Дурнева. – Текст : электронный // Педагогика. – 2016. – № 1. – С. 36–45. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25654669> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 134. Николаева, Е. В.** Сквозь пиксели к образам и обратно: пиксель-арт по разные стороны экрана / Е. В. Николаева. // Наука телевидения. – 2010. – № 7. – С. 175–198. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skvoz-pikseli-k-obrazam-i-obratno-piksel-art-po-raznye-storony-ekrana> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 135. Носова, С. С.** Сетевое поколение. «Архитекторы» или «геростраты» / С. С. Носова. – Текст : электронный // Воздушный замок. Международный журнал по теории архитектуры. – 2014. – Т. 19. – № 32. – С. 47–65. – URL: https://cloud-cuckoo.net/fileadmin/issues_ru/issue_32/article_posova.pdf (Дата обращения: 01.10.2021).
- 136. Пашинский, В. М.** Поколенческая ("ортеговская") модель формирования новых обществ / В. М. Пашинский. – Текст : электронный // Современная наука. – 2011. – № 1. – С. 106–110. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16214494_10562722.pdf (Дата обращения: 04.06.2021).
- 137. Погребная, Я. В.** Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Погребенный великан»: европейский интертекст и японский подтекст / Я. В. Погребная. – DOI: 10.28995/2227-6165-2018-4-191-199. – Текст : электронный // Журнал «Артикульт». – 2018. – № 32(4). – С. 191–199. – URL: <http://articult.rsuh.ru/articult-32-4-2018/articult-32-4-2018-pogrebnaaya.php> (Дата обращения: 11.07.2021).

- 138. Проскурнин, Б. М.** «После постмодернизма»: динамике жанра исторического романа. Заметки на полях книги Джерома де Гроота / Б. М. Проскурнин. – Текст : электронный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – №. 3(23). – С. 214–221. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posle-postmodernizma-o-dinamike-zhanra-istoricheskogo-romana-zametki-na-polyah-knigi-dzheroma-de-groota> (Дата обращения: 21.07.2021).
- 139. РИА Новости** : официальный сайт. – 2019. – URL: [https://ria.ru/20191126/1561585051.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial%20\(%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%2020.02.2020\)](https://ria.ru/20191126/1561585051.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial%20(%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%2020.02.2020)) (Дата обращения: 01.10.2021).
- 140. Сапоровская, М. В.** Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи / М. В. Сапоровская. – DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54. – Текст : электронный // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26. – № 4. – С. 48–54. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennyu-konflikt-i-psihologicheskoe-blagopoluchie-semi/viewer> (Дата обращения: 09.09.2021).
- 141. Сапоровская, М. В.** Теория и практика исследования межпоколенной связи в семейном контексте / М. В. Сапоровская. – Текст : электронный // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – № 1(9). – URL: <http://psystudy.ru/num/2010n1-9/287> (Дата обращения: 08.09.2021).
- 142. Селитрина, Т. Л.** Повествовательные стратегии К. Исигуро / Т. Л. Селитрина. – Текст : электронный // «Иностранные языки и литературы: актуальные проблемы методологии исследования» : сб. материалов

- междунар. науч. конф., (Пермь, 12 апреля 2007) / редкол. : Н. С. Бочкарева (отв. ред.), А. Ф. Любимова, Б. М. Проскурнин, В. М. Паверман, И. А. Пикулева, Т. Л. Селитрина, О. М. Ушакова, Р. Ф. Яшенькина. – Пермь : Мировая литература в контексте культуры, 2007. – С. 149–155. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povestvovatelnye-strategii-k-isiguro/viewer> (Дата обращения: 11.09.2021).
- 143. Селитрина, Т. Л.** Художественный мир средневековья в романе К. Исигуро "Погребенный великан" / Т. Л. Селитрина, Д. Г. Халикова. – DOI 10.17072/2037-6681-2017-2-97-107. – Текст : электронный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9. – № 2. – С. 97–107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyu-mir-srednevekovya-v-romane-k-isiguro-pogrebennyu-velikan> (Дата обращения: 21.10.2021).
- 144. Семенов, А. Н.** Роль конфликта в структуре художественного текста / А. Н. Семенов. – Текст : электронный // Вестник угроведения. – 2011. – № 2(5). – С. 52–58. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-konflikta-v-strukture-hudozhestvennogo-teksta> (Дата обращения: 21.10.2021).
- 145. Сетевое издание «Harvard Business Review Россия» :** официальный сайт. – 2017. – URL: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/p20171> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 146. Сидорова, О. Г.** Кадзуо Исигуро. Писатель в "зыбком мире" / О. Г. Сидорова. – DOI 10.31425/0042-8795-2018-4-301-318. – Текст : электронный // Вопросы литературы. – 2018. – № 4. – С. 301–318. – URL: <https://www.voplit.com/jour/article/view/89/91> (Дата обращения: 10.09.2021).
- 147. Тарабрина, Н. В.** Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы) / Н. В. Тарабрина, Н. В. Майн. – Текст : электронный // Консультативная психология и психотерапия. – 2013. – № 3(78). – С. 96–119. – URL:

- <https://psyjournals.ru/files/65214/Верстка%20в%20формат%20КПП-3-2013%20%285%29.96-119.pdf> (Дата обращения: 10.09.2021).
- 148. Толкачев, С. П.** Современная английская литература. Введение : учеб. пособие / С. П. Толкачев – Москва : ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2008. – 83 с. – Текст : электронный. – URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/tolkachev-sovremennaya-literatura/index.htm> (Дата обращения: 30.08.2021).
- 149. Толмачёв, В. М.** Зарубежная литература XX века : учеб. пособие / В. М. Толмачёв, В. Д. Седельников, Д. А. Иванов ; под ред. В. М. Толмачёва – Москва : Издательский центр «Академия», 2003. – 640 с. – ISBN 5-7695-1545-7. – URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/literatura-xx-veka-tolmachev/index.htm> (Дата обращения: 02.09.2021). – Текст : электронный.
- 150. Фролов, Г. А.** К смене литературных эпох на Западе: теоретический аспект / Г. А. Фролов, Л. Ф. Хабибуллина. – Текст : электронный // Филология и культура. – 2014. – № 3(37). – С. 187–194. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-smene-literaturnyh-epoch-na-zapade-teoreticheskiy-aspekt/viewer> (Дата обращения: 10.12.2021).
- 151. ФЭБ «Русская литература и фольклор»** : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/0encyc.htm> (Дата обращения: 27.10.2021). – Текст : электронный.
- 152. Хабибуллина, Л. Ф.** Вторая мировая война в современной литературе / Л. Ф. Хабибуллина. – Текст : электронный // Филология и культура. – 2015. – № 2(40). – С. 264–269. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-mirovaya-voyna-v-sovremennoy-literature/viewer> (Дата обращения: 11.09.2021).
- 153. Хабибуллина, Л.Ф.** «Психология травмы в романах Й. Макьюэна («Суббота», «Чизил-Бич») / Л.Ф. Хабибуллина. – DOI: 10.17223/19986645/65/19. – Текст : электронный // Вестник Томского

- государственного университета. Филология. – 2020. – № 65 – С. 308–318.
– URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-travma-v-romanaх-y-maкууена-subbota-chizil-bich/viewer> (Дата обращения: 10.09.2021).
- 154. Хабибуллина, Л. Ф.** "Японский" контекст романа К. Исигуро "остаток дня" / Л. Ф. Хабибуллина. – Текст : электронный // Филология и культура. – 2012. – № 1(27). – С. 130–135. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskiy-kontekst-romana-k-isiguro-ostatok-dnya/viewer> (Дата обращения: 11.09.2021).
- 155. Хохлова, Е. В.** Семейный код в романе Джонатана Коу "какое надувательство!" / Е. В. Хохлова – Текст : электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 2(2). – С. 269–274. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynyy-kod-v-romane-dzhonatana-kou-kakoe-naduvatelstvo/viewer> (Дата обращения: 05.09.2021).
- 156. Храмова, Ю. А.** Диалогия Джонатана Коу о состоянии нации / Ю. А. Храмова. – DOI 10.18500/1817-7115-2018-18-4-469-474. – Текст : электронный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 469-474. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dilogiya-dzhonatana-kou-o-sostoyanii-natsii> (Дата обращения: 10.10.2021).
- 157. Хьюитт, К.** О Грэме Свифте: современный английский романист. Семьи, наваждения и «Последние распоряжения» / К. Хьюитт; [Пер. с англ. В. Бабкова] // Иностранная литература, 1998. – 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/1/o-greme-svifte-sovremennyj-anglijskij-romanist-semi-navazhdeniya-i-poslednie-rasporyazheniya.html> (Дата обращения: 27.09.2021). – Текст : электронный.
- 158. Цурганова, Е. А.** Терри Иглтон и Фредрик Джеймисон о постмодернизме как комплексном явлении / Е. А. Цурганова. – Текст :

- электронный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. Реферативный журнал. – 2019. – № 2. – С. 12–16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terri-iglton-i-fredrik-dzheymison-o-postmodernizme-kak-kompleksnom-yavlenii> (Дата обращения: 12.12.2021).
- 159. Чертушкина, Е. В.** Хироси Сэкигути о проблемах школы в современном японском обществе / Е. В. Чертушкина. – Текст : электронный // Россия и АТР. – 2008. – № 2(60). – С. 155–163. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hirosi-sekiguti-o-problemah-shkoly-v-sovremennom-yaponskom-obschestve/viewer> (Дата обращения: 13.11.2021).
- 160. Юзмухаметова, Л. Н.** Семья и брак в английской литературе как социокультурный компонент обучения иностранному языку / Л. Н. Юзмухаметова, А. А. Благовещенская, С. Е. Никитина. – Текст : электронный // Казанский вестник молодых учёных. – 2018. – Т. 2. – № 5(8). – С. 170-173. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-brak-v-angliyskoj-literature-kak-sotsiokulturnyy-komponent-obucheniya-inostrannomu-yazyku/viewer> (Дата обращения: 10.12.2021).
- 161. AdMe** : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://www.adme.ru/zhizn-nauka/20-citat-nejrolingvista-tatyany-chernigovskoj-o-zagadkah-chelovecheskogo-mozga-2135565/> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 162. A Literary Saloon And Site of Review** : официальный сайт. – 2001. – URL: <https://www.complete-review.com/reviews/coej/rotters.htm> (Дата обращения: 27.12.2021). – Текст : электронный.
- 163. Allpress, J.** Atoning for Colonial Injustices: Group-Based Shame and Guilt Motivate Support for Reparation / J. Allpress, F. Barlow, R. Brown, W. Louis. // International Journal of Conflict and Violence. – 2010. – Vol. 4(1). – P. 75-88. – URL: https://www.researchgate.net/publication/44035903_

- Atoning_for_Colonial_Injustices_Group-Based_Shame_and_Guilt_Motivate_Support_for_Reparation (Дата обращения: 03.10.2021). – Текст : электронный.
- 164. BookBrowse** : официальный сайт. – 2021. – URL: https://www.bookbrowse.com/author_interviews/full/index.cfm/author_number/477/kazu-ishiguro (Дата обращения: 01.12.2021).
- 165. British council. Literature** : официальный сайт. – 2022. – URL: <https://literature.britishcouncil.org/writer/timothy-mo> (Дата обращения: 27.12.2021). – Текст : электронный.
- 166. Caruth, C.** Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History / C. Caruth/ – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1996. – 154 p. – ISBN 0-8018-5246-3. – URL: <https://joaosamillopenna.files.wordpress.com/2015/03/caruth-unclaimedexperience.pdf> (Дата обращения: 13.11.2021). – Текст : электронный.
- 167. Doosje, B.** Perceived Intragroup Variability as a Function of Group Status and Identification / B. Doosje, N. Ellemers, R. Spears. – DOI: 10.1006/jesp.1995.1018. – Текст : электронный // Journal of Experimental Social Psychology. – 1995. – Vol. 31. – P. 410–436. – URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022103185710189> (Дата обращения: 30.12.2021).
- 168. Federn, P.** Zur Psychologie der Revolution: Die vaterlose Gesellschaft. Nach Vorträgen in der Wiener psychoanalytischen Vereinigung und im Monistenbund / P. Federn. – Leipzig : Die Psychoanalytische Universität in Berlin, 1919. – 34 p. – URL: https://archive.org/details/Federn_1919_Revolution (Дата обращения: 21.05.2021). – Текст : электронный.
- 169. Forbes** : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/422657-vozmozhno-my-sami-nabor-algoritmov-kadzuo-isiguro-o-vere-pravde-i-lyubvi-v-epohu> (Дата обращения: 01.10.2021).

- 170. Freud, S.** A Case of Homosexuality in a Woman / S. Freud. – Текст : электронный // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud : vol. 18 / ed. by J. Strschoy, A. Freud. – London : Hogarth Press, 1955. – P. 145–174. – ISBN 0-7012-0067-7. – URL: <https://archive.org/details/standardeditiono18freu/page/n1/mode/2up> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 171. Girouard, M.** Life in the English Country House: A Social and Architectural History / M. Girouard. – New Haven : Yale University Press, 1978. – 344 p. – ISBN 0-300-02273-5. – URL: <https://archive.org/details/lifeinenglishcou0000giro/page/n7/mode/2up> (Дата обращения: 21.05.2021). – Текст : электронный.
- 172. Gurewich, D.** Upstairs, Downstairs / D. Gurewich. – Текст : электронный // The New Criterion : официальный сайт. – 1989. – URL: <https://newcriterion.com/issues/1989/12/upstairs-downstairs> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 173. Hartley, C.** The Gentlemen’s Book of Etiquette, and Manual of Politeness / C. Hartley. – Boston: J. S. Locke & Co, 1875. – 332 p. – URL: <https://archive.org/details/gentlemensbookof00hartrich/page/330/mode/2up> (Дата обращения: 27.12.2021). – Текст : электронный.
- 174. Howe, N.** Millennials and K-12 Schools: Educational Strategies for a New Generation / N. Howe, W. Strauss. – Great Falls : LifeCourse Associates, 2008. – 148 p. – ISBN 978-0-9712606-5-8. – URL: <https://archive.org/details/millennialsK12sc0000howe/page/n1/mode/2up> (Дата обращения: 21.05.2021). – Текст : электронный.
- 175. Jennings, B.** Biopower and the Liberationist Romance / B. Jennings. – DOI 10.1353/hcr.0.0284. – Текст : электронный // Hastings Center Report. – 2010. – Vol. 40. – № 4. – P. 16-20. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1353/hcr.0.0284?sid=nlm%3Apubmed> (Дата обращения: 01.10.2021).

- 176. Joy, E.** A Confession of Faith: Notes Toward a New Humanism / E. Joy, C. Neufeld. – Текст : электронный // Journal of Narrative Theory. – 2007. – Vol. 37. – № 2. – P. 161-190. – URL: https://www.researchgate.net/publication/236713297_A_Confession_of_Faith_Notes_Toward_a_New_Humanism (Дата обращения: 01.10.2021).
- 177. Lewis B.** Kazuo Ishiguro / B. Lewis. – Manchester : Manchester University Press, 2000. – 208 p. – ISBN 978-0-7190-5514-0. – URL: <https://manchesteruniversitypress.co.uk/9780719055140/> (Дата обращения: 11.09.2021). – Текст : электронный.
- 178. Lorenz, K.** The Enmity Between Generations and Its Probable Ethological Causes / K. Lorenz. – Текст : электронный // The Psychoanalytic Review. – 1970. – Vol. 57. – № 3. – P. 335-339. – URL: <https://perweb.org/browse/PSAR/volumes/57?preview=PSAR.057.0333A> (Дата обращения: 15.07.2021).
- 179. Mirsky, M.** Notes on Reading Kazuo Ishiguro's «Never Let Me Go» / M. Mirsky. – DOI 10.1353/pbm.2006.0061. – Текст : электронный // Perspectives in Biology and Medicine. – 2006. – Vol. 49. – № 4. – P. 628–630. – URL: <https://muse.jhu.edu/article/204471> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 180. Nietzsche.ru** : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://nietzsche.ru/influence/philosophie/fukuama/> (Дата обращения: 01.12.2021).
- 181. Proskurnin, B. M.** Hanif Kureishi's Novels as the Discourse of Identity / B. M. Proskurnin – Текст : электронный. // Тропа. – 2012. – № 6. – P. 26–36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hanif-kureishis-novels-as-the-discourse-of-identity/viewer> (Дата обращения: 27.12.2021).
- 182. Rothstein, M.** The Painful Nurturing of Doris Lessing's 'Fifth Child' / M. Rothstein // The New York Times. – 1988. – URL:

- https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/99/01/10/specials/less-ing-child.html?_r=1 (Дата обращения: 14.12.2021). – Текст : электронный.
- 183. Speaking in Tongues Publishing** : официальный сайт. – 2002. – URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/phantom/phantomcoe02.htm (Дата обращения: 27.12.2021). – Текст : электронный.
- 184. Teroni, F.** Differentiating Shame from Guilt. *Consciousness and Cognition* / F. Teroni, J. Deonna. – DOI: 10.1016/j.concog.2008.02.002. – Текст : электронный // *Consciousness and Cognition*. – 2008. – Vol. 17. – № 3. – P. 725—740. – URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1053810008000263> (Дата обращения: 29.12.2021).
- 185. The Guardian** : официальный сайт. – 2000. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2000/mar/25/fiction.bookerprize2000> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 186. The Noble Prize** : официальный сайт. – 2017. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2017/press-release/> (Дата обращения: 11.09.2021). – Текст : электронный.
- 187. Tiger, V.** *Lord of the Flies* / V. Tiger // *William Golding's Lord of the Flies. Bloom's Modern Critical Interpretations* / ed. by Harold Bloom. – New York : Infobase Publishing, 2008. – 176 p. – P. 133-161. – ISBN 978-0-7910-9826-4. – URL: https://uomustansiriyah.edu.iq/media/lectures/8/8_2020_02_10!11_04_26_AM.pdf (Дата обращения: 10.12.2021). – Текст : электронный.
- 188. Time** : официальный сайт. – 1951. – URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,856950,00.html> (Дата обращения: 01.10.2021).
- 189. Toyomi, G.** A Review of the History of Traumatic Stress Studies in Japan: From Traumatic Neurosis to PTSD / G. Toyomi, J. Wilson. – DOI: 10.1177/1524838003252483. – Текст : электронный. // *Trauma, Violence, & Abuse*. – 2003. – Vol. 4. – № 3. – P. 195-209. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26636355> (Дата обращения: 03.10.2021).

190. Wordorigins.org : официальный сайт. – 2009. – URL:
<https://www.wordorigins.org/big-list-entries/gi> (Дата обращения:
01.10.2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1 –Внутрипоколенческая проблематика

Название поколения и периодизация	Представители поколений	Внутрипоколенческие проблемы
1	2	3
Величайшее поколение (1901–1924)	Киносито («Странная, порой проходящая грусть» 1981), Огата-сан, Фудзивара («Там, где в дымке холмы» 1982), Сигимура, Каваками, Оно, Мацуда («Художник зыбкого мира» 1986), Стивенс, Лорд Дарлингтон («Остаток дня» 1989), К. Бэнкс, Сара Хэммингз («Когда мы были сиротами» 2000) Густав, Хофман («Безутешные» 1995)	Безотцовщина; изменение общественного и материального статуса; профессиональная самозабвенность; эскапизм (идеализация); кризис идентичности; классовость и иерархичность общества; слепое <i>служение долгу, спасительный самообман.</i>
Молчаливое поколение (1925–1942)	Мичико, Яцуко (подруга Мичико) («Странная, порой проходящая грусть» 1981), Эцуко, Сэцуко, Дзиро («Там, где в дымке холмы» 1982), Синтаро, Норико,	Безотцовщина; изменение общественного и материального статуса; распад семьи и утрата дома; жестокость; кризис

Продолжение таблицы 1

Название поколения и периодизация	Представители поколений	Внутрипоколенческие проблемы
1	2	3
	Сэцуко, Суити, Дзиро Мияке, Таро Сайто («Художник зыбкого мира» 1986), Кардинал мл. («Остаток дня» 1989), Райдер, Штефан Хоффман («Безутешные» 1995)	идентичности; профессиональная самозабвенность; отчуждающее отношение к материнству; <i>травма войны; конформизм.</i>
Бумеры (1943–1960)	Яцуко (дочь Мичико) («Странная, порой проходящая грусть» 1981), Ники, Кейко, Марико («Там, где в дымке холмы» 1982), Акира, Итиро («Художник зыбкого мира», 1986), Борис («Безутешные» 1995) Дженнифер («Когда мы были сиротами», 2000), Кэти, Рут, Томми («Не отпускай меня 2005)	Безотцовщина; эскапизм (отшельничество); распад семьи и утрата дома; жестокость; кризис идентичности; разделение общества (клоны /обычные люди); отчуждающее отношение к материнству; <i>проблема определения и критериев смерти.</i>
Миллениалы (1982–2002)	Джон, Кэрол («Отравление» 1981), Крисси, Хелен, Пол, Капальди («Клара и солнце»	Безотцовщина; эскапизм (социальное отшельничество); скрытая агрессия к матери;

Продолжение таблицы 1

Название поколения и периодизация	Представители поколений	Внутрипоколенческие проблемы
1	2	3
	2021)	кризис идентичности (утрата веры в уникальность человека); разделение общества (конкурирующие / отшельники); профессиональная самозабвенность; отчуждающее отношение к материнству; <i>высокий темп жизни и конкуренция; проблема «черного ящика».</i>
Цифровое поколение (2003 – по наст.вр.)	Джози, Рик, Сал («Клара и солнце» 2021)	Безотцовщина; эскапизм (в мир иллюзий); разделение общества (форсированные/нефорсированные); буллинг; создание (перекраивание) собственной идентичности; <i>стремление к стадности; некоммуникабельность; дефицит живого</i>

		<i>общения; нерациональное потребление; дегуманизация.</i>
--	--	--

Таблица 2.1 – Универсальные внутрипоколенческие проблемы

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
Безотцовщина	Величайшее поколение	<p>Оно («Художник зыбкого мира») в юности отрицает своего порицающего отца и, вопреки его желанию, выбирает профессию художника.</p> <p>Отец К. Бэнкса («Когда мы были сиротами») бежит с любовницей и оставляет семью.</p> <p>Стивенс («Остаток дня») как пример для подражания выбирает лорда Дарлингтона, а не родного отца. Позже Стивенс описывает два случая, когда он отрицал, что когда-либо служил лорду Дарлингтону (своему символическому отцу).</p>
	Молчаливое поколение	<p>Хоффман («Безутешные») пытается соответствовать ожиданиям жены. Однако, позже он заявляет, что потерпел неудачу в том, чтобы быть достойным мужем для нее, и что она должна оставить его и найти кого-то более соответствующего ее высокому положению.</p>

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
	Бумеры	Очевидны нехватка отца в жизни Бориса («Безутешные») и постоянное избегание его Райдером.
	Миллениалы, Цифровое поколение	Пол («Клара и Солнце») выбирает путь социального отшельника. Джози растет без отца.
Изменение общественного и материального статуса	Величайшее поколение	Фудзивара («Там, где в дымке холмы») была замужем за важным человеком в довоенные годы, а теперь лишь хозяйка закусочной. Госпожа Каваками («Художник зыбкого мира»), хозяйка процветающего бара до войны, терпит одни убытки после войны. Оно («Художник зыбкого мира») был членом комитета художников при государственном департаменте, популярным и влиятельным живописцем; теперь его дочь считает, что он был рядовым художником и не мог существенно влиять на политическую жизнь Японии. Сигимура («Художник зыбкого мира»)

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		<p>рискнул и вложил значительную часть своего состояния в перестройку парка Кавабе, однако столкнулся с финансовыми трудностями. Лорд Дарлингтон («Остаток дня»), кто некогда вращал «колесо мира» и кому была «вверена судьба цивилизации», лишается бывшего влияния и умирает в бесславии. К. Бэнкс («Когда мы были сиротами») узнает, что живет на финансовое обеспечение, за которое его мать расплатилась своей свободой, оказавшись наложницей у китайского бандита.</p>
	Молчаливое поколение	<p>Внешний вид Дзиро Мияке («Художник зыбкого мира») свидетельствует о том, что им постоянно все помыкают. Пальто Синтаро старое и поношенное, Дзиро Мияке изображен в поношенном пальто.</p>

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		Оно, рассуждая о таком типе людей, подчеркивает их низкую респектабельность. Однако, дома, в традиционной атмосфере, Дзиро Мияке в лучшем убранстве и выглядит более уверенно.
Эскапизм	Величайшее поколение	Эскапизм (идеализация): Стивенс («Остаток дня») свою работу на лорда Дарлингтона воспринимает как важную миссию, ведь в Дарлингтон-Холл обсуждаются важные политические вопросы по разрешению кризиса в Европе после Первой мировой войны. К. Бэнкс («Когда мы были сиротами») – детектив, для которого его профессия – это его призвание, которому он готов посвятить всю жизнь. Сара Хэммингз («Когда мы были сиротами») выходит замуж за сэра Сэсила, который намного старше ее, чтобы

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		быть для него опорой в совершении его «великого подвига» по разрешению политической ситуации в Шанхае.
	Бумеры	Эскапизм (отшельничество). Кейко («Там, где в дымке холмы») вела отшельнический образ жизни и почти не выходила из своей комнаты. Марико («Там, где в дымке холмы») часто убегала из дома и уединялась на мрачном пустыре.
	Миллениалы	Эскапизм (социальное отшельничество) Пол («Клара и Солнце»), физик высочайшего класса и другие персонажи, из прежних профессиональных элит, живут в резервации, изолированной от общества, где процветает бандитизм и много оружия. Пол радикально настроен отстаивать свои права любой ценой, из-за чего Хелен даже сравнивает его мировоззрение с фашизмом.

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
	Цифровое поколение	Эскапизм (в придуманный мир). Джози и Рик («Клара и Солнце») проводят странный ритуал, рисуя наброски, напоминающие картины воспитанников Хейлшема в романе «Не отпускай меня». Джози рисует карикатуры на людей, а Рик пишет в пузырях их мысли, рассказывая глубокие истины о безумных, изнеможенных взрослых и одиноких, больных детях.
Распад семьи и утрата дома	Молчаливое поколение	Дзиро («Там, где в дымке холмы») настолько занят на работе, что даже не находит время на приехавшего погостить отца и семью. Отношениям Эцуко и Дзиро не была свойственна супружеская близость. Райдер («Безутешные») изображается как человек, слишком занятый своей музыкальной карьерой, чтобы проводить достаточно времени со своей семьей.

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
	Бумеры	<p>Флетчер («Деревня после заката») возвращается в родную деревню и не может вспомнить, где его дом.</p> <p>Ники («Там, где в дымке холмы») не желает заводить семью.</p> <p>Дженнифер («Когда мы были сиротами»), воспитанница К. Бэнкса, жалуется, что не может выйти замуж и обзавестись семьей.</p> <p>Герои-клоны («Не отпускай меня») по своей природе лишены семьи и отчего дома.</p>
Жестокость	Молчаливое поколение	<p>(Открытая агрессия, связанная с осуждением войны).</p> <p>Агрессия и озлобленность молчаливого поколения достигает своего апогея в сюжете о городском сумасшедшем Хирояме-бой, которого регулярно избивают за патриотические песни и лозунги.</p>

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
	Бумеры	(Скрытая агрессия к матери). Триггером для деструктивного поведения Кейко и Мариико («Там, где в дымке холмы») является, то, что личностная агрессия по отношению к пренебрежительным матерям не находит путей выхода во внешний мир и таким образом обращается против собственного «Я».
	Миллениалы	(Скрытая агрессия к матери). Джон «Отравление», испытывающий на себе безразличие матери, выплескивает свою агрессию во внешний мир: отравляет кошку, а затем девушку.
	Цифровое поколение	(Буллинг). Во время встречи социализации подростки подшучивают над Риком («Клара и Солнце»), намекая на его

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		неполноценность, а к Кларе и вовсе грубо относятся: один из подростков даже предлагает подбросить ее, чтобы «оживить». В роли агрессоров выступают форсированные подростки и ощущающие свое физическое и интеллектуальное превосходство над нефорсированными сверстниками. Они в большинстве своем ведут себя вызывающе по отношению к ровесникам.
Кризис идентичности	Величайшее поколение	Стивенс («Остаток дня») отождествляет себя со своей ролью дворецкого, теряя свою собственную уникальность. К. Бэнкс («Когда мы были сиротами») полностью сливается с профессией детектива и своей миссией поиска родителей.
	Молчаливое поколение	Многие «японские» герои продолжают носить традиционную японскую одежду и выглядят при этом более презентабельно и уверенно (Сатико («Там, где в дымке

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		<p>холмы») на прогулке в кимоно; Норико («Художник зыбкого мира») после работы передевается в кимоно. Райдер («Безутешные») позволяет своим повседневным занятиям, а иногда и самим своим мыслям формироваться в соответствии с требованиями его так называемой публики.</p>
	Бумеры	<p>Кризис идентичности, связанный с национальным самоопределением: Кейко-Ники / «Восток-Запад» («Там, где в дымке холмы»).</p> <p>Кризис личной идентичности («Не отпускай меня»). Герои выбирают различные пути поиска собственной идентичности: Рут (идеалистический), Том (материалистический) и Кэти (эмпатический).</p> <p>Противоречия между самоидентификацией и самоуважением людей, которые считают себя личностями, с</p>

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		одной стороны, и реальностью системы и ситуации власти, которая использует их просто как материал, с другой стороны («Не отпускай меня»).
	Миллениалы	Кризис идентичности выражается в проблеме уникальности человека. Представитель науки в романе («Клара и Солнце») доктор Капальди, занимающийся разработкой «копии» Джози, утверждает, что в человеке нет ничего уникального и непередающегося. Крисси также задается вопросом: насколько незаменима ее дочь и можно ли «сохранить» ее после смерти?
	Цифровое поколение	Создание (перекраивание) собственной идентичности, путем генетических трансформаций (форсирование интеллекта) («Клара и Солнце»).
Разделение общества	Величайшее поколение	Классовость («Остаток дня»), иерархичность («Остаток дня», «Художник зыбкого мира»)

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
	Бумеры	Разделение общества на клонов и обычных людей («Не отпускай меня»).
	Миллениалы	Разделение («Клара и Солнце») на конкурирующих в условиях современного социума (Крисси) и социальных отшельников (Пол, Хелен).
	Цифровое поколение	Разделение общества на «форсированных» и «нефорсированных» («Клара и Солнце»).
Профессиональная самозабвенность	Величайшее поколение	Обет Густава «никогда не опускать чемоданы» трансформируется в своеобразное профессиональное кредо, которое позволяет сублимировать боль от утраты близости с дочерью в профессиональную самозабвенность. Стивенс («Остаток дня») настолько отдается своим обязанностям дворецкого, что не находит времени на умирающего в этот момент отца.

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
	Молчаливое поколение	Дзиро («Там, где в дымке холмы») настолько занят на работе, что даже не находит время на приехавшего погостить отца. Райдер («Безутешные») изображается как человек, слишком занятый своей музыкальной карьерой.
	Миллениалы	Крисси («Клара и Солнце») много работает в юридической фирме, мало улыбается и выглядит уставшей и изнеможденной. Каждую ее минуту определяет подписанный ею когда-то контракт.
Отчуждающее отношение к материнству	Молчаливое поколение	Даже когда Эцуко говорит о том, что она счастлива, в ее повествование вплетены тревожные упоминания об убийстве детей в Нагасаки, что говорить о ее неспособности прямо признать негативные чувства по поводу беременности и предстоящего материнства. Мотив

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		детоубийства также связан с утопление котят Мариико ее матерью Сатико.
	Бумеры	Ники («Там, где в дымке холмы») не хочет иметь детей и семьи. Мать Джона («Отравление») пренебрегает им.
	Миллениалы	Мама Джози («Клара и Солнце) готовит себе «продолжение Джози» – программу, которая после смерти Джози будет «загружена» в сознание андроида Клары, которая должна будет «продолжить» ее. Любовь матери эгоцентрична, в то время как любовь робота в романе безусловна.
Восприятия экзистенциальных границ человека (проблема определения и критериев смерти)	Бумеры	Беспокойство Томми («Не отпускай меня») по поводу утраты физической целостности, связанной с разборкой на части и изъятием органов.

Продолжение таблицы 2.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
	Миллениалы, цифровое поколение	Форсирование интеллекта подростков; создание программы, которая после смерти Джози будет «загружена» в сознание андроида Клары, которая должна будет «продолжить» ее («Клара и Солнце»).
		Возможность перехода андроида Клары из класса «вещей» в класс «людей» в случае смерти Джози («Клара и Солнце»).

Таблица 2.2 – Специфические внутрипоколенческие проблемы

Поколение	Проблема	Пример
1	2	3
Величайшее поколение	Слепое служение долгу	Лорд Дарлингтон («Остаток дня») – долг истинного джентльмена; Стивенс («Остаток дня») – долг дворецкого и

Продолжение таблицы 2.2

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		Оно («Художник зыбкого мира») – долг художника на службе у государства.
	Самообман	Оно («Художник зыбкого мира») отказывается признавать, что помолвка дочери не состоялась именно из-за его милитаристского прошлого, а не из-за войны, или несоответствия статуса семьи жениха. Эцуко («Там, где в дымке холмы»), вспоминая события прошлого, часто указывает на то, что не помнить деталей; она не может до конца принять своей косвенной вины в самоубийстве дочери и ее постоянно мучают кошмарные сновидения. Стивенс («Остаток дня») оправдывает лорда Дарлингтона и не желает видеть его антисемитизма и откровенного пособничества нацистскому режиму.

Продолжение таблицы 2.2

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
Молчаливое поколение	Травма войны	Сын Оно, Кэндзи («Художник зыбкого мира»), вместе с молодыми товарищами погиб. У Эцуко («Там, где в дымке холмы») вид несчастный. Суити («Художник зыбкого мира») переполнен горечью. Мияке наделен тем же скептицизмом. В романе подчеркивается, что Мияке и Суити в этом не одиноки и это настроение свойственно всему их поколению.
	Конформизм	Отец видит склонность к пораженчеству, которая была присуща Дзиро («Там, где в дымке холмы») с детства. Синтаро («Там, где в дымке холмы»), нервно запинаясь, отрицает свои прежние взгляды и влияние учителя. Норико («Там, где в дымке холмы»), остроумная и красноречивая в кругу семьи, с трудом находит нужный тон и молча уходит

Продолжение таблицы 2.2

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		в себя, желая понравиться семье потенциального жениха и опасаясь, что ее вторая помолвка не увенчается успехом.
Бумеры	Паралич воли	Клоны («Не отпускай меня») не противятся уготованной им судьбе и не способны на бунт.
Миллениалы	Высокий темп жизни и конкуренция	Крисси («Клара и Солнце») много работает в юридической фирме, мало улыбается и выглядит уставшей и изнеможденной. Каждую ее минуту определяет подписанный ею когда-то контракт. Ведь, если она перестанет упорствовать, мир ее дочери Джози и ее мир – рухнет, как она сама признает
	Проблема «черного ящика»	Пол («Клара и Солнце»), не понимая в чем смысл действий Клары, слепо следует за идеей робота, полагаясь на ее сверхспособности.
Цифровое поколение	Стремление к стадности	Джози («Клара и Солнце») вынуждена надевать «социальную маску» равнодушия по отношению к изгоям Рику и Кларе в

Продолжение таблицы 2.2

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		<p>кругу форсированных сверстников, осознавая «правила игры», хотя при личном общении очень тепло к ним относится.</p>
	Некоммуникабельность	<p>Джози и Рик («Клара и Солнце») выражают свои мысли в соответствующих картинках с мыслями, написанными в пузырях.</p>
	Дефицит живого общения	<p>Подростки («Клара и Солнце») обучаются в дистанционном режиме, что вызывает дефицит живого общения между сверстниками. Именно поэтому родители устраивают встречи социализации для налаживания личного общения между подростками, навыки которого могут пригодиться им при поступлении в колледж, так как там сохраняется традиционный формат обучения</p>
	Нерациональное потребление	<p>Андроидов ИП и ИД сменили БЗ («Клара и Солнце»), отличавшиеся всевозможными усовершенствованиями: хорошими когнитивными способностями и памятью. Вот и</p>

Продолжение таблицы 2.2

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		Клара заканчивает свою жизнь на свалке списанных роботов.
	Дегуманизация	Андроид («Клара и Солнце») обладает эмпатией, верой и любовью, человек под маской определенной «социальной роли» чаще всего исполняет определенные задачи по удовлетворению потребностей общества.

Таблица 3.1 – Универсальные межпоколенческие проблемы

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
Безотцовщина	Величайшее поколение – молчаливое поколение.	Мотив отцеубийства («Художник зыбкого мира»). Дочь Оно упоминает о добровольном уходе из жизни композитора Ю. Нагути, песни которого были популярны в период милитаризации. Мияке, также рассказывает о самоубийстве президента их компании. Более того Мияке констатирует, что ему и его коллегам это принесло огромное облегчение.
	Молчаливое поколение – бумеры	Нехватка отца в жизни Бориса («Безутешные») и постоянное избегание его Райдером.

Продолжение таблицы 3.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
<p>Столкновении традиционных и демократических взглядов</p>	<p>Величайшее поколение – молчаливое поколение</p>	<p>Выражение собственного мнения женщиной у патриархального Огаты-сана («Там, где в дымке холмы») приравнивается к предательству. Дочери Оно («Художник зыбкого мира») в глубине души обвиняют отца и величайшее поколение в милитаристской идеологии, которую те поддерживали до и во время войны, и в которой молчаливое поколение видит одни пороки. Оно и его современники в свою очередь упрекают молчаливое поколение в том, что те перенимают чуждые японской культуре американские ценности и разрушают систему, которую их предки веками создавали:</p>

Продолжение таблицы 3.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
	Молчаливое поколение – бумеры	Эцуко («Там, где в дымке холмы»), воспитанная в традиционной японской семье, образа жизни Ники явно не одобряет, хотя и старается демонстрировать вдумчивую и демократичную модель воспитания по отношению к своим дочерям.
Утрата близости	Величайшее поколение – молчаливое поколение	Густав и Софи («Безутешные») не разговаривают друг с другом на протяжении многих лет и общаются только через посредников.
	Молчаливое поколение – бумеры	Истоки дистанцированного характера отношений Мичико и Яцуко («Странная, порой проходящая грусть») и Эцуко и

Продолжение таблицы 3.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		Ники («Там, где в дымке холмы») следует искать в различии национального менталитета и мироощущения дочерей и матерей.
Потеря коллективной памяти	Молчаливое поколение – бумеры	Дочери Мичико («Странная, порой проходящая грусть») не знают японского языка и культуры и не разделяют с матерью память о страшных событиях, которые произошли на их родине и жертвами которых они косвенно являются. В конце рассказа Яцуко просит мать подписать петицию против ядерного вооружения, но она упоминает только «facts and figures» и никогда не говорит о Нагасаки.
	Миллениалы – цифровое поколение	Пожилой паре бриттов, главным героям романа «Погребенный великан», Акселю и Биатрис, пребывающим в забвении, так важно найти сына, чтобы не прерывалась связь поколений.

Продолжение таблицы 3.1

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
Пренебрежение родителями детей	Величайшее поколение – бумеры (инвариант)	К. Бэнкс («Когда мы были сиротами») оставляет свою приёмную дочь Дженнифер ради поиска родителей, пренебрегая ее чувствами.
	Молчаливое поколение – бумеры	Тило и Соня («Молверн Хиллз»), пожертвовали ради музыкальной карьеры единственным сыном, который ненавидел школу-интернат, бабушек и дедушек, воспитывавших его, а в итоге возненавидел и родителей.
	Бумеры – миллениалы (инвариант)	Джон («Отравление»), тринадцатилетний подросток, испытывающий на себе безразличие родителей и выплескивающий свою агрессию во внешний мир, что приводит к трагическим последствиям.

Таблица 3.2 – Специфические межпоколенческие проблемы

Поколение	Проблема	Пример
1	2	3
Величайшее поколение– молчаливое поколение	Обвинение поколения «отцов» в том, что они привели мир к войне	Оно («Художник зыбкого мира») считает жертвы оправданными, так как солдаты сражались за величие своей родины во имя процветания великой японской империи. Представители молчаливого поколения полагают, что человеческие жертвы были напрасными, а имперские амбиции японского руководства только привели Японию к краху.
	Противоречия между учеником и учителем (лидером и последователем)	Если бывший учитель Оно («Художник зыбкого мира») придерживался мнения «искусство ради прибыли», то новый наставник, Мацуда, считает, что искусство должно подчиняться государственным интересам и возвышать величие Японии. Оно приходит служить новому патриотическому духу и за это время он достигает вершины своего развития. Теперь Оно – это деспотичный

Продолжение таблицы 3.2

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		авторитарный, жестокий слуга власти, сжигающий работу своего ученика Куроды и, возможно, виновный в его аресте. Позднее Оно будет сам будет предан учеником Синтаро, который отказывается от прошлого влияния своего сенсея для того, чтобы получить работу.
	Непомерные ожидания родителей	На начинающего молодого пианиста Штефана Хоффмана («Безутешные») возложено бремя высоких музыкальных ожиданий его родителей и их постоянное разочарование в нем.
Молчаливое поколение – бумеры	Повторение дисфункционального сценария семейных отношений	Дисфункциональные семейные отношения Райдера («Безутешные») в детстве воспроизводятся во взрослой семейной жизни, в отношениях с Борисом и Софи.
	Парадокс нежелательной свободы	Интерпретация песни «Детка, детка не отпускай меня» Кэти («Не отпускай меня») связана с образом матери,

Продолжение таблицы 3.2

Проблема	Поколение	Пример
1	2	3
		находящейся в добровольном плену любви к своему ребенку, но испытывающей страх, что с ним что-то может случиться. Мадам считает, что ребенку угрожает опасность быть отвергнутым старым, добрым миром, который она прижимает к груди, словно своего собственного ребенка.
Миллениалы – цифровое поколение	Конфликт отцов и детей в отношении выбора детьми своего будущего: форсировать /не форсировать интеллект детей	Крисси ради будущего своей дочери готова решиться на опасную для здоровья процедуру «форсирования» интеллекта дочери несмотря на то, что из-за этого умерла ее дочь Сал. Мать Рика, Хелен, напротив, не решилась на форсирование интеллекта своего сына, однако она не теряет надежды устроить будущее для него.